

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№3 · 2023

ДЕТСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ: трудности развития

Тема номера:
любовь и ненависть

Сборники:
по материалам конференций

Психоанализ культуры:
фильм-анализ

ЕАРПП

Национальное отделение
ЕСРР (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.

Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии» (ЕАРПП)
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Подписка: бесплатно для
читателей. Для ознакомления
с номером достаточно зайти
на сайт <https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера
подпишитесь на общую
рассылку сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com

Данные № 3 (11), 2023:
Дата выхода: 1 декабря 2023 г.

ISBN 978-5-6048201-7-9

ISBN 978-5-6048201-8-6

9 785604 820186

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор: Т.О.Тишкова

Заместитель главного редактора,

куратор рубрик «События» и «Людам про людей»:

Г. В. Гридаева

Научный редактор:

Я. И. Коряков

Редактор рубрики «Тема номера»:

Т. В. Мизинова

Куратор рубрики «Из мира науки»:

Х. Г. Фостиропуло

Куратор рубрики «Психоанализ культуры»:

О. Н. Яковлева

Руководитель проекта «Звезды мирового

психоанализа»: Т. А. Тармогина

Вёрстка: Е. Артемьева

Все права защищены.

Перепечатка текстов и иллюстраций только с разрешения
редакции. При цитировании ссылка на журнал «Пространство
психоанализа и психотерапии» обязательна.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов. Редакция
не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Благодарности

Редакция журнала выражает благодарность
за добровольные пожертвования на развитие
проекта всем коллегам.

Спасибо! Ваша помощь важна!

Если вы хотите оказать изданию финансовую поддержку,
свяжитесь с Казначеем ЕАРПП Тишковой Татьяной
Олеговной

aloxa50@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Одиннадцатый выпуск журнала редакция назвала «детский». Работа над статьями и докладами конференции в Самаре вдохновила на развитие темы детского психоанализа, появились идеи, как дополнить, расширить рубрику «Тема номера», и в результате весь номер посвящен детскому психоанализу.

В журнале появилась новая рубрика «Сборники», в которой опубликованы статьи о работе с детьми и родителями.

Иллюстрации в этом выпуске особенные – это рисунки из личных архивов членов редакционного совета. И эти удивительные детские фантазии, безусловно, украсили номер журнала своей искренностью и спонтанностью.

Редакция благодарит Яну Ноздрину, которая перевела статью Элис Балинт, Самарское региональное отделение ЕАРПП и всех коллег, которые помогли в подготовке этого выпуска журнала.

Главный редактор Татьяна Тишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

6

Терехина С.Ю.

Конструируем ракеты и смыслы – от буквального к символическому

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ В САМАРЕ

8

Тишкова Т.О.

«Подранки» или жизнь после разлома семьи

19

Даньшина Н.А.

Быть родителем для родителей: формирование представлений о правилах и ограничениях в работе с семьей

30

Коряков Я.И.

Фантазия о родительской паре

40

Балинт Э.

Любовь к матери и материнская любовь

58

СБОРНИКИ

76

Викторов Е.А.

Современный ребенок: «монстр» ...
или «жертва»?

78

Гридаева Г.В.

Уровни атаки на родительскую пару:
социальный, семейный
и интрапсихический

90

Исангулова А.М.

Влияние социокультурной матрицы на
женское здоровье

100

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

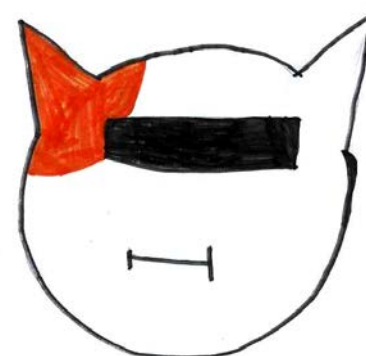
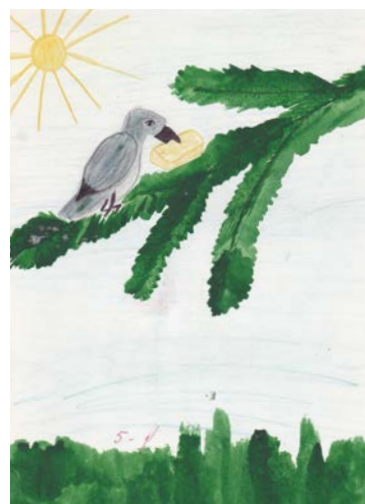
112

Ворох А.С.

Убийство священного оленя

ФИЛЬМ-АНАЛИЗ

114

ТЕМА НОМЕРА

Участники конференций в Самаре всегда отмечают атмосферу сотрудничества, активные обсуждения докладов, интеллектуальную и эмоциональную наполненность как послевкусие плодотворной работы.

«Наши профессиональные конференции аккумулируют опыт коллег и обогащают наш внутренний мир», - отмечает в своем обзоре V Межрегиональной научно-практической конференции: «Любовь и ненависть: от буквального к символическому» Светлана Терехина. Обзор необычный: путешествие по историческому прошлому Самары удачно продолжилось в пространстве конференции, где обсуждались важные вопросы о любви к ребёнку и агрессии. Несколько докладов участников конференции, посвященных высокой психоэмоциональной нагрузке в условиях современной неопределенности, изменениям баланса между буквальным и символическим, амбивалентности чувств любви и ненависти, редакция публикует в этом номере.

Фантазии о родительской паре Ярослава Корякова и размышления Элис Балинт о любви к матери и материнской любви продолжают поиски ответов на извечные вопросы о психическом здоровье ребенка.

Конструируем ракеты и смыслы – от буквального к символическому

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ В САМАРЕ

Терехина Светлана Юрьевна

- Психоаналитически-ориентированный психолог, аналитический психолог
- Член ЕАРПП (РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria).

Чтобы найти что-то новое
в, казалось бы, известном,
требуется обратиться к началу.

Конференции ЕАРПП — прекрасная возможность отправиться в путешествие, посетить новые города или вновь познаться с уже известными, найти в них новые смыслы. Даже если такие мероприятия проходят в виртуальном пространстве интернета, все равно каждая такая встреча неповторима. Это зависит не только от темы конференции, от прочитанных докладов, обсуждений и круглых столов, но и от аутентичной атмосферы места, города, где проходят конференции региональных отделений.

Каждая конференция ЕАРПП вносит свой вклад в общее пространство развития психоанализа и психотерапии. Такие встречи позволяют обмениваться профессиональным опытом и способствуют совместному поиску ответов на актуальные вопросы профессионалов и запросы общества. Традиционно, в апреле 2023

года в региональном отделении ЕАРПП города Самары состоялась V Межрегиональная научно-практическая конференция, которая была посвящена теме: «Любовь и ненависть: от буквального к символическому».

Участники самарских конференций всегда отмечали, что профессиональные встречи в Самаре направлены на соучастие и сотрудничество, что раскрывается в содержательных обсуждениях после выступления докладчиков.

А знаете ли вы что:

Топонимика слова Самара имеет множество значений и на сегодняшний день ученые так и не пришли к единому мнению, откуда же происходит название города Самара и что оно означает.

Вот одно из значений, мне оно нравится, а вам? «Однажды одна гордая речка заявила: «что мне Ра? Когда я Сама Ра!» По-моему, очень эмоционально!

Другое значение слова Самара происходит от арабского «сурра мин раа» – «обрадуется тот, кто увидит».

Есть и библейское истолкование топонима, от библейской Самарии – сторожевое место, башня, сильнейшая крепость. Этот библейский образ был перенесен на волжскую Самару.¹

¹ <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

Нивелирование границ в детско-родительских отношениях, исчезновение общепринятых понятий «норма» и «патология», «дозволенное» и «недозволенное», с одной стороны, делают людей более свободными, но с другой, предъявляет более высокие требования к личностной зрелости родителей и других людей, участвующих в жизни ребенка.

Все мы, так или иначе, замечаем, что происходящие в социуме изменения и кризисы оказывают значительное влияние на отношения родителей и детей внутри семейной структуры, равно как и на семейную структуру в целом. В пространстве лиминальности и неопределённости возрастает психоэмоциональная нагрузка – меняется баланс между буквальным и символическим, становится труднее выдерживать амбивалентность чувств любви и ненависти.

Основная тенденция современного общества — это размывание и стирание границ. Нивелирование границ в детско-родительских отношениях, исчезновение общепринятых понятий «норма» и «патология», «дозволенное» и «недозволенное», с одной стороны, делают людей более свободными, но с другой, предъявляет более высокие требования к личностной зрелости родителей и других людей, участвующих в жизни ребенка. Сегодня родитель не может спокойно опираться на традиции и общепринятые модели воспитания.² Где, как не в Самаре (со своим символическим значением крепости, как аванпоста, особой охраняемой территории, где пересекаются важные торговые пути, где проходит граница между своим и чужим), можно начать совместный поиск ответов на такие важные вопросы: Что является проявлением любви к ребёнку, а что наносит вред его психологическому развитию? Как сегодня формируется пространство между буквальным и символическим в системе отношений «родитель – ребёнок»?

А знаете ли вы что:

Старейшее письменное упоминание о населенном пункте на слиянии рек Самара и Волга было сделано арабским путешественником Ибн-Фадланом в 921 году. А в 1367 году город – пристань Samar был отмечена на карте венецианских купцов Пицигано.³

Доклад «Символ и сознание», представленный Савичевой Еленой Петровной (PhD, психоаналитический психотерапевт, супервизор по индивидуальному и групповому психоанализу ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria), групповой супервизор IGA) отсылает

---

2 Из анонса V Межрегиональной научно-практической конференции РО ЕАРПП г. Самара «Любовь и ненависть: от буквального к символическому»

3 <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

нас к истокам симвообразования. Чтобы найти что-то новое в, казалось бы, известном, требуется обратиться к началу. Как история города начинается с первых письменных упоминаний о нем, так и погружение в тему конференции начинаем с основ понятия симвообразования.

В своем докладе Елена Петровна рассуждает об уходе из психоаналитического дискурса символики классического психоанализа. Сегодня мы уже говорим о множественной реальности и теории поля. Аналитическая ситуация в такой перспективе одновременно является полем наблюдения и полем взаимодействия. Таким образом, аналитический процесс становится динамической переменной и одновременно константой, которая представляет собой сумму взаимодействий пациента с окружением, частью которого является персона аналитика и его роль.

Клинический пример, представленный в докладе, показывает, что как доступная для нас, потомков, история города начинается с его первого упоминания на картах торговых путей, так и символ является той точкой, с которой начинается история пациента. Когда в аналитическом кабинете удастся создать особое поле, в котором запускается процесс символизации, тогда сознанию пациента становятся доступны те области психического, которые ранее были скрыты, отщеплены и давали о себе знать как неконтролируемые, неуправляемые и разрушающие силы ненависти.

А знаете ли вы что:

Официальной датой основания русского города Самара считается 1586 год, когда по приказу царя Федора Иоанновича, воеводой князем Григорием Осиповичем Засекиным была построена самарская крепость.⁴

Итак, в далеком 1586 году город крепость Самара встроилась в расширившиеся границы Руси и стала выполнять важное стратегическое значение по укреплению границ, а также по осуществлению контроля над волжским торговым путем в средней его части. С этого момента можно говорить о том, что отдельный город как малая группа становится составной частью большой группы – государства.

Особенностям функционирования малой и большой групп, различиям в целях и задачах, которые формулируют и разрешают малая и большая группа, а также особенностям формирования и развития символов в поле малой и большой группы был посвящен доклад «Современное мифотворчество в поле Большой группы» Тимошкиной Алины Алексеевны (к.псих.н., Президент ЕАРПП, психоаналитик, групп-аналитик, Доцент кафедры клинического психоанализа МИП, Член правления ЕСРР (Vienna, Austria); Руководитель Международной Школы Группового Психоанализа (COIRAG, EGATIN,

---

Как доступная для нас, потомков, история города начинается с его первого упоминания на картах торговых путей, так и символ является той точкой, с которой начинается история пациента.

---

4 <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

Главное в Большой группе то, что она удовлетворяет три важные потребности человека: потребность быть отраженным; потребность в идеализации; потребность быть похожим на других.

ЕСРР), Супервизор ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria)).

В ЕАРПП с начала 2023 года запущен проект по групп-анализу «Большая группа ЕАРПП сэндвич-методом». Модель «сэндвича» подразумевает особую динамику – проводятся две малые группы, между ними большая группа. Главное в Большой группе то, что она удовлетворяет три важные потребности человека: потребность быть отраженным; потреб-

ность в идеализации; потребность быть похожим на других. Малая группа актуализирует проблематику через переносы паттернов семейных отношений. Большая группа утилизирует проблематику через диалог, который представляет собой процесс трансформации бездумья в понимание. В большой группе запускается свободно плавающая дискуссия, можно переживать и обсуждать разные, иногда противоречивые чувства; из диалога рождается мышление. Так возникает точка эмоциональной сборки, которая отличает цивилизованные группы от архаичных. Большая группа формирует микро-культуру общества с той отличительной характеристикой, что мы можем обратиться к ней и получить ответ. У большой группы есть способность гуманизировать и индивидуума, и общество одновременно.⁵

Мятежный дух Самары:

В 17-18 веках Самара оказывалась в эпицентре самых известных крестьянских восстаний – Степана Разина и Емельяна Пугачева, причем во время пугачевского бунта город перешел на сторону восставших добровольно.

Так же добровольно, практически сразу и без кровопролития была установлена в Самаре Советская власть. Об установлении в городе советской власти объявил Валериан Куйбышев в ночь с 8 на 9 ноября 1917 года, а произошло это историческое событие в здании Театра-цирка «Олимп» – нынешней Самарской Филармонии.

Но и тут не обошлось без мятежного духа Самары. Летом 1918 года город был занят белочехами, и Самара на некоторое время стала центром белой мятежной Российской республики. В октябре 1918 года в город с боями вошла Красная Армия, отряды которой возглавлял Василий Иванович Чапаев. Об этих событиях напоминает памятник тачанке Чапая, установленный на площади его имени, рядом с Самарским Академическим Театром Драмы им. Горького.⁶

---

5 Из анонса V Межрегиональной научно-практической конференции РО ЕАРПП г. Самара «Любовь и ненависть: от буквального к символическому».

6 <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

Тут мне вспоминаются слова Интернационала: «Кипит наш разум возмущенный.....» и далее: «Весь мир насилья мы разрушим/До основанья, а затем/ Мы наш, мы новый Мир построим:/ Кто был ничем, тот станет всем»⁷.

Гимн бунта был написан во Франции, но не прижился на своей родине, а стал гимном революционного движения в России. О, это упоительное чувство молодых революционеров (младенцев и подростков), когда со страстью и упорством доказывается несостоятельность любых правил и ограничений, любых авторитетов (и совсем неважно кого свергать – Царя, буржуазию или родителей). Как соблазнительно отдаться этому чувству и создать мир, в котором нет никаких правил, где господствует свобода, которая приравнивается к любви. Но история любовью революции показывает, как драматично разворачиваются события в мире без правил, границ и авторитетов; все благие намерения оборачиваются своей противоположностью. Жажда свободы и любви превращается в разрушительную ненависть.

Как соблазнительно отдаться
этому чувству и создать мир,
в котором нет никаких правил,
где господствует свобода, которая
приравнивается к любви.

Доклад: «Введение правил и ограничений как условие взросления и развития», представленный Даньшиной Натальей Александровной (психоаналитик, член Правления ЕАРПП, председатель Комитета по развитию регионов ЕАРПП, тренинговый аналитик ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria)) как раз расставляет акценты на важности требований и ограничений, как необходимых условий воспитания для развития психики ребенка.

Родители в современном нарциссическом обществе сталкиваются со сложностями в реализации этого фактора. В условиях нарциссической пустоты происходит подмена понятий: любовь становится синонимом исключительно удовлетворения, а ненависть – любой фрустрации. Поэтому детско-родительское взаимодействие зачастую превращается в бесплодную попытку избежать проживания таких сложных чувств, как стыд и агрессия. Формализация, функциональность отношений и незрелость родителей приводит к сбоям в системе «брат-давать» у ребёнка, что затрудняет, или даже полностью исключает способность благодарить. Наталья Александровна в своем докладе проводит параллель с терапевтической работой для формирования практических рекомендаций по преодолению актуальных проблем в детско-родительских отношениях.

А знаете ли вы, что:

В 1895 году Максим Горький провел свой первый рабочий день в редакции «Самарской газеты» — именно благодаря этому периоду жизни Горький позже сказал, что в Самаре он «родился как писатель».

---

⁷ Текст принадлежит французскому поэту, анархисту, члену Первого интернационала и Парижской коммуны Эжену Потье. Был написан в дни разгрома Парижской коммуны (1871).

Великий композитор Дмитрий Шостакович, будучи в 1942 году в эвакуации в Самаре, закончил написание и впервые исполнил свою великую «Ленинградскую» симфонию.⁸

Один из лейтмотивов самарской конференции можно обозначить фразой из рекламы начала двухтысячных: «Мы такие разные – но все-таки мы вместе». Конференция – это возможность поделиться своим индивидуальным и неповторимым стилем мышления, обработки психоаналитического материала и способа его изложения.

Творческий подход к теории и практике психоаналитической работы демонстрирует в своих выступлениях Татьяна Олеговна Тишкова (редактор Журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии», Супервизор ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria)). Доклады Татьяны Олеговны всегда отличаются особым художественным стилем. Слушая их, кажется, что ты окунаешься в глубокое литературное произведение и, как не редко бывает с хорошей книгой, хочется читать и снова перечитывать. Всегда остается надежда на продолжение и, желательно, в твердом переплете.

На самарской конференции Татьяна Олеговна представила доклад ««Подранки» или жизнь после разлома семьи».

Любовь и ненависть в детской психике часто не дифференцированы и выглядят как болезненный сплав боли, отчаяния и безусловной любви. Невозможность выразить свои чувства, неумение докричаться до взрослых приводят детей к болезни. Особенно трудно приходится детям разведенных родителей. Кого любить, кого ненавидеть? Как выжить и не остановиться в развитии такому ребенку? Целостность семьи нарушена, мир разломился надвое и воспринимается через фильтр катастрофы, плюс становится минусом, любовь меняется на ненависть. Кажется, что путешествие от трагедии к вере в лучшее невозможно. Аналитическая терапия детей и подростков помогает увидеть свет в конце тоннеля, набраться сил для проявления своих чувств и найти баланс любви и ненависти.

А знаете ли вы что:

- именно в Самаре в конце 19 века был изобретён баян, который позднее стал культовым русским музыкальным инструментом;
- именно в Самаре в 1915 году был запущен первый в России трамвай;
- именно в Самаре 18 ноября 1927 года родился Эльдар Александрович Рязанов, советский и российский кинорежиссер.⁹

Доклад «Ритмы любви и ненависти в психоаналитическом кабинете. Рифмы ревери», представленный Терехиной Светланой Юрьевной (психоаналитически ориентированный психолог, член ЕАРПП РО Самара) – еще один вариант оригинального и творческого подхода к психоаналитической работе. Докладчик делится собственным опытом работы с материалом аналитических сессий.

---

⁸ <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

⁹ <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

Аналитик пытается символизировать свое переживание, связанное с пациентом, и говорить о нем себе самому, какими бы отдаленными от пациента ни казались эти фантазии. Такие размышления нередко складываются в стихи, в рифмованные мысли «О» и этот процесс стихосложения превращается в схватывание переживания в языке.

Иосиф Бродский говорил, что поэзия дает прозе “великую дисциплину”; так же поэзия дает великую дисциплину для аналитического слушания и размышления. Такой процесс можно назвать ревери аналитика, которое накапливает смысл. Без ритма не будет рифмы, точно также не будет рифмы и без слов (контейнеров смыслов), т.е. стихотворная форма приводит к сотрудничеству любви и ненависти. Благодаря Эросу есть возможность связывать, благодаря Танатосу – прерывать; возникает ритмическая пульсация, которая порождает смысл и контейнирует тревогу неопределенности.

А знаете ли вы что: постреволюционные перемены отразились в переименовании многих улиц и площадей Самары. После смерти Михаила Фрунзе в городе появилась улица его имени, после смерти Валериана Куйбышева его именем были названы не только улица и главная городская площадь, но и сам город стал называться Куйбышевым. Соответственно, и вся область стала Куйбышевской. А крупнейшее водохранилище Евразии до сих пор носит название Куйбышевского, напоминая о существовании когда-то города с таким именем. В начале 90-х годов городу вновь вернули название Самара.¹⁰

В условиях нарциссической пустоты происходит подмена понятий:
любовь становится синонимом исключительно удовлетворения,
а ненависть – любой фрустрации.

Нам всем бывает обидно, когда нас не замечают, не отражают, забывают наши имена или называют нас другим именем. Обида – сложное чувство, в котором легко потонуть, оно тянет на дно и опускает уголки губ в вечно печальной гримасе. А бывает и невозможно отказаться от «обиды» если это – единственно возможный способ выстраивания отношений со значимыми другими. И если не «обида», то что вместо нее? Возможность говорить об обиде снижает накал страстей и позволяет избежать соматизации. На конференции Гридаева Галина Витальевна (врач-психотерапевт, психоаналитик, заместитель главного редактора журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии», руководитель Центра Современного Психоанализа, Вице-Президент ЕАРПП, супервизор ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria)) представила доклад «Зыбучие пески обиды: между любовью и ненавистью».

«Обида» в психоаналитической паре рассмотрена очень тщательным образом, через увеличительное стекло профессионального опыта аналитика. Мы исследовали характеристики обиды и ее диагностический и прогностический потенциал; проявления

---

¹⁰ <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

Конференция – это возможность поделиться своим индивидуальным и неповторимым стилем мышления, обработки психоаналитического материала и способа его изложения.

обиды у людей с различным типом характера; проявления обиды в переносно-контрпереносных отношениях.

В дискуссии после доклада обсуждалось, что психоаналитик – тоже человек и никакие чувства ему не чужды, в том числе и чувство обиды. В аналитической паре потребности аналитика часто фрустрированы, важно удовлетворять их в жизни – интересной, насыщенной, богатой

отношениями с любимыми людьми. Если специалист не замечает или подавляет свой гнев и не находит способа его выразить, то все это может привести к соматизации, профессиональному выгоранию или отыгрыванию через обрыв терапии. Такое понимание «очеловечивает» персону психоаналитика, снимает его с нарциссического пьедестала и помогает выбраться из дебрей всемогущества.

А знаете ли вы что: в годы Второй Мировой войны город Куйбышев готовился принять на себя роль российской столицы. В городе были расквартированы многие члены правительства, дипломатические консульства, посольства многих стран, творческая элита, в том числе Мосфильм и труппа Большого театра. Символично, что на центральной площади города проходил Парад – дублер Военного парада в Москве 7 ноября 1941 года. Об этом историческом событии напоминает Памятный знак на площади Куйбышева.¹¹

С особо сильными чувствами мы сталкиваемся в психоаналитическом кабинете, когда работаем с доэдипальными пациентами. Тогда аналитический кабинет может превратиться в поле битвы или в шпионский молчаливый детектив. Такие пациенты стабильно используют примитивные защиты и формируют нарциссический перенос в терапии. Любовь у доэдипальных пациентов проявляется внешне невидимым образом, через удерживание и непроявление агрессии, что позволяет им сохранять связь со значимым объектом, в том числе с аналитиком. О «Любови и ненависти в работе с доэдипальными пациентами» рассказывал Ян Олегович Федоров (к.м.н., Супервизор Российской Психотерапевтической Ассоциации; Супервизор ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria)).

В терапии доэдипальных пациентов можно добраться до любви, если идти через вербализацию агрессии. Тогда наш кабинет может служить полигоном, запасным аэродромом и безопасным пространством – «дублером» реальности, где возможно «научиться заново ходить», чувствовать и выстраивать отношения, а со временем провести собственный «парад победы» над невзгодами и неурядицами жизни.

А знаете ли вы что: в Самаре находится Бункер Сталина, построенный для главнокомандующего страны во время Второй Мировой войны.

---

¹¹ <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

Он находится на Чапаевской площади под зданием Академии культуры и его можно осмотреть в составе экскурсии. Для Лаврентия Бери, кстати, строился отдельный бункер на Хлебной площади, а для Михаила Калинина на Площади Куйбышева со стороны Вилоновской улицы. Этот бункер сегодня является Пунктом управления Самарского военного округа. Под Театром оперы и балета есть еще бункер. А вот подземное укрытие для товарища Жукова располагалось под санаторием «Волга».¹²

Психическое здоровье – это довольно уязвимая тема. А вопрос детских психозов – еще более деликатный и болезненный, особенно для родителей ребенка, страдающего психозом. Дементьева Екатерина Владимировна (психоаналитик, член ЕАРПП, Самара) в докладе: «Проявление любви и ненависти у детей, страдающих психозом» красноречиво рассказывает особенности и сложности работы с такими детьми.

Детский психоз имеет разные формы и проявления, он сложен в диагностике и лечении. Психоз – наивысшая, катастрофическая степень дезорганизации психической деятельности.

Любовь и ненависть в детской психике часто не дифференцированы и выглядят как болезненный сплав боли, отчаяния и безусловной любви.

В продолжение темы детских психозов и работы с ним остановлюсь на докладе «Возвращение из «ада. Клинический случай девочки 7 лет» Викторова Евгения Андреевича (председатель РО – Самара, специалист ЕАРПП, ЕСРР (Vienna, Austria)).

Доклад посвящён клиническому случаю терапии девочки младшего школьного возраста, переполненной ненавистью. Задача специалиста состояла в том, чтобы позволить девочке выплеснуть накопившуюся мощную, разрушительную энергию ненависти и остаться при этом стабильным, целостным, принимающим и помогающим Взрослым. Это была очень сложная задача – соприкоснуться с ненавистью, принимать ее без страха, сохраняя способность наблюдать и сопровождать ребенка в процессе терапии. Остаться в живых под бомбардировкой ненавистью.

Нередко в работе с детьми специалисты отмечают, что родитель как бы исключен из контакта со своим ребенком. В таком случае и ребенок, и родитель чувствуют свою беспомощность, проявляющуюся в агрессии и друг к другу, и к окружению и к аналитику. Тогда аналитическая работа и аналитический кабинет становятся своего рода местом выстраивания здоровых границ, безопасной средой, бункером, где становится возможным возвращение или возвращение заинтересованности родителя в контакте со своим ребенком, где происходит укрепление связей внутрисемейного контакта.

---

12 <https://russo-travel.ru/info/istoriya-samary/> © Путеводитель по России

Доклады, построенные на разборе клинических случаев, для участников конференции становятся своеобразной экскурсией в бункер психоаналитического кабинета, где мы можем увидеть реальную работу аналитика и сопереживать ему в столь сложной, но очень нужной работе.

А знаете ли вы что: Самара – это город самолето- и ракетостроения. Ракетносители Р-7, производимые на самарском предприятии «ЦСКБ-Прогресс», дали старт практически всем российским космонавтам. Памятник ракетносителю «Союз» находится на площади Дмитрия Козлова. Эта настоящая ракета установлена у входа в музей «Самара космическая». Самый массовый советский реактивный пассажирский самолет ТУ-154 был сконструирован в Самаре.

Завершилась конференция по традиции (еще со времен короля Артура) круглым столом, модераторами которого были Кочеткова Ирина Михайловна (психоаналитически ориентированный психолог, специалист ЕАРПП, РО Самара), Пачколина Анастасия Владимировна (психолог-психоаналитик, аналитический психолог, член ЕАРПП РО – Самара) и Высоцкая Мария Михайловна (психоаналитический психолог; к.филол.н., преподаватель КГУ им. И. Арабаева, член КПА г. Бишкек, член ЕАРПП РО Москва). Мы размышляли, что есть маска любви, а что есть маска одиночества и как можно совместить философские размышления о любви и одиночестве прошлого и объективную реальность современности. Как это «любить с умом», а не безумно, и если любить, то хорошо, если у этой любви есть смысл.

Теперь вы многое знаете о Самаре, такой древней, такой мятежной, такой творческой и космической, такой надежной и радушной. Наше время, говорят, нестабильно, непредсказуемо, говорят, что разрушительно – это прекрасное и ужасное время перемен. Мы все меняемся: и города, и даже континенты, незримо для человеческого глаза, меняют свои очертания. Сама вселенная находится в постоянном режиме сжатия и расширения. Так и психоанализ как теория и практика работы с человеком, и как способ познания окружающей действительности находится в постоянном движении и изменении. На сегодняшний день можно говорить о том, что современная психоаналитическая работа из искусства толкования приходит к искусству выдерживания тех проективных идентификаций, которыми переполнены современные пациенты, приходящие в психоаналитический кабинет. Наши профессиональные конференции помогают наблюдать за такими изменениями и трансформациями, аккумулируют опыт коллег и обогащают наш внутренний мир.

А наблюдать из красивого, теплого и безопасного места приятней вдвойне. Кстати, именно в Самаре находится самая красивая и протяженная набережная в России, ее протяженность составляет почти 5 км. Надеемся на следующую шестую Межрегиональную научно-практическую конференцию в ЕАРПП РО Самара в очном формате.

Возможность говорить
об обиде снижает накал
страстей и позволяет избежать
соматизации.

«Подранки» или жизнь после разлома семьи

Тишкова Татьяна Олеговна

- Клинический психолог, сертифицированный тренинговый аналитик и супервизор ЕАРПП, групп-аналитик и тренинговый аналитик ЕСРР, IAGP.
- Руководитель секции детского анализа РО Москва ЕАРПП, член Президентского совета саморегулируемой организации Национальная Ассоциация «Союз психотерапевтов и психологов», Вице-президент Русского балинтовского общества.

Конфликт лояльности заключается в том, что ребенок вынужден выбирать, на чьей стороне он находится: на маминой или на папиной.

В кабинет может влететь маленькая разбойница или воин, может, понурив голову и едва переставляя ноги, входить робкое существо, которое цепляется за маму, но чаще всего появляется опытный разведчик, из которого не выпытаешь тайну. Понятно сразу, что в семейном королевстве не все гладко.

Именно распад семьи часто – причина симптомов, которые родители больше не могут игнорировать. Это: вялость, преедание или отсутствие аппетита, проблемы со сном, энурез, боли в желудке, головные боли, другие.

Большинство детей, чьи родители развелись, раздражительны: они все чаще испытывают страх, беспокойство, печаль. Почти у каждого ребенка повышенная агрессия, которая разряжается на родителях или на других детях, некоторые реагируют, наоборот, усиленной зависимостью, а также задержкой социального и эмоционального развития.

Все эти симптомы часто сопровождаются снижением внимательности и ухудшением успеваемости, неиссякаемыми проблемами с поведением в школе и в семье, воровством.

Именно такими они приходят. Вернее, их приводят родители и говорят: «Сделайте что-нибудь, мы бессильны». «Спасибо, что пришли», – говорю я и начинаем разбираться.

Дети, которые постоянно втягиваются в ссоры между родителями, оказываются в тяжелом конфликте лояльности, который наносит вред психическому развитию. Он заключается в том, что ребенок вынужден выбирать папу или маму. Конфликт лояльности характерен не только для детей разведенных родителей, но и для детей еще женатых родителей, которые сознательно или бессознательно ищут в детях союзников своих разногласий.

Родители, которые исключительно ради детей сохраняют изживший себя союз, часто воспринимают ребенка как виновника этой неудавшейся жизни. («Если бы я тебя не родила, моя жизнь сложилась бы по-другому» – такое матери говорят нередко. Или: «Если бы не ты, я бы давно ушел от твоей матери» – сообщают отцы.) Такие отношения родителей и детей амбивалентны и возникает постоянная готовность к открытой или скрытой агрессии.

С психоаналитической точки зрения главную роль играют конфликты, которые скрываются за симптомами. Вполне возможно, что эти конфликты в процессе развития или под влиянием новых обстоятельств принимают другие формы выражения: менее аффективные и навязчивые, но они продолжают осложнять психическое развитие ребенка. Почти вся литература о последствиях развода для детей следует концепции адаптации, при которой появление и исчезновение симптомов приравнивается к появлению или исчезновению психических проблем.

Симптомы развода зачастую несут подсознательную функцию отвлечения родителей от их проблем и предложение заняться ребенком сообща.

Обследование через десять – пятнадцать лет после развода показало, что развод даже у детей, которые сумели хорошо приспособиться, оставил глубокие следы.

Частичная потеря одного из родителей почти у всех детей приводит к раздрации в душевном равновесии, которая, в свою очередь, может «запустить» невротические процессы с долгосрочным действием.

Ирритация – болезненное раздражение и повышение чувствительности нервной системы.

Что мы понимаем под переживанием развода? Юридический аспект для ребенка неважен: женаты его родители официально или состоят в гражданском браке. Развод родителей необходимо понимать как «психологический момент развода». Многим разводам предшествуют долгие конфликты родителей, во время которых они могут на время расставаться.

Есть дети, которые с нетерпением месяцы и даже годы ожидают возвращения отца или матери. Они печалются, но остаются здоровыми. А есть и такие, которых уже на второй день после развода словно подменили. Это зависит от того, как ребенок понимает ситуацию: уходит папа или мама навсегда или он/она вернется обратно. От других видов разлуки развод отличает необратимость или изменение привычных жизненных обстоятельств. Обычно эта ситуация возникает, когда ребенку сообщают, что «папа и мама разводятся», что «папа или мама уезжает навсегда», что «папа или мама не будет больше с нами жить». Это обстоятельство превращает развод в утрату.

С психоаналитической точки зрения главную роль играют конфликты, которые скрываются за симптомами.

Опыт развода и смерти одного из родителей с этой точки зрения имеет так много общего, что нет критериев, по которым их можно было бы отличить друг от друга. Особенно характерно это для детей до семи-восьми лет, которые еще не понимают, что такое смерть и воспринимают ее как «уйти навсегда».

Момент осведомления детей о состоявшемся или предстоящем разводе можно обозначить как психологический момент развода.

РЕАКЦИИ РЕБЕНКА

Поведение ребенка может быть выражением аффектов, но может отражать конфликт между подсознательными влечениями и механизмами защиты. Психические конфликты, которые проявляются внешне, воспринимаются взрослыми в качестве ненормального поведения или симптомов.

Если нас неожиданно покинет человек, которого мы любим больше всех на свете, мысли неотступно крутятся в одном направлении: «почему он уходит от меня?». Ребенок воспринимает это так, что отец покидает его. Осознание своей второстепенности в жизни любимого родителя, своей беспомощности как-то помешать разводу трансформирует печаль в ярость. Ярость ребенка может быть направлена на обоих родителей, когда появляется чувство, что родителям важнее их собственные потребности, чем его.

Агрессия — это влечение, которое может менять свой объект, иногда можно наблюдать, что ребенок ненавидит поочередно то отца, то мать, или обоих одновременно.

Развод часто является большой неожиданностью для эго ребенка, для его представления о том, что именно он является центром вселенной. И, хотя на третьем-четвертом году жизни ребенок уже догадывается о том, что у родителей есть и собственные отношения, он сохраняет иллюзию, что именно он — единственный объект любви родителей. Если это убеждение достаточно крепкое, то развод воспринимается как провал отношений с ушедшим родителем.

Некоторые ссоры родителей затрагивают вопросы воспитания, а значит, вращаются вокруг ребенка. Так он начинает воспринимать себя в качестве реальной причины конфликта. Часть обвинений, которые дети предъявляют родителям, может быть защитой от чувства собственной вины.

Многие дети пытаются играть роль примирителей в конфликтах между отцом и матерью. Развод — реальное доказательство крушения этих попыток. С уходом одного из родителей становятся реальными архаические страхи перед разлукой и потерей любви.

Страхи в разной степени сопровождают конфликты детей и подростков и становятся частью адаптации. Поэтому развод для многих детей как бы наказание, расплата за плохое поведение и недостаточные успехи, за запретные мысли, особенно за агрессивные фантазии. Чем меньше дети, тем чаще они думают, что запреты и лишения из-за недостаточной любви родителей, и это порождает страх, ярость.

Ребенок, который чувствует себя раненым, в гневе не хочет видеть отца или мать, желает, чтобы они исчезли, умерли (что для маленьких детей одно и то же). Такие приступы агрессии, естественно, быстро проходят и потребность в любви снова возвращается, как и сама любовь. Но остается страх, что злые желания могут превратиться в реальность и привести к наказанию.

Ребенок вскоре понимает: мама и папа остаются вполне достигаемыми, они живы, не разрушены его гневом и страхи отступают. Такой опыт учит ребенка различать фантазию и реальность, преодолевать представления о своем всемогуществе. Расплата за ужасные мысли и желания не наступила и страхи перед наказанием образуют фантазии о хищниках, ведьмах, призраках. Так происходит при нормальном развитии событий.

В тех случаях, когда дети во время обострения конфликтов внезапно узнают об уходе одного из родителей, это похоже на исполнение спонтанного желания об исчезновении отца, или если агрессия была направлена на мать, ребенок может думать, что мать наказывает его за его злость разлукой с отцом. Чувство вины порождает страх перед расплатой и страх перед силой собственного всемогущества.

К этим глубинным страхам относится и страх после отца потерять и мать:

«если мама не любит больше папу, может быть, скоро она не будет любить меня и уйдет». В результате таких раздумий ребенок может изменить свое поведение: будет избегать ссор, уменьшит запросы, придержит агрессию в надежде избежать опасности быть выброшенным.

Эмоции в этих случаях могут быть разными: от печали до ярости, вина и страх — это нормальные реакции ребенка на развод родителей. Печаль помогает примириться с потерей и утешить себя, если это не случаи депрессии.

Ярость ребенок испытывает при очень сильном разочаровании в объекте, от которого ожидает любви. Ярость также помогает бороться против плохой части объекта или самого объекта для восстановления хорошей его части и репарации отношений с объектом.

Если родители сумели объяснить ребенку причины развода, и при этом он чувствует себя в безопасности, со временем он сможет преодолеть большую часть страхов и чувство вины.

КАТАСТРОФА

Идентифицировать себя с другим означает фантазировать, что ты как этот другой, переживать, как он, присваивать себе часть объекта.

Почти вся литература о последствиях развода для детей следует концепции адаптации, при которой появление и исчезновение симптомов приравнивается к появлению или исчезновению психических проблем.

Поведение ребенка может быть выражением аффектов, но может также отражать конфликт между подсознательными влечениями и механизмами защиты.

Жить дальше без отца означает для мальчика потерять самого себя. Отец после развода в фантазии ребенка унес с собой хорошие и сильные части личности сына. Осталось маленькое существо, обижаемое и чувствующее себя в полной зависимости от чересчур заботливой матери. Потеря отца означает также потерю будущего в его становлении мужчиной,

поскольку у него отняли возможность уже сейчас, путем идентификации с отцом, таковым себя ощущать.

Развод кастрирует мальчика и делает реальными эдиповы опасения. В этих обстоятельствах печаль превращается в растерянность, чувство вины. Мальчик может стать конформистом, податливым и слабым, может стать лживым и изворотливым, а может начать проверять мир на прочность, нарушая границы и вообразить себя воином, надеясь, что отец когда-нибудь оценит его подвиги и вернется к нему. Он грубит матери, издевается над учителями и одноклассниками или громит шкафчики в детском саду.

В случаях, когда после развода бывшим супругам не удалось сохранить хорошие отношения, отец обесценивает мать ребенка, требует не слушать ее и отчима, дети теряют ориентиры и возможность идентифицировать себя с мужской фигурой затруднительно. Отец ушел – он плохой? Или хороший, если не заставляет выносить мусор, не зудит над ухом: «делай уроки, вставай и иди в школу, ешь суп, а не гамбургеры». Он приезжает под Новый год с подарками и устраивает праздник. Все остальное время можно фантазировать о нем.

Так произошло в семье двух мальчиков. После развода они живут с матерью. Старшему 15, младшему 12. Отец несколько лет находится в другой стране, по телефону руководит воспитанием. Он очень зол на мать сыновей за развод и постоянно внушает, что это она разрушила семью, хотя именно его пьянство и насилие стало причиной развода. Он учит сыновей не слушать мать и отчима, не выполнять их требования по поддержанию чистоты, посещению школы. В результате старший решил, что он «дотянет» до 18 лет и дальше будет жить один, в квартире, которую ему предоставят отец и мать, на деньги, которые зарабатывает мать (она виновата – пусть содержит меня). Он не ходит в школу юридически, лежит на диване и играет в компьютер. Естественно, грубит и слышать никого не хочет. Отец пишет грозные смс послания, обещает приехать и разобраться с теми, кто обижает его сына. Младший уже несколько лет питает надежду развести мать с новым мужем и тогда, как он надеется, вернется отец и все будет хорошо. Он коварно сообщает матери о всяких выдуманных им грехах ее нового мужа, исполняет завет отца не слушать мать и тоже грубит. Отец для него – идол. Живет в Европе, сильный, смелый, присылает иногда подарки и на каникулы забирает к морю. Но уроки – не его дело, поведение и жалобы учителей – это к матери. И мальчик орет на мать, что она испортила его жизнь.

Младший в терапии. Я рекомендовала орать на меня вместо матери. Он некоторое время получал удовольствие от процесса. Обесценивать ему очень нравилось. Я даже

не представляла, какая я ужасная: я отбираю деньги его матери, я его мучаю, посягаю на его свободу и время, я его не слышу и ничего не понимаю, главное, не делаю, как он хочет. Потом стал еще злее и чем больше ругался, тем труднее ему становилось. Я прокомментировала: «Ты хочешь, чтобы я тебя бросила?». «Да», – выдохнул он. «Чтобы вы меня бросили и я мог обвинять вас». «Именно этого я не сделаю» – ответила я. Периодически он еще «закипает» и нападает на меня, проверяя на прочность, но ситуация сильно улучшилась, терапия продолжается и отношения выстраиваются. До идентификации с отчимом еще далеко, но он уже слушает его и начинает соблюдать правила.

РЕАНИМАЦИЯ

Девятилетняя Маша после ухода отца постоянно держится за юбку матери, как четырехлетняя. Хотя мать и заверяет ее, что она ее никогда не покинет, но девочка думает, что вернее будет все же постоянно оставаться поблизости и повсюду следует за ней, контролирует, где и как мать отсутствует, запрещает ей куда бы то ни было выходить по вечерам. Кроме того, ее мысли постоянно занимает отец, она задает себе вопросы: хорошо ли чувствует он себя совсем один в своей новой квартире; не может понять, как получилось, что отец смог ее покинуть, несмотря на то, что любит ее, как уверял перед уходом; думает о том, как вести себя в выходные при встрече с ним, чтобы не ранить ни отца, ни мать.

Часто между родителями и детьми возникает сговор отрицания — результат желания родителей принизить или вообще отрицать значение развода. Такая тенденция порождает готовность ребенка к отрицанию, которая должна помочь ему смягчить последствия развода. Дети все улавливают. Бессознательно сигнализирует мать ребенку: покажи мне, что все не так уж плохо. И отрицание ситуации развода настолько усиливается у ребенка, что мать принимает желаемое за реальное. Иллюзия исключенности детей мешает говорить с ними об их будущей жизни, о том, что они переживают сейчас.

Развод кастрирует мальчика
и делает реальными эдиповы
опасения.

Еще одна возможность освободить себя от чувства ответственности по отношению к ребенку и избавиться от чувства вины – скрывать от ребенка развод, либо ожидать, что долгая разлука приведет к тому, что отец больше никогда не вернется. Обычная легенда: папа – разведчик или работает на полярной станции, мама – с театром на гастролях. В первом случае ребенок потеряет всякое доверие ко взрослым, во втором — потеряет веру в непрерывность отношений. В результате эти дети развивают в себе такой стиль жизни, при котором они постоянно проявляют потребность контролировать любимого человека, чтобы совладать со страхом его потерять.

Семилетний Ваня не ходит в туалет вне квартиры, нужно постоянно возвращаться домой. Он ждет отца и надеется, что он уже там, дома, когда они с мамой вернутся. Но мама не должна знать об этом, считает Ваня. Я догадалась об этом, но не имею права сообщать

маме, так мы договорились с Ваней в обмен на некоторое изменение поведения и ослабление контроля.

Откладывать сообщение о разводе или вообще его скрывать, желать поскорее закончить неприятный разговор об этом, надеяться на то, что развод не так уж страшен для детей — все это очень напоминает поведение детей.

В момент необходимости информировать дочь или сына о разводе родители действительно чувствуют себя как провинившиеся дети, они испытывают желание уйти от ответственности, пощадить себя, найти отговорки, обвинить других, скрыть. Подобные регрессии взрослых в сочетании с разводом могут иметь тяжелые последствия. Получается обмен ролями, в котором родители начинают выступать в роли детей, а дети в роли критикующих взрослых, которым доверено право выносить решения о виновности и невиновности. И это происходит именно в тот момент, когда сами дети сильно нуждаются безопасности, которую можно доверить родителям..

Часто детям отказывают в немедленной помощи уже в тот момент, когда они впервые слышат о разводе. И при этом именно обстоятельства, сопровождающие информацию о разводе, «запускают» послеразводный кризис. Дать ребенку возможность выражать свои аффекты, принимать его печаль и говорить с ним о его страхах, не пытаться

Часто между родителями и детьми возникает сговор отрицания — результат желаний родителей принизить или вообще отрицать значение развода.

образовывать коалиции против другого родителя и тем самым не навязывать ребенку конфликт лояльности — это только первые шаги, которые родители могут пройти вместе с детьми по тернистой дороге в другое будущее. И во многом они определяются коммуникацией.

Трудная миссия, которую в момент сообщения о разводе и в последующий период необходимо выполнить родителям, — взять на себя ответственность за причиненную детям боль. Использование лжи, отрицание, перекладывание вины на другого — основные причины ухудшения психического развития детей. Их поведение, в котором проявляется их печаль, и которое служит преодолению раздражения, не рассматривается родителями как взаимосвязанное с психическими проблемами, возникшими в результате развода. Тогда и развод официально не рассматривается как кризис. Если нет кризиса, то нет и проблем. А если нет проблем, то и плохое поведение — это только плохое поведение, которое родители встречают дисциплинарными мерами.

Ребенок становится все более одиноким, усиливаются специфические для развода аффекты и страхи. В результате поведение, ведущее к конфликтам с родителями, требует все новых затрат энергии, замечания и критика родителей усиливаются и далее по кругу.

УТОМЛЕННЫЕ ВЗРОСЛЫЕ

Беспомощность родителя, воспитывающего в одиночку ребенка, имеет последствия: отрицание, приукрашивание, умолчание, обвинение.

Финансовые трудности и связанные с ними перегрузки ограничивают время общения разведенной матери и ребенка, чаще меняется ее настроение.

Например, ребенок упрямится, когда хочет что-то получить, медлит по утрам, недоволен едой, ворчит из-за отмены похода в парк, отказывается мыть голову или чистить зубы и недавно разведенная мать склонна к раздражительным реакциям, может легко накричать на ребенка, удариться в слезы, наказать ребенка, хотя прежде обходилась одним только замечанием или беседовала с ребенком о возникшей проблеме.

В период кризиса ребенок тоже требует от матери больше внимания, чем обычно, а мать из-за перегрузок менее терпима. Агрессия, латентная при обычных условиях жизни в отношениях мать-ребенок усиливается в период кризиса. Ссоры и раздражительность порождают агрессивную реакцию обеих сторон, создавая конфликтные ситуации там, где ранее их можно было избежать.

Например, ребенок знает, что любимый герой в книжке, выходя гулять, надевает джинсовую куртку. Мальчик постоянно идентифицирует себя с этим героем, который также ходит в детский сад, ему тоже бывает больно и грустно. Мать использует эту идентификацию тоже, потому что герой из книжки чистит зубы и послушно выполняет просьбы взрослых.

Мальчик хочет одеть в детский сад джинсовую куртку, день прохладный и мать против. Можно обсудить с сыном, как мог бы замерзнуть любимый герой, если бы надел джинсовую куртку, можно было бы взять с собой куртку и надеть ее через несколько часов, если потеплеет. Но мать думает, что ребенок понимает, что на улице холодно, и сейчас он спорит намеренно, чтобы ей досадить. Она работает целый день, устает и хочет немного сочувствия. И она злится, говорит, что не сделает, как он хочет! В ответ – яростное сопротивление ребенка, которое усиливает гнев матери, в результате она запрещает гуляние вечером. Ребенок рыдает.

Мать считает сына черствым, а себя считает невинной жертвой, которая заслуживает заботу. Переживания из-за разрушенного брака мать переносит на ребенка и обрушивает на него негативные эмоции вместо разведенного родителя.

ЭДИПОВО РАЗВИТИЕ

В эдипе любовные устремления обычно направлены на одного родителя. В период послеразводного кризиса усиливается страх разочаровать его и поэтому потерять его любовь. Для ребенка это невыносимо. И тогда родитель воспринимается угрожающим,

---

Откладывать сообщение о разводе или его скрывать,
желать поскорее закончить неприятный разговор об этом, надеяться
на то, что развод не так уж страшен для детей — все это очень
напоминает поведение детей.

Трудная миссия, которую в момент сообщения о разводе и в последующий период необходимо выполнить родителям, — взять на себя ответственность за причиненную детям боль.

нополым родителем. Быть, как мать, для девочки – отказ от отца, для мальчика быть, как отец, — отказ от матери.

Если ребенок в ходе такой идентификации будет испытывать ненависть к другому родителю, в результате под угрозой могут быть эдиповы любовные отношения, а вместе с ними способность к дальнейшей гетеросексуальной жизни.

В семьях, в которых ребенок живет с одним из родителей, или когда один из них не участвует в семейной жизни, например отцы, которые появляются дома поздно вечером, когда дети уже спят, а в выходные дни тоже работают – реальные отношения отца и ребенка не случаются, как и в предразводных семьях.

Многие отцы в процессе развода сталкиваются с возможностью потери ребенка – право опеки становится полем битвы за отцовские права и влияние. Ситуация развода бывает равносильна символической кастрации отца, его нарциссические переживания выражаются в ярости. Некоторые мужчины увлекаются свободой, уезжают на месяцы или годы. Потом трудно снова вернуть доверие ребенка к отцу. Некоторые начинают борьбу против бывшей супруги и делают все наоборот, нарушают договоренности: ребенок может смотреть телевизор, сколько захочет, он остается с отцом допоздна в ресторане, лекарства «забывают» принять. Некоторые отцы реагирует на унижительное лишение отцовской власти и прав таким образом, что они и дальше пытаются играть роль главы семейства и распорядителя. Они любят показываться в детском саду или в школе, в дни посещения ребенка обследует их проверенный врач, дают детям распоряжения и указания, самостоятельно записывают в спортивные секции и, конечно, все это без согласования с матерью. Еще одна категория отцов, сильно обиженных в результате развода, ведет себя как беспомощная жертва и ищет сочувствия детей. Безусловно, бесконечные качели отношений матери и отца после развода могут быть остановлены, пока не превратились в порочный круг, даже это если поведение изменит один родитель.

что приводит вместо эдиповых конфликтов ревности к тяжелым конфликтам лояльности.

Такие дети, взрослея, вынуждены постоянно чувствовать необходимость выбора между двумя объектами и боятся ранить отсутствующего третьего. Невротические симптомы в таких случаях неизбежны. Конфликт лояльности, спровоцированный агрессивными отношениями родителей, мешает идентификации с од-

---

Ребенок в период кризиса требует от матери больше внимания, чем обычно, а мать из-за перегрузок менее терпима. Агрессия, латентная при обычных условиях жизни в отношениях мать-ребенок усиливается в период кризиса.

Итак, что может сделать аналитик, если разведенные родители привели ребенка в терапию:

- быть с ребенком вместе в его трудной ситуации и помогать ему не оказаться на войне, в которой нет победителей, помогать восстановить родительскую пару как защитную структуру, стать «третьим», который не позволяет одному из родителей присваивать его;
- разговаривать, прояснять, отвечать на сто вопросов: в чем я виноват, это я плохой, где я так провинился;
- позволять злиться на родителей, плакать, не стыдись своих аффектов;
- помогать не разлюбить своих родителей, не мечтать отомстить взрослым, или всем мужчинам и женщинам, восстанавливая доверие к миру.

И многое другое из того, что мы умеем.

Быть родителем для родителей: формирование представлений о правилах и ограничениях в работе с семьей

Даньшина Наталья Александровна

- Психолог,
- психоаналитик,
- тренинговый аналитик ЕАРПП,
- председатель Комитета по развитию регионов

В отсутствии правил
и ограничений не формируется
адекватное восприятие
реальности.

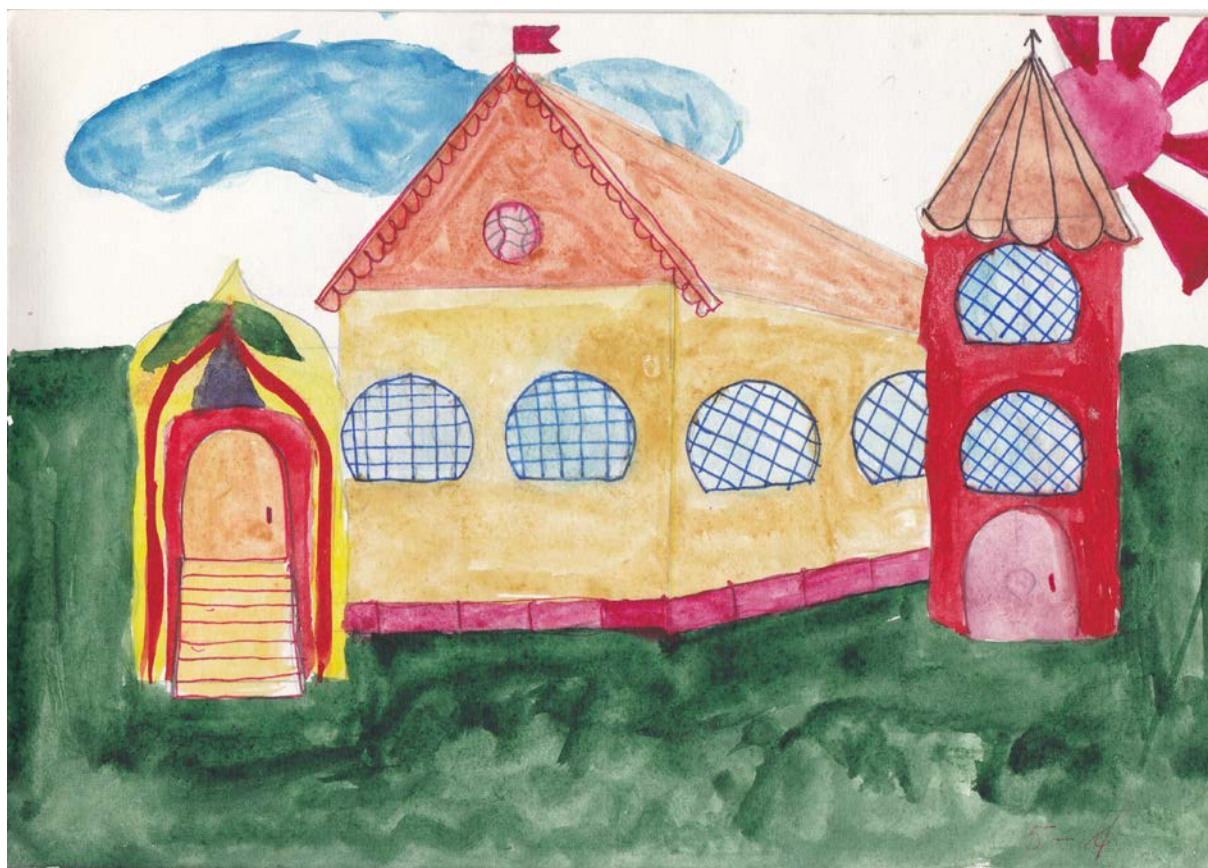
Наблюдая за социальным контекстом, в котором реализуется современное родительство, как практикующий детский аналитик я делаю вывод об ощутимой уязвимости и противоречивости позиции родителей сегодня, особенно в аспекте формирования правил и ограничений. Такое положение вещей очень распространено и ставит перед профессионалами новые задачи в осмыслении теории и поиске инструментов для реализации в практике, применительно к настоящему моменту. Кризисный фон требует мобилизации мысли и формирования адекватного отклика на запрос со стороны пациентов, в частности в сфере детско-родительских отношений.

Правила и ограничения вводят в жизнь человека принцип реальности, в то время как безусловное удовлетворение всех желаний – отголосок принципа удовольствия и часть инфантильной жизни.

В отсутствии правил и ограничений не формируется адекватное восприятие реальности. Фрустрация, возникающая вследствие реализации закона отца, – естественная реакция на запреты у невротика, дикаря и ребенка. Фрустрационная толерантность – это показатель нормальной адаптивности и условие роста, поскольку она отражает некую готовность принимать запрет взамен на преимущества, которые дает взросление (культура). Отто Фенихель писал об оценивании реальности и терпении к напряжению как о двух необходимых аспектах одной способности, составляющей базис самостоятельности ребенка [4].

Фрустрацию, как и прикорм, необходимо своевременно и последовательно вводить для нормального роста и развития ребёнка. На каждом этапе его взросления она обеспечивает развитие новых внутриспсихических конструкций, которые становятся несущими опорами для последовательного благополучного прохождения кризисов роста. В воображении рисуется картина лестницы, каждая ступень которой состоит из кирпичиков – усвоенных ребенком правил. Восхождение по лестнице тем свободнее и приятнее, чем ровнее и крепче ступени.

Вместе с тем, защищаясь, психика находит множество возможностей для избегания невыносимых переживаний, связанных, в том числе, с естественными ограничениями. А это, в свою очередь, порождает в обществе условия для легализации и подтверждения нарциссической грандиозности, сильнейшей поляризации (расщепления), подмены и смешения понятий, связанных, в частности, с границами и процессом их

формирования. Таким образом, родитель оказывается между молотом и наковальней, испытывая давление изнутри (особенности психической структуры, травмы, собственные защиты и т.д.) и снаружи (современная культура, социальные нормы и др.).

Испытывать сомнения и неуверенность на этапе освоения любой роли, в том числе родительской, нормально и естественно и, вместе с тем, непросто – необходимы зрелость и ресурс в виде прочной идентичности, удовлетворительных отношений с партнером, опыта принятия, поддержки, признания, совместности. Родительство всегда актуализирует собственные травмы развития. Психика обрабатывает их навязчивым повторением или избеганием: мы наблюдаем как родители изо всех сил пытаются уйти от моделей воспитания, которые применялись к ним в детстве, или точным образом воспроизводят их – бессознательно, эго-синтонно. Это лишает родительство творческого начала, терпеливой и заинтересованной включенности, чуткого отклика на потребности ребенка, способности видеть и воспринимать его как отдельного Другого, временно зависимого и хрупкого субъекта отношений. Таким образом, внутренних сил для реализации достаточно хорошего родительства оказывается недостаточно.

С другой стороны, зачастую само общество ведет себя в отношении родителей как нарциссичная мать: предъявляет грандиозные требования и отказывает в истин-

---

Родительство всегда актуализирует собственные травмы развития. Психика обрабатывает их навязчивым повторением или избеганием.

ной поддержке. Отражение этих внешних процессов мы можем наблюдать, например, в современных явлениях и тенденциях в области медицины и образования.

Высочайшие достижения медицины, с одной стороны, преодолевают невозможное, а с другой, отражают такую проблему современных взрослых людей как диффузная идентичность, в том числе полоролевая. До внедрения в жизнь

научно-технического прогресса в виде ЭКО, суррогатного материнства, вопрос репродуктивных трудностей решался парой. В большей степени за счет психического ресурса мужчины и женщины. Ребенка «вымаливали», тем самым признавая собственные ограничения, учились смирению, то есть пассивности, как аспекту женственности. Всё это предоставляло место гореванию и совместности супругов, времени для прохождения всех стадий принятия (отрицание, гнев, торг и депрессия и др.) было достаточно; параллельно трансформировались и отношения супругов. Зачатие проживалось как таинство, часть и результат интимности, теперь же – это действие, в которое включено тело женщины для практического решения вопроса, и то, что мешало паре зачать, останется в дальнейшем между мамой и малышом, создаст почву для того, чтобы ребенок функционировал как подтверждение материнской, женской состоятельности. Роль мужчины в процессе автоматически сводится к донорству материала (спермы и, возможно, денег) и может быть совсем деперсонализирована. Сроки, которые необходимы для медицинского направления на ЭКО, сокращаются и не вмещают в себя возможности психической обработки проблемы. Ребенок рождается носителем и воплощением нарциссической грандиозности, что требует от родителей дальнейшего «соответствия».

Зачастую само общество ведет себя в отношении родителей как нарциссичная мать: предъявляет грандиозные требования и отказывает в истинной поддержке.

Полагаю, что прочно сформированная половая идентичность и сила эго родителей могли бы здесь определить иной ход событий, но их недостаток растет с развитием научно-технического прогресса, возможно, являясь его ценой.

В обществе мы можем наблюдать одновременно как детоцентрированность, так и отказ от родительства («чайлдфри» - идеология, набирающая обороты).

Решение об отказе от родительства перестает быть частным и выходит в поле публичной дискуссии.

В случае детоцентрированности весь ритм семьи подстраивается под режим ребенка. При этом с ребенком не играют – играют в него. Внимание смещается с отношения на функционирование и проникает во все сферы жизни матери и ребенка. Я думаю, что тенденция форсированного развития, интеллектуальной перестимуляции, о вреде которой много сейчас пишут наши смежники, проистекает из непонимания как взаимодействовать с Другим. Более понятным становится процесс функционирования – ребенка можно лечить или учить. Тогда и функцией ребенка становится постоянное подтверждение матери ее «хорошести». Мы можем наблюдать смещение акцента с отношений на действия: мать следует некоему внешнему ориентиру вместо ориентира внутреннего, как следствие – имитация взаимодействия в сферах вскармливания, развития, лечения и образования ребёнка. На смену здравому смыслу приходит миф об идеальной матери (идеально функционирующей). Этот миф замещает собой представление о зрелой женской идентичности, которая подразумевает наличие способности понимать себя, способности к построению объектных отношений и к чуткости в отношениях с довербальным малышом в самом широком смысле.

Параллельно и в общественном сознании происходит подмена понятий и укрепляются иллюзии. Так, например, триада «школа (детский сад – учебное образовательное учреждение) – родители – ребенок» заменяется на частные образовательные учреждения, где традиционной директивности (консерватизму) и ригидности противопоставляются лояльность и отсутствие границ. В то же время и массовая школа вбивает клин между ребенком и родителями: перегруженные требованиями современных стандартов образования, родители вынуждены быть сосредоточенными на приведении ребенка в соответствие к требованиям школы, вместо терпеливого поиска исследования индивидуальных способностей ребенка\школьника, на которых он будет строить свою идентичность. Так, при провозглашении терпимости

В обществе мы можем наблюдать одновременно как детоцентрированность, так и отказ от родительства.

Решение об отказе
от родительства перестает
быть частным и выходит в поле
публичной дискуссии.

разовательных учреждениях на фоне одновременного заигрывания и эксплуатации родительских тревог формируются условия для продления возраста беспомощного детства, не создаются условия для сепарации и социализации детей. Например, форсированное раннее интеллектуальное развитие, наличие камер наблюдения в детских садах, индивидуальный график посещения заведения затрудняют взросление. И, вместе с тем, по-прежнему (или с новой силой?) повсеместно путаются/смешиваются понятия насилия и ограничения\запрета, наказания и принятия последствий действий, вины и ответственности. Можно констатировать отсутствие в системе образования адекватной взрослой власти и закона отца. Хочется верить, что это – динамическое отражение происходящих макропроцессов, а не конечный результат, но тем не менее...

Мы можем видеть стимуляцию деторождения со стороны государства, например, в виде профилактики абортов, предоставлении единовременных выплат по рождению ребенка, льгот молодым семьям в приобретении жилья и т.п., с одной стороны, и одновременно с этим наблюдать отсутствие институтов сопровождения материнства и детства, как и социальных мер, укрепляющих и поддерживающих родительство. Я имею в виду формирование в культуре не только формальных норм юридической ответственности за ребенка обоих родителей, но и фактического воплощения данной концепции, например, обязательного отпуска по уходу за ребенком для отца. Существующее в настоящее время положение вещей в сфере отношения к семьям с детьми отражает общую культуру и уровень воспитанности чувств (эмпатии, зрелости, ответственности).

Несмотря на доступность психологической помощи для родителей (госучреждения, частнопрактикующие специалисты, множество разнообразных предложений решения психологических проблем), по-прежнему сохраняется низкий уровень психологической культуры, что влияет и на качество предлагаемой помощи. Обращение к специалисту и выбор его происходит примерно так же, как и йогурта в супермаркете – все равно непонятно, чем они отличаются, кроме упаковки, и, если не понравится, можно поменять.

Подобный уход в область социального позволил мне продемонстрировать мысль Н. Мак-Вильямс о том, что «нарциссические заботы распространены повсеместно и легко могут быть вызваны ситуацией» [3, с. 217]. Описанные социальные тенденции иллюстрируют то пространство, в котором размещается современное родительство – оно определяет родительскую уязвимость, нарциссизирует детско-родительское взаимодействие и, вместе с тем, дает нам практические подсказки.

Для продолжения рассуждений на заданную тему вернемся в знакомую нам область психического. Попробуем рассмотреть ограничения, правила, запреты – систему

в обществе, вводится и прививается обратное.

Воспитательная функция, в частности возвращение ответственности чаду, упраздняется из-за ее трудоемкости, или на нее не остается ресурса. Границы ответственности между школой и родителями размыты. В альтернативных об-

отцовского закона, родительской власти, реализуемой в интересах ответственности перед будущим ребенка, их функции.

Фрустрация:

- а) отражает гарантии необходимой безопасности в мире;
- б) способна отразить ребенку изменившийся мир и его новую роль в нем;
- в) способна выступить условием для формирования взрослых навыков.

Базовую потребность в безопасности невозможно реализовать без ограничений: нельзя выбегать на дорогу, засовывать пальцы в розетку, выходить без одежды на улицу и др. Такие действия однозначно должны пресекаться. Без базовой безопасности нет познавательной активности, поскольку безопасность (как форма \ ипостась матери) активизирует привязанность, что позволяет реализовывать интерес к миру.

В условиях спутанности, непоследовательности внешней среды замешательство, напряжение, тревога ребенка растут и отвлекают его силы на совладание с ними.

Требованиям упорядочивания и гарантирования безопасности отвечают, в том числе, такие меры как разделение для ребенка пространства, предназначенного для еды, игры, сна, туалета.

Мы знаем про терапевтический эффект сеттинга. Цикличность, ритм, режим дня также играют для малыша важную роль – они позволяют формироваться представлению о структурировании хаоса через предсказуемость повторений, психическое осмысление и прогнозирование в этих условиях. Повторяя одно и то же, ребёнок приобретает знания, опыт, закрепляются его умения и навыки (эти принципы традиционно применяются в педагогике, в частности, ритм в расписании дня, недели, года, в подаче учебного материала и т.д.).

Обеспечение родителями границ времени и пространства – это простые правила, ведущие к взрослению ребенка.

Для демонстрации функции отражения меняющейся реальности (посредством фрустрации), на мой взгляд, исчерпывающе подходит аналогия с грудным вскармливанием, которое бесценно в определённых временных рамках, но если оно затягивается, то блокирует формирование у ребёнка последующих навыков и психических конструкций. На соматическом уровне, если ребенок долго сосет вместо того, чтобы откусывать, грызть и жевать, то у него формируется инфантильный прикус, при котором наблюдается недоразвитие верхнего неба, неправильное формирование челюсти, что отражается на многих функциях систем и органов, в частности, искажает артикуляцию и ведет к нарушениям речевого развития.

В определенном возрасте, при известной готовности ребенка, необходимо завершать приятное привычное взаимодействие и переходить к новому, более взрослому, передавая ответственность самому ребенку, тем самым подтверждая и реализуя его

Я думаю, что тенденция
форсированного развития,
интеллектуальной
перестимуляции ...
проистекает из непонимания
как взаимодействовать с Другим.

субъектность. То же касается характера и организации гигиенических процедур, телесного контакта матери с малышом (приятный и полезный в младенчестве контакт матери с ребенком «кожа к коже», возраст лицезрения ребенком обнаженной матери). Эти лишения необходимы и полезны в своё время и требуют родительской готовности сопровождать горевание малыша по утраченному.

Ф. Дольто [2] большое внимание уделяла желаниям малыша как фактору его собственного волеизъявления, самоактуализации, а значит, и самосознания. Социальное взаимодействие – необходимое пространство, в котором малыши могут во всей полноте ощутить столкновения собственных желаний с желаниями других. Ограничение желаний здесь обеспечивает тренинг фрустрационной толерантности и ведет к освоению навыков самоконтроля. Досадно наблюдать как спонтанная игра сверстников все больше заменяется образовательной деятельностью, организованной и рафинированной.

Здесь же следует упомянуть рождение сиблинга, которое меняет жизнь старшего ребенка до неузнаваемости. Изменение объема времени, которое мать может уделять старшему, есть отражение этой новизны в семейной системе. Задача родителей – не нивелировать это изменение, отыгрывая виноватость, а ввести его в реальность старшего ребенка бережно и неотвратно. Обозначение ребенку дивидендов от старшинства вместо заигрывания с инфантильным несогласием, принятие своих достоинств позволяет в итоге перейти от конкуренции к сотрудничеству и перенести этот опыт во взрослую

жизнь. Тогда ограничение ведет к возможности сотрудничества с пришельцем.

Наконец, эдипальный запрет необходим для того, чтобы, вырастая, девочки и мальчики становились, соответственно, женщинами и мужчинами.

Рассуждая о специфическом чувстве вины у женщины Жанин Шагссе-Смергель пишет, что когда мать достаточно фрустрирующая, то появляется необходимость иметь хоть один хороший объект. Если до некоторых пор материн-

---

Мы можем наблюдать смещение акцента с отношений на действия: мать следует некоему внешнему ориентиру вместо ориентира внутреннего, как следствие – имитация взаимодействия.

ский объект расщеплялся на хороший и плохой, то позднее, благодаря фрустрации со стороны матери, эта линия разделения проходит по другим границам – плохая мать, хороший отец. Происходит переход к более зрелой защите – к проекции. И вся неудовлетворенность, все то, что переживается как плохость, проецируется в мать, а в отцовский объект проецируется все хорошее. То есть, это специфическое чувство вины у женщины появляется именно вследствие идеализации отцовского объекта. Но эта идеализация необходима, буквально жизненно важна для того, чтобы иметь это равновесие, иметь хороший объект [6]. Это иллюстрация того, как фрустрация влияет на то, что объектные отношения (девочки) усложняются, переходят от диады к триаде, а, следовательно, обеспечивают взросление. Так фрустрация отражает изменение.

Массовая школа вбивает клин между ребенком и родителями: перегруженные требованиями современных стандартов образования, родители вынуждены быть сосредоточенными на приведении ребенка в соответствие к требованиям школы, вместо терпеливого поиска\исследования индивидуальных способностей ребенка\школьника, на которых он будет строить свою идентичность.

Но реализация очевидных правил сталкивается с родительской уязвимостью и вызывает конфликт между агрессией и стыдом (виной), когда довольный ребенок необходим для подтверждения родительской «хорошести», тогда как несчастный / недовольный / несогласный / протестующий ребенок означает, что родитель потерпел крах.

В мире потребления, непрерывного развлечения наращивается ценность удовлетворения сиюминутного желания и не уделяется внимание стоящей за этим желанием потребности. Контейнирование, то есть понимание и называние / обозначение ребенку его чувств окультуривает / возвращает их. Так происходит воспитание чувств – динамичный процесс, требующий времени и умений. Запрос на контейнирование (потребность быть понятым) ребенок проявляет, зачастую, повышением тревоги и демонстрирует в нежелательном для родителей поведении.

Мы видим сейчас сильный сдвиг в сторону нарциссизма, который делает огромным, практически непреодолимым (без психотерапевтического сопровождения) зазор между здоровым ощущением уязвимости, то есть естественным переживанием истинной самости и тем, что окружающий мир выдает за норму, то есть тиражирует ложную самость, навязанную обществом потребления.

Когда-то Э. Фромм рассуждал об эксплуатации, отчуждении от собственных чувств, разрыве связи с внешней реальностью и подмене реальности собой как характеристиках нарциссического общества [5]. Именно это мы встречаем сейчас в обыденной жизни.

Ранее я упомянула о том, что трудности одновременно подсказывают нам и практический выход. Поэтому здесь я поделюсь мыслями, которые могут сориентировать и выступить в качестве рекомендации внимательному специалисту. Особую гордость для меня представляет тот факт, что их формулировка и концептуализация стала возможной благодаря работе в супервизионных группах, в которых царит атмосфера сотрудничества и творческого обмена¹.

Во-первых, принцип «проще, еще проще». Актуальной терапевтической задачей становится просвещать о том, как устроен мир. Когда мы говорим родителям что-нибудь простое и безыскусное, элементарное с точки зрения нашей многолетней теоретической подготовки. Например, «Ты плохо себя чувствуешь, потому что такова

---

¹ моя глубокая благодарность одесской супервизионной группе под руководством М. Д. Машовец, в составе которой я имела удовольствие работать с 2020 по 2023 год, а также группе по понедельникам, которую я веду третий год.

реальность – жизнь с ребенком сильно отличается от того, что ты о ней думал, ориентируясь на соцсети. Жаль, что никто не предупредил, что это может быть так сложно». Этими словами мы обращаемся к маленькой уязвленной истинной самости, легализуем и нормализуем «стыдные» переживания неуспеха и высвечиваем грандиозный плюс, нависающий и давящий огромной горой иллюзий.

Во-вторых, сопровождение родительства становится все более актуальной и востребованной формой психотерапевтической работы, в которой наши психоаналитические знания выступают ориентирами и столпами. Следует заметить, что материнские фантазии заставляют ребенка тянуться к завышенным целям, а отказ матери от них разрешает ребенку обнаружить себя настоящего. Понимание и принятие соб-

---

Воспитательная функция, в частности возвращение ответственности чаду, упраздняется из-за ее трудоемкости, или на нее не остается ресурса.

ственных ограничений дает пространство для трансформации и возможность быть счастливым, исходя из имеющихся данностей. А формирование практических навыков, в конечном счете, ведет к укреплению истинной самости матери.

При подготовке доклада для самарской конференции «Любовь и ненависть: от буквального к символическому», изначально я планировала сосредоточиться на теме введения правил и ограничений в рамках детско-родительских отноше-

ний. Вместе с тем, принцип повторения и отражения онтогенеза в филогенезе позволяет провести параллель во взаимодействии в парах «терапевт-пациент», «начинающий специалист – профессиональное сообщество». Потому позволю себе добавить еще несколько строк в качестве приглашения к дальнейшим размышлениям.

Надо признать, что когда нам нужно озвучивать и поддерживать правила в кабинете – оплата пропущенной сессии, обозначение стоимости услуг, постоянство установленного времени и частоты встреч и т.п., мы испытываем неловкость. Те же самые сложности возникают при осуществлении конфронтационной техники в работе, мы зачастую испытываем трудности в подборе и формулировании интервенций. Нам легче, особенно в начале пути, или (высококолобо) исследовать бессознательное, связывая детский опыт с настоящими переживаниями, или закармливать поддержкой, похвалой, рискуя раскормить ложную самость пациента, нещадно эксплуатируя свои депрессивный и мазохистический радикалы. Между тем, применение конфронтации и уточнений работает как способ введения реальности, служащий перилами и удерживающий в равновесии психотерапевтический процесс в части формирования эмоционально корректирующего опыта. Отказ от представлений / фантазий о пациенте, принятие ограничений, его и своих, позволяет проявляться творчеству и обогащает опыт.

Этот же вертекс позволяет думать и о методах подготовки начинающих специалистов. Огромное количество питающих и удовлетворяющих мероприятий для начинающих – бесплатных и разнообразных, безусловно, отражает заботливый вклад организации в становление профессионала. Но возникает вопрос: когда наступает момент,

в котором сообщество перестает давать, удовлетворять и напитывать, а начинает брать и запрашивать результат, ответ, плодотворность – например, расширение практики и повышение материального благосостояния как показателей профессионального взросления и самостоятельности? По аналогии с закономерностями формирования зрелого человека, важным для формирования профессионала представляется не пропустить момент, когда следует «переходить на твердую пищу» – вводить требования и взрослые правила.

Подводя итог, отмечу, что описанные в статье социальные тенденции требуют нашего профессионального внимания и отклика в практике. Нарциссическое общество «растворяет» идентичность, поэтому становятся особо важными ориентиры в виде правил и закон в самом широком смысле. В конечном итоге, понимание и реализация этих ориентиров самим аналитиком позволяет поддерживать взросление его пациентов (родителей).

Мне видится очень перспективным расширение практики отечественных детских психоаналитиков в сторону сопровождения родительства на разных его стадиях, начиная с планирования беременности. Этот инструмент требует гибкости и вдумчивости, крепкой профессиональной идентичности и творческого осмысления. Такое сопровождение отличается от психотерапии продолжительностью, фокусом, целями. Оно является чутким откликом терапевта на актуальную потребность пациента (семьи) и отвечает целям укрепления родительской позиции через формирование реальных навыков, основываясь на психоаналитической теории развития. Однако, ввиду необходимости более развёрнутого описания задач и структуры такого вида профессиональной деятельности детского аналитика, эта тема будет рассмотрена подробнее в последующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности: От теории к практике. Пер. с нем. – М.: Когито-Центр, 2012. – 316 с.
2. Дольто Ф. На стороне ребенка. – СПб.: Петербург – XXI век, 1997. – 527 с.
3. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. – М.: Независимая фирма «Класс», 2015. – 292 с.
4. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. – М.: Академический проект, 2015. – 620 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс. Универс, 1995. – 251 с.
6. Шассге-Смиржель Ж. Женское чувство вины [Электронный ресурс]: <https://psychoanalysis.by>. – (дата обращения 01.06.2023г.).

Фантазия о родительской паре

Коряков Ярослав Игоревич

- Клинический психолог, психотерапевт, психоаналитик
- Тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Екатеринбург) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Научный редактор журнала «Пространство психоанализа и психотерапии»
- Член Правления ЕАРПП
- Член Российского Психологического Общества (РПО)
- Старший преподаватель кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского Федерального Университета
- Член Международного института психотерапии (IPI)

Когда мы говорим о фантазии, мы действительно используем особый язык. Но язык не как некую лингвистическую структуру.

Прежде чем перейти к ключевым соображениям о природе и роли родительской пары в формировании бессознательных фантазий и ввести такое понятие как «эдипов объект», я хочу уделить внимание фантазии как понятию.

Вслед за Кляйн я полагаю, что фантазии составляют центральную особенность нашей ментальной жизни, и неплохо бы понять, что это такое. До сих пор подходы к этому понятию очень разнятся. Именно понятию, а не феномену. Недавно мне попала одна достаточно свежая дискуссия на тему «Фантазии как основа ментальной жизни в психоаналитической интерпретации» – несколько лет назад она была опубликована в Международном журнале психоанализа, (Бласс, 2016; Blass, 2017; Weiss, 2017). И я совершенно согласен с этой формулировкой. Буквальные разногласия заключаются в том, что, с одной стороны, кляйнианцы говорят о фантазийной жизни, что в психике есть какие-то структурированные фантазии, и мы их раскрываем из бессознательного. А субъективисты, с другой стороны, говорят, что бессознательное возникает спонтанно в прямом взаимодействии, и мы не можем вытащить из него какую-то структуру. И по этому поводу дебаты все еще идут. Меня это немножко удивляет, поэтому я напомним тот подход, которым я руководствуюсь в рассмотрении

Я полагаю, что фантазии составляют центральную особенность нашей ментальной жизни.

бессознательной фантазии. При том, что сама Кляйн никогда не определяла, что это такое, зато активно пользовалась. Может быть, именно поэтому возникают разнообразные взгляды.

С моей точки зрения, когда мы говорим о фантазии, мы действительно используем особый язык. Но язык не как некую

лингвистическую структуру. Это очень ограниченное видение, даже если принимать в расчет то, что пользуемся мы им и на невербальном уровне. Те, кто пытается с этой точки зрения смотреть на происходящее в психике, очень сильно обедняют процесс, а главное, просто реально мешают себе жить. Такое упрощение привлекательно для ума, потому что то, что структурируется, упорядочивается становится понятным и есть на что опереться. Но такой подход на деле оказывается не очень жизнеспособным. Я говорю о языке в более широком смысле. Можно предположить на уровне догадки, почти мифологической, что у нас есть какие-то переживания и как-то они устроены. Так вот переживать как будто бы мы их можем, а вот поделиться ими – нет из-за ограничения возможностей речи. И для того, чтобы взаимодействовать образовательно-развивающим или терапевтическим образом, нам нужно какое-то специфическое взаимодействие или даже коммуникация. И когда мы говорим о фантазиях, пользуясь остроумным понятием Кляйн, мы как раз создаем в себе некое представление, как-то организуем наше восприятие мира, себя, и того, что происходит с другим человеком. Неизвестно, насколько это восприятие соответствует восприятию другого человека. Но мы и не сможем это никогда проверить, нет у нас таких возможностей. Пока телепатия не настолько развита, если она условно вообще когда-нибудь сможет заработать...

Соответственно, мы сами порождаем некую конфигурацию опыта, которую и выражаем. Делаем это не только словами, а иногда и своим состоянием, своим настроением, своей целенаправленностью. Можно много что тут перечислять. Но эта конфигурация, по сути, тоже является переживанием. Нашим переживанием. И тут язык, как лингвистическая конструкция, помогает нам эту конфигурацию как-то поддерживать. В первую очередь в себе. Вообще неизвестно, насколько она соответствует действительности, но мы исходим из прагматичных соображений и опираемся на нее, потому что это работает. Когда при взаимодействии с другим человеком мы говорим о его фантазиях, то используем определенные формулировки, и это наш язык, это наш

Мы сами порождаем некую конфигурацию опыта, которую и выражаем.

Делаем это не только словами, а иногда и своим состоянием, своим настроением, своей целенаправленностью. Эта конфигурация, по сути, тоже является переживанием. Язык, как лингвистическая конструкция, помогает нам эту конфигурацию как-то поддерживать.

способ выражения. И срабатывает он не потому, что мы раскрыли тайную структуру психики другого и можем ему все выложить, а потому что мы как-то резонируем с этим содержанием. Но опять же, мы исходим из того, что нам нужно достичь каких-то целей, мы не просто так болтаем с человеком, практически никогда так не происходит. И, соответственно, нам не на что опираться, кроме как на эффективность в отношении этих целей (например, терапевтических). Но и этого, в принципе, достаточно. Понятно, что из-за того, что нам хочется определенности, мы убеждаем себя, что наши соображения имеют какую-то объективную ценность, что-то раскрывают, говорят о каком-то понимании другого. Но если мы не будем сильно цепляться за это придумывание, а затем оправдание этой бессознательной структуры, то будем просто делать свое дело и фантазировать в ответ на фантазии клиента.

Тут проявляется и субъективность, и структурированность, о которой мы все равно не знаем, но которую придумываем и на это опираемся, насколько бы нереалистичной или эфемерной она ни была. Нет у нас все равно никакой проверки реальности фантазий. Но отсюда вытекает и сам подход к такому действию, который может быть более-менее эффективен. Получается, что фантазия – это во многом миф в психике, некий способ структурирования всего, который нужен, чтобы не пропасть в тревоге, не чувствовать неопределенность, в которой нам плохо. Потребность в определенности является базовой особенностью человеческой психики. Миф — это структура, которая сидит внутри, упорядоченная система смыслов. Мы же, действительно, в рамках психического существования оторваны от реальности, у нас нет с ней контакта. Если бы у нас он был, мы бы работали по принципу стимула-реакции, как это описывали бихевиористы. Но вместо этого человек занимается смыслообразованием. И поскольку в рамках психических процессов мы не опираемся на реальность, то нам нужно что-то взамен, в качестве опоры, для спокойного существования. Практически, мы живем в виртуальной реальности нашей психики. И заменяем мифом опору на реальность. Есть внутренняя опора, мы ее используем, но она виртуальна.

Когда при взаимодействии с другим человеком мы говорим о его фантазиях, то используем определенные формулировки, и это наш язык, это наш способ выражения.

И когда мы говорим о внутреннем мире, о фантазиях, эффективно пользоваться мифологической логикой, а не научной логикой. Мы говорим, скорее, о мифологических закономерностях. Это происходит на уровне психических процессов. С этим часто бывают проблемы из-за очевидного культурного влияния, нацеленности на «естественнонаучность», начиная с эпохи Просвещения с начала XVIII века. В мифологической логике важна практичность, целенаправленность, когда мы действуем в соответствии с определенными целями. А в научной логике мы как бы пытаемся опираться на какую-то универсальную согласованность, конструкцию, независимую от целеполагания. С точки зрения мифологической логики универсальной согласованности нет. В научной же должна быть какая-то обоснованность, объективность. Естественные

науки пытаются очень сильно эти обоснования найти. А в мифологической логике нам это даже не интересно.

Зато в мифологической логике огромное значение имеет эстетика. Внутренний мир и фантазии согласованы по правилам эстетических данных. Желательно, чтобы фантазия была как можно более краткой, согласованной, выразительной, изящной, как хорошая конспирологическая теория. Да, мы придумываем какое-то объяснение миру и всем неувязкам, которые в нем случаются, и у нас складывается какая-то картина. Кстати, именно кляйнианцы проявляли и проявляют недюжинный интерес к эстетике и исследованиям эстетических чувств. Почему этот критерий важен? Потому что он касается наших интерпретаций в широком смысле. Я напомним, что методологически для удобства мы можем разделить интерпретацию на ту, которая направлена на другого человека, на клиента, и ту, которую мы делаем для себя. На самом деле – это две стороны одной медали. Работает и то, и другое. Причем, я бы сказал, что интерпретация собственная, для настройки собственного мифа, для стимуляции собственной фантазии – она важнее. Поэтому иногда в конкретной психоаналитической работе важно не то, что вы говорите, а то, как вы себя чувствуете, как вы себя собрали, как вы настроили эту внутреннюю конфигурацию. Иногда достаточно найти этот правильный пазл, из которого собирается картинка, и это меняет всю ситуацию. То есть, интерпретацию мы формулируем, в первую очередь, для себя, для собственной настройки (на клиента) и кляйнианский язык фантазий здесь очень эффективен.

В этом плане можно не менее искусственно, чем все предыдущие разделения, провести различие между фантазией и метафорой. Метафора – это что-то более интеллектуальное, более понимаемое. Фантазия у нас обычно более психосоматически укорененная, можно сказать, что это близко к реальности, но мы же про реальность ничего не знаем. Разве только, что это то, что человеком переживается. Метафору можно выдумывать. У фантазии может быть какая-то структурная, интеллектуальная сторона, но в основном речь идет о переживании. Поэтому если мы действительно имеем дело с бессознательной фантазией, если мы попадаем в нее, то это, скорее, дает эффект трансформации, а не просто какого-то понимания. Мне кажется, как раз хорошая психоаналитическая интерпретация всегда касается именно такой фантазии. А вот то, что в классическом анализе и в работах многих аналитиков говорится о необходимости иногда длительного процесса проработки какого-то инсайта, часто свя-

---

Практически мы живем
в виртуальной реальности нашей
психики. И заменяем мифом
опору на реальность.

Будем просто делать свое
дело и фантазировать в ответ
на фантазии клиента.

зано с тем, что инсайты касаются более интеллектуальных вещей, поэтому они за живое не трогают. Если вы хорошо проинтерпретировали, попали в фантазию и срезонировали с чувствами, смыслами и тем, что невербально вообще неуловимо, непонятно, то никакой проработки, как правило, не потребуется.

Возникает трансформация и все меняется, начинает выстраиваться по-другому. Конечно, бывает сложно дать хорошую интерпретацию. Фантазия может вообще не выражаться в каких-то смыслах, а просто переживаться. В метафоре мы уже говорим что-то определенное, можем сказать, например: у нее щеки, как розы. И это не является особым переживанием, это будет неким сравнением. А фантазия – это когда мы говорим о злобной груди, от которой шарахается младенец, это уже переживание. Поэтому, на самом деле, найти, резонировать и сформулировать в чем-то хорошую фантазию бывает сложно, гораздо сложнее, чем метафору. В метафоре можно действительно использовать какие-то сравнения, а в фантазии мы должны попасть в переживание. Если мы хорошо попали, это уже удачная конструкция.

Итак, фантазия связана с ощущением внутренней правды, даже если мы от нее сначала откажемся или еще как-нибудьотреагируем, она будет резонировать, а метафора – она более умозрительна в каком-то смысле. Хорошие, более-менее универсально задевающие фантазии привлекательны и способны на культурный захват, они позволяют внедриться в культуру и буквально ее структурировать, как, например, до определенной степени произошло с психоанализом Фрейда. Но в то же время это создает

Фантазия – это во многом миф в психике, некий способ структурирования всего, который нужен, чтобы не пропасть в тревоге, не чувствовать неопределенность, в которой нам плохо. Потребность в определенности является базовой особенностью человеческой психики.

и проблемы, ведь трудно бывает пересмотреть уже укорененные фантазии-метафоры, которые переходят или перешли в культуру. Даже если у нас появляется какой-то более удачный вариант, мы его иногда избегаем, потому что нас сносит уже на известную, структурированную какую-то почву. И у нас возникают трудности контакта с примитивными фантазиями, которые, действительно, относятся к менее символическим процессам, к тем, которые даже Кляйн относила к младенческим. Ее все время ругали: что же это такие сложные младенцы-то у вас, миссис Кляйн. Хотя сейчас понятно уже, что она их даже недооценивала. Но тем не менее. Зачастую именно потому, что эта примитивная фантазия не очень-то логична и формируется еще до того, как мы отрицаем нечто, что можно называть разумом, разумностью, логичностью и так далее. А мы очень сильно опираемся на верхний символический уровень и интеллект нам мешает контактировать с более примитивным. Горе от ума, как известно. И это непосредственно относится к тому, о чем я попытаюсь сказать далее.

Еще я иногда могу говорить о многослойности фантазий. Но надо понимать, что это тоже фикция. Ранее мы указали, что то, чего мы пытаемся коснуться в наших фантазийных интерпретациях, это – некая единая конструкция всех переживаний и смыслов. Насколько она интегрированная, не так уж важно. А когда мы говорим, что она

Когда мы говорим о внутреннем мире, о фантазиях, эффективно пользоваться мифологической логикой, а не научной логикой.

многослойна и может включать в себя разные уровни развития, то это тоже искусственная интерпретация, в рамках которой мы единую фантазию распиливаем на определенные слои, структурируем и относим к разным стадиям (оральной, анальной, фаллической и т.д.). Нам так проще воспринимать. Мы помним, что в своей коммуникации мы структурируем мир.

Далее я хочу поговорить о фантазии, которая, как мне кажется, не до конца оценена и, может быть, не до конца структурирована в нашем психическом существовании. Вот и попытаемся это проделать. Это фантазия о родительской паре.

В разных психоаналитических подходах, как что-то само собой разумеющееся, есть два укоренившихся мнения. Первое, что у нас есть доэдипов и эдипов периоды развития. Доэдипов период характеризуется диадными отношениями (я и другой), а эдипов – триадными (я, папа, мама) с возможностью символизации, наблюдающей позиции и т.д. В чем здесь проблема? Такой подход, на самом деле, противоречит всей нашей психоаналитической идеологии, потому что получается, что триадность вдруг в какой-то момент берется из ниоткуда. Не было ее до трех лет, а потом как-то возникла. Мы ведь всегда полагаем, что у всего есть предшественники, есть какой-то предшествующий опыт. А тут получается – нет. Непорядок, как минимум. И это ведь не только теоретический беспорядок, такой взгляд не соответствует нашим клиническим наблюдениям. К сожалению, терапевты и психоаналитики часто свои наблюдения пытаются втиснуть в теоретическую парадигму, и ограничиться ею. Поэтому, попробуем эту теоретическую парадигму немножко доработать.

Второе мнение касается гендерных особенностей и различий. Фрейд решал этот вопрос просто – есть мужчины и есть недомужчины, т.е. женщины. По Фрейду, женщина – это мужчина без пениса. Остальные рассуждения уже являются следствием этого. Кляйн в некотором роде переехала на другую сторону, и в ее парадигме отец – это уже придаток к матери в каком-то смысле, он вторичен по отношению к ней. Это тоже вариант. Но есть другой подход, который антропологами высказывался чаще, чем психоаналитиками, но вполне себе понятный и разумный. Что, собственно, у нас

Интерпретацию мы формулируем, в первую очередь, для себя, для собственной настройки (на клиента) и кляйнианский язык фантазий здесь очень эффективен.

не бывает одного без другого. Мужчины без женщины. Мы не можем отдельно их рассмотреть, они определяют друг друга, потому что мужчина – это как раз не женщина, а женщина – не мужчина. Они составляют некое единое целое, даже если порождают на свой счет кучу фантазий о собственной самостоятельности, отдельности существования и т.п. Это не правда, поскольку само понятие гендера,

пола укоренено в этой двойственности. Поэтому предлагаю не порождать какие-то дикие модели, связанные с раздельностью полов, а смотреть на это как на две стороны одной медали. Стороны разные, а явление одно.

Начнем с того, что существуют многочисленные попытки зафиксировать ранние формы эдипа¹. Их огромное количество, включая даже прямое наблюдение. Не только какие-то фазы психической реальности, а модели развития и прочее. Я не буду здесь их рассматривать, это отдельная интересная тема, достаточно просто констатировать их многообразие.

К поиску зачатков эдипа в истории развития индивида, мне кажется, нужно добавить еще явление переходности Винникотта и концепцию контейнируемого объекта, но в отношении родительской пары по Кляйн. Именно пары как объекта (Frisch, Frisch-Desmarez, 2010). Мы очень часто воспринимаем пару как совокупность двух объектов, потому что интеллект на нас давит, мы знаем, что пара – это два. Но с точки зрения развития всей системы для того же младенца это изначально не так уж очевидно. В данном случае родительская пара – это внутренний переходный объект. Он как раз позволяет заполнить зону между диадностью и триадностью. И мы действительно можем описать такой объект, который является развивающимся, когда то, с чем мы взаимодействуем, представляет собой пару. Для ребенка сначала это неочевидно. Но зародыш пары есть в любых отношениях. Изначально это диада я и объект, но сам объект потом начинает постепенно поляризоваться и у него появляются разные стороны. К моменту эдиповой ситуации возникает уже возможность выйти на уровень разделения единого объекта на два различных. Но оно возникает не внезапно, а присутствует всегда. И на каждой стадии у нас есть определенный уровень развития такого объекта. Он может быть и оральный, и анальный, и фаллический.

Это хитрый объект, он вроде бы единый, но что-то с ним не то в отличие от отдельных отношений с мамой или с папой. И по мере развития этого внутреннего объекта, он становится разделенным. Напомню, это фантазия, она совершенно даже не обязательно должна как-то продуцироваться реальными мамой с папой. Даже если кого-то фактически в паре нет, триадность все равно возникает. Потому что возникает само ощущение, что кого-то нет, что мама одна. Но она все равно взаимодействует с чем-то, с кем-то, что ребенок обнаруживает. Есть даже идея как ребенок, нуждаясь в триадности, буквально заставляет объекты, в том числе материнский объект, породить эту триадность. Причем буквально с рождения. Дана Биркстед-Брин увязывает материнский и отцовский объекты в единую структуру, предлагая концепцию «пениса-как-связи»,

---

Если мы действительно имеем дело с бессознательной фантазией, если мы попадаем в нее, то это, скорее, дает эффект трансформации, а не просто какого-то понимания.

---

1 Далее по тексту «эдип» для краткости означает эдипову ситуацию или комплекс (профессиональный жаргон), «Эдип» – персонаж древнегреческой мифологии.

В метафоре можно действительно использовать какие-то сравнения, а в фантазии мы должны попасть в переживание.

ем, что он в то же время двойственный и тем самым порождает триаду. Там есть сначала зачаточное взаимодействие внутри, затем по мере развития оно становится более развернутым. Как раз взаимодействие с таким развивающимся объектом позволяет перейти от диады к триаде. Такой внутренний родительский объект функционально — это объект потенциала развития. Если его освоение происходит адекватно, он обеспечивает возможность переходить на следующую стадию развития. Слишком раннее обнаружение триадности может обернуться травматическим опытом (Abelin, 1975).

У Фрейда ребенок совершает эдипов переход в 3-5 лет. Тут мы имеем дело уже с символическим проявлением, когда можно про это говорить, собственно, так оно и обнаряживается. Но есть большое количество ситуаций, когда ребенок говорить не может, а переживать уже переживает. Тем более, что суть Эдипа тоже развивалась. Большую роль в восприятии именно пары играет первосцена. Но Фрейд, описав ее в случае Человека-Волка, не использовал ее практически в рамках эдипова комплекса. Возможно потому, что там она относится к полутора годам. Хотя понятно, чтобы воспринять происходящее с родителями в сексуальном акте, нужно воспринять их взаимодействие, т.е. их там пара по определению. И такое восприятие уже должно быть в самой первосцене. В случае Человека-Волка речь идет о том, что он воспринимает эту первичную сцену сексуального акта родителей как насилие. Это соединяется с его садистическими импульсами и так далее (Фрейд, 2007).

Кляйн очень хорошо восприняла именно ранние работы Фрейда. Но иначе рассмотрела ситуацию с первосценой. В случае с девочкой Эрной, шести лет, которую она анализировала в начале 20-х, обнаружив в материале первосцену, она сначала описала ее по-фрейдистски, а через пару лет переформулировала в собственном ключе. Кляйн описала в фантазийном виде, не буквально, наблюдение за родителями в сексуальном акте как удовлетворяющими друг друга орально, и это понятно в связи с младенчеством. Родители как бы кормят друг друга чем-то таким, чего не дают ребенку. С ее точки зрения, половой акт стал актом удовлетворения, из которого ребенок исключен. Вот суть эдиповой конфигурации, в которой ребенок воспринимает свою исключенность из отношений с чувствами потери и брошенности, а не злобностью какой-то агрессивной.

что снижает поляризацию внутренних процессов (Birksted-Breen, 1996). Но это все еще противопоставленные, хотя и связанные объекты, т.е. триадная ситуация.

Я бы даже предложил сформулировать такое понятие, как эдипов объект. Когда мы говорим о едином объекте, понимаем,

---

Хорошие, более-менее универсально задевающие фантазии привлекательны и способны на культурный захват, они позволяют внедриться в культуру и буквально ее структурировать.

Но, правда, это вызывает зависть, и это все-таки уже агрессивное чувство. Отсюда возникают ранние характеристики эдиповой конфигурации у Кляйн (Klein, 1932).

Теперь мы можем представить, что с введения такой точки зрения о паре как объекте, эдипова конфигурация может быть обнаружена на каждой стадии. Про ранний оральный эдип, описанный Кляйн, мы можем найти много работ. Про фаллический фрейдовский вариант эдипа еще больше материала. Можно предположить, что анальный эдип у нас тоже есть, хотя определений его очень мало. Это не случайно. Удовольствие (сексуальное в своей основе, как описывал Фрейд) возникает в процессе взаимодействия. Удовлетворение в оральной фазе вполне себе взаимно. Есть интеракция, когда ребенок сосет грудь, т.е. грудь и ребенок – их двое. Когда у нас есть фаллическая стадия – есть фаллос, есть вагина – тоже двое, тоже взаимодействие. А анальная фаза у нас – как будто сама для себя, т.е. непосредственное удовольствие получается от процесса производства экскрементов. И поэтому здесь сложнее наблюдать взаимодействие. Хотя, конечно, здесь можно вспомнить тот самый фекальный мир, который чаще всего исследовали французы, когда отцовский пенис воспринимается как фекальный подарок матери (Chasseguet-Smirgel, 1984). Мы помним, что фекалии – это

Терапевты и психоаналитики часто свои наблюдения пытаются втиснуть в теоретическую парадигму и ограничиться ею.

подарки в детском мире, и здесь тоже есть взаимодействие. В общем, тут тоже эдиповы смыслы можно найти, хотя, может быть, менее прямо, чем в других случаях. Так же можно говорить о латентном и генитальном эдипе. Когда мы говорим о разрешении эдипа в латентной фазе – это не разрешение, это его вытеснение. Шанс на разрешение эдип получает в подростковом возрасте.

Когда мы сталкиваемся с доэдиповыми (оральными, анальными) смыслами и процессами в проявлениях эдипова комплекса, классический подход рассматривает их как результат регрессивного смещения, вторжения более ранних стадий (см., например, Fenichel, 1931). Таким образом, если мы расширим понятие эдиповости до появления родительской пары на любой фазе, то мы не будем здесь видеть регрессию, мы будем видеть просто проявление различных уровней эдипового конфликта. Все это нам на самом деле облегчает жизнь.

Здесь как раз можно вспомнить о многослойности эдипа, когда эдипова конфигурация раскрывается на разных уровнях. Для облегчения понимания мы ее делим на те или иные аспекты. Т.е. есть оральные аспекты эдипа, есть анальные, фаллические, латентные, разные другие. И не надо беспокоиться о вторжении других стадий. Как «распилим» единую фантазию, так и будет. Как, например, встречающееся в литературе разделение аспектов внутренней родительской пары на параноидно-шизоидной позиции и на депрессивной позиции. Тем более, что у нас есть еще и разные аспекты восприятия пары, которые где-то отражаются. Есть такое восприятие, которое

Не бывает одного без другого. Мужчины без женщины. Мы не можем отдельно их рассмотреть, они определяют друг друга, потому что мужчина – это как раз не женщина, а женщина – не мужчина. Они составляют некое единое целое.

необходимо для хорошего, нормального душевного развития, когда родители воспринимаются как пара по отношению к ребенку, т.е. они вместе, но про него, для него. В общем-то, если родители как-то подходят под эту фантазию, иногда хотя бы соответствующе себя ведут – радуются ребенку, да еще и вместе, это укрепляет хороший эдипов объект. Даже если родитель один, он внутри содержит какой-то третий аспект, например, социальные отношения. А другой вариант, депрессивный и реалистичный – родители вместе без ребенка.

Если мы вспомним бионовские базовые допущения в регрессировавшей группе, у нас есть зависимость, есть борьба-бегство, есть допущение парности – некая пара должна спасти группу, породив нечто спасительное (идею, мессию и т.п.), или парные отношения сами окажутся спасительными (Bion. 1961). Выстраивается такое соответствие: зависимость – это про оральность, бегство – про анальность, а парность – это про генитальность, которое воспринимается как более зрелое и развитое. Кажется, что это такой более продвинутый порядок. Но на самом-то деле мы понимаем, что все базовые допущения – психотические, процессы там очень примитивные, однако весьма распространенные. С нашей точки зрения, базовое допущение парности – это групповой отзвук внутренней пары. И поскольку это очень универсальное явление, можно понять, что у нас это представление о внутренней родительской паре очень прочно и глубоко сидит. Это не что-то случайное, это база нашего мировосприятия.

Чтобы немножко еще подобраться к некоторым аспектам аналитической работы, давайте вспомним на что еще опирался Фрейд. Можно заметить, что в классическом мифе у Эдипа две родительские пары (Lupinacci, 1998; Quinodoz, 1999, 2015). И это не просто какая-то отвлеченная мифологическая конструкция, мы фокусируемся на Эдипе как прототипе наших бессознательных фантазий, что и делал Фрейд, на его каких-то процессах как отражении нашей внутренней мифологии. А миф описывает довольно универсальное расщепление, которое у нас возникает как раз в отношении родительской пары. Это очень удобно, и на это эффективно можно посмотреть. Напомню, у Эдипа есть фиванские родители: родные, которые устранившись предсказания Оракула, что он отца убьет, а на матери женится, от него отказались, причем сурово отказались, обрекли на смерть. А вторая пара – приемные родители из Коринфа, которые как раз его воспитали, и с ними

Предлагаю не порождать какие-то дикие модели, связанные с разделенностью полов, а смотреть на это как на две стороны одной медали. Стороны разные, а явление одно.

вроде бы все хорошо. Но коринфские родители олицетворяют вторую сторону в расщеплении. Чем эти пары отличаются? В первой паре есть секс друг с другом, близость, которая и порождает ребенка, т.е. ребенок рождается в результате этой самой близости. Но они занимаются собой, блюдут свои интересы настолько, что убийственно отказываются от ребенка. Во второй паре всё наоборот. Они принимают сына, да, приемного, не родного, но принимают его полностью. Однако между ними нет секса, нет собственных детей, они бесплодные. Они нацелены только на ребенка, и у них нет своего взаимодействия. С точки зрения ребенка – это замечательные родители. У детей до определенного возраста есть фантазии, что секса у родителей вообще не бывает. Это вторая сторона отщепления. Ни та, ни другая пара не является интегрированной и целостной. В первом случае фиванские родители – это плохой контейнер для детских чувств, они не могут не только их переварить – даже просто выдержать ребенка, поскольку он – угроза появления чего-то нового, что угрожает целостности пары, от него приходится избавляться. Контейнер никакой. Но при этом, заметьте,

---

Мы очень часто воспринимаем пару как совокупность двух объектов, потому что интеллект на нас давит, мы знаем, что пара – это два.

есть живой конфликт и есть творчество, это та пара, которая рождает ребенка, реальные родители. Во втором случае контейнер хороший для переработки чувств и смыслов ребенка, но нет конфликта, какого-то, по сути, взаимодействия. Это порождает ограниченную живость, ощущение ложности, бесплодности, отсутствия творчества. И Эдип вынужден покинуть таких родителей, он не может

с ними. Если в первом случае пространства для ребенка нет, то во втором оно есть, но безжизненно. Можно, кстати, заметить, что на сегодняшний момент в европейской культуре, да и в российской уже, доминирует вариант второй пары с гиперопекой. Все родительское внимание закликивается на детях и обслуживании их потребностей. Как следствие, падает плодовитость.

А теперь посмотрим, каким образом описанная конфигурация отражается в терапии и в психоанализе. Аналитик тоже воспринимается как пара по внутренним характеристикам и в соединении с чем угодно. Многие авторы описывают внутреннюю парность аналитика в отношении с кем-либо, даже в отношении со своим разумом, своим умом, в котором он что-то предпринимает. У Роберта Капера в книге «Собственный разум» есть глава, посвященная собственному уму аналитика, по поводу которого как-то фантазируют пациенты. Идея заключается в том, что пациент переживает дистанцированность аналитика от его проекций как вовлеченность в отношения, которые аналитик имеет с чем-то или кем-то другим. Это реалистичное восприятие: аналитик действительно имеет эти два вида отношений – один со своим пациентом, а другой со своими внутренними объектами. Капер полагает, что внутренним объектом, который помогает аналитику поддерживать свой внутренний барьер против проекций пациента, является и сам психоанализ как особый тип эмпирического исследования (Сапер, 1998).

Клиент фантазийно воспринимает аналитика как находящегося в отношениях, куда не включен клиент. Это огромный спектр фантазий об аналитике. Все аспекты взаимоотношений со своим внутренним объектом – со своей внутренней парой проявляются в переносе. Фантазии, порождаемые клиентом, исходят из его собственной конфигурации.

Таким образом, у аналитика в любом случае есть, с чем составить пару. Кроме того, в проекциях пациента может быть такое же расщепление. Аналитик может быть фиванской парой, когда он настолько в отношениях со своей теорией, со своими какими-то идеями, что места для клиента не остается. С другой стороны, клиент может проецировать коринфских родителей в аналитика, и тут есть принятие, даже забота какая-то. Это очень приятное чувство для аналитика, хорошо чувствовать себя таким объектом. Но это означает как раз то самое расщепление, которое проецирует вовне всевозможные потребности клиента, проблемы, тревоги, даже соблазнение. Часто, кстати, можно наблюдать в клиническом материале проекции тех (фиванских) родителей, о которых мы думаем, как о реальных родителях пациента. Очень часто мы им

Для младенца родительская пара – это внутренний переходный объект.

косточки перемываем, смотрим с подозрением на их роли. И даже если клиент не сказал ничего плохого о родителях, предполагаем, что, значит, не до конца этот аспект проанализировали. Будто надо добраться до того, чтобы он все-таки понял, насколько они ему жизнь-то испортили. И это очень уместно, замети-

те. Мы часто готовы превращаться в коринфскую пару в анализе, но это все равно две стороны расщепления. Если мы их разделяем, то у нас в этом случае пропадает реальная живость и возникает имитация. По идее, конечно, нужен тонкий баланс. Но здесь возникает вопрос: действительно мы балансируем между двумя родительскими образами или, возможно, внутри уже может возникнуть какая-то зрелая интегрированная пара, которая, с одной стороны, позволяет иметь эмоциональные детские отношения с мамой-папой и в то же время эта пара находится внутри собственных творческих отношений. И сепарированность возникает, и совместность. Есть ли, в принципе, возможность такой устойчивой идентификации – это еще вопрос.

Мы видим, что аналитик действительно идентифицирован с парой и даже воспринимает в себе именно родительскую пару. Он осуществляет разные функции, но именно родительские, а не отдельно материнские или отцовские, хотя они интегрированы в родительские. Это не просто бисексуальность, на которую ссылается Фрейд. Когда мы выполняем терапевтическую функцию, мы выполняем именно родительскую функцию, а не гендерную как таковую. Опять же для наглядности мы условно разделяем, что материнская функция это – функция контейнера, кормилицы, она обеспечивает питание, поддержку. А отцовская – установление границ, некое структурирование. Например, у Херцога, который занимался как раз рассмотрением отцовской функции, есть понятия гомеостатического резонанса, гомеостатического созвучия и нарушения созвучия (Herzog, 1995). Мать стабилизирует, она обеспечивает эмоциональное

Даже если кого-то фактически в паре нет, триадность все равно возникает. Потому что возникает само ощущение, что кого-то нет, что мама одна.

принятие, гомеостаз – равновесие, а отец привносит что-то новое, развивающее, он раздражающе и провоцирующе действует на ребенка. Важно, чтобы были обе эти функции, нельзя быть с чем-то одним, иначе возникнет перекос. И, по сути, психоаналитик тоже их объединяет. Он, конечно, выполняет материнскую функцию – эта идея очень популярна в психоаналитической литературе, и даже определенную женственность аналитической позиции отмечали многие. Но это только часть. Да, аналитик является контейнером и он позволяет обеспечить проживание, переживание. Вторая, отцовская функция не менее важна – установление границ и дифференциация вообще. Мы различаем, структурируем для клиента, делаем развитие более безопасным. И здесь к функции переживания добавляется функция наблюдения. Когда отец наблюдает, он занимает как бы третью позицию по отношению к матери и ребенку. И в то же время из этой третьей позиции он провоцирует, структурирует. В аналитической работе мы все делаем одновременно. Отсюда важность как раз интегрированного ощущения внутренней родительской пары, именно как пары, а не просто как отдельно материнских и отцовских процессов.

Более того, как я наблюдаю последние десятилетия, профессиональный рост связан с одновременным усилением этих способностей. Нарбатывается способность интенсивного проживания, при этом остается возможность наблюдения. Когда мы работаем с контрпереносом в супервизии, чаще всего обнаруживаем, что что-то из этих функций страдает. Аналитик либо отстраняется, наблюдая, либо, что чаще бывает, вовлекается в переживания. В обоих случаях аналитик на самом деле участвует в диссоциации клиента. Но по мере того, как он учится интегрировать внутри себя полярные аспекты внутренней родительской пары, у него растет и способность к контейнированию любых чувств, даже крайне болезненных, и возможность наблюдать за чем угодно происходящим в себе и в клиенте, выходя постепенно на метапозицию. Соответственно, контейнер у нас состоит из объема и из структуры.

Итак, речь идет о развитии внутренней пары, в рамках которого мы должны и воспринять то, что происходит с клиентом, и оформить это. Точно так же, как это происходит, заметьте, с ребенком в рамках развития и воспитания. Нередко, как я уже упоминал, эти функции диссоциируются в культуре. Сейчас заметен этот крен уже на социальном уровне, когда детям, особенно на Западе, где активно развита ювенальная юстиция, просто нанимают команду. Задача воспитания, развития сводится к тому, что общество выполняет то, что нужно ребенку. Получается, что чрезмерно расширена материнская функция, тогда как отцовская функция ограничения страдает. Ребенок не знает, что он хочет, потому что у него нет границ, ему не от чего оттолкнуться в этой всевозможности. С другой стороны, если доминирует оформление

в противовес восприятию, то возникает навязанное воспитание, ребенка загоняют в определенные границы, не слышат реальных потребностей и в результате у него, как минимум, ложная жизнь, если вообще жизнь какая-то будет.

Сейчас я хочу вернуться к устройству фантазии и ее эффективности и поразмышлять о репарации внутренней родительской пары как хорошего объекта. Эта идея свежая, насколько мне известно, ранее ее никто не высказывал. У меня она сформулировалась в процессе наблюдения за парными отношениями и теперь выглядит как что-то естественное, простое и само собой разумеющееся. Но, конечно, она требует большего исследования. Я пытаюсь построить общую картину, внутри которой очень много аспектов и каждую линию есть куда развивать.

Итак, для нормального развития, тем более для нормальной аналитической работы должна установиться хорошая родительская пара внутри. То есть это хороший внутренний объект. Да, объект двойственный. Его переходная сущность и структурная хитрость – это определенные его особенности и преимущества, но это все равно хороший внутренний объект, с которым можно идентифицироваться, который можно организовать, опираться на него и как-то использовать. Такое использование в аналитической работе с опорой на внутреннюю родительскую пару пытался описывать еще Роджер Мани-Керл – тоже кляйнианский автор (Money-Kyrle, 1971). А как мы обращаемся с хорошими объектами? Хороший объект требует репарации. И я хочу сказать, что мы осуществляем внутреннюю репарацию по отношению к нашей внутренней паре. Ни к маме, ни к папе, как обычно это бывает, а прямо к этому эдипову объекту. Конечно, всегда происходит атака на этот объект. Ведь мы помним, особенно в кляйнианской парадигме, что эдипова конфигурация выглядит как отношения с объектами, которые исключают субъекта из их удовлетворения. Это болезненно и вызывает агрессию. Мне кажется, что знаменитая бионовская идея атаки на связи как раз про это (Bion, 1959). Бион говорит о плохом контейнере, но, если выразить ситуацию одной красивой внутренней метафорой – а мы помним, что мы обращаемся к мифологической логике – чем целостней картинка, тем она на самом деле эффективнее – ребенок атакует эту самую родительскую связь, ему нужно разорвать их взаимодействие, чтобы они уже обратили-таки на него внимание. И мы можем наблюдать это в работе. Клиент проецирует в аналитика родительскую пару и все время хочет проникнуть в эти отношения. Иногда разрушить, иногда разделить пару. Для себя, конечно. Атака на связи – это атака на родительскую пару. На саму связь между ними. В крайне тяжелых случаях это нападение может выражаться и в атаке на собственное мышление, как у Огдена в описании шизофренического конфликта, когда желание уничтожить смыслы доминирует, и, хотя объекты воспринимаются, практически ничто не переживается и не наделяется значимостью.

Как раз взаимодействие с таким развивающимся объектом позволяет перейти от диады к триаде. Такой внутренний родительский объект функционально — это объект потенциала развития.

Понятно, что разрываем отношения в триаде мы для того, чтобы установить диадные отношения, это – тоже связь. Но я сейчас говорю именно о нападении на связи. Иногда человек заиклен на этом еще даже до установления диадных отношений, поскольку внутренняя пара возникает все время, он пытается ее все время разрывать. Приведу очень локальный пример действия соответствующей интерпретации. У клиента были сложности установления определенных связей, в том числе установления связей с аналитиком, т.е. со мной. В каких-то случаях, мы уже это поняли по регулярным повторениям, когда речь шла о чем-то существенном, т.е. удавалось столкнуться с каким-то значимым переживанием, он засыпал. Ему самому это уже было понятно, т.е. он сам прекрасно знал, что, если он засыпает, – это признак того, что речь идет о чем-то значимом. Но это не спасало ситуацию. Клиент все равно успевал выпасть, успевал напасть на связь и разорвать ее раньше, чем я что-то мог проделать. И ситуация резко изменилась, когда я проговорил, что вот это нападение на связи – это нападение на родительскую пару, попытка разорвать отношения между матерью и отцом. Сначала реакция была однозначная – он ушел в отказ – «чушь какая-то, ерунда». Но потом его накрыло, потому что фантазия работает, если это хорошая интерпретация, тут не надо ничего прорабатывать, дай бог, убежать и убежать-то уже не получается. Т.е. у него пронесся просто каскад инсайтов, как будто в картинку вставили недостающий пазл. Сначала у него была оторопь: «как это так?». Потом картинка стала складываться сама собой, он уже ничего не мог поделать с этим. Она на него просто валилась, и это поменяло всю ситуацию. После этого засыпания прекратились, контакт стал устойчивым. Это вовсе не универсальный рецепт, а попадание в конкретном случае. Мы же помним, что, если мы головой догадались, потом проинтерпретировали, в общем ничего не будет, это будет метафора, а не фантазия. Но если мы держим в себе вот эту возможность понимания взаимодействия именно с родительской парой, то это может оказаться очень хорошей практической концепцией.

Поскольку есть атака на родительскую пару, то для того, чтобы сохранить контакт с хорошим объектом, мы должны репарировать эту самую пару. И мы это проделываем. Можно предположить, что взрослая влюбленность, влечение к союзу с другим человеком, стремление к партнерским отношениям связаны с репарацией внутренних объектов. Точно так же, как по Кляйн творчество является репарацией материнского объекта, так же мы пытаемся восстановить в себе пару как объект. Здесь я как раз

говорю о фантазии. Мы можем говорить о биологических причинах поиска партнера, мы обречены буквально испытывать влечение друг к другу. Но это на уровне условной реальности организмов, а у нас ведь есть еще мифология, та самая, которая внутри нас как-то живет.

Я бы даже предложил
сформулировать такое понятие,
как эдипов объект.

Шанс на разрешение эдип
получает в подростковом
возрасте.

Если мы расширим понятие эдиповости до появления родительской пары на любой фазе, то мы не будем здесь видеть регрессию, мы будем видеть просто проявление различных уровней эдипового конфликта.

И вот в рамках мифологии, как мне кажется, ощущая свою агрессию по отношению к внутренней паре, мы пытаемся ее восстановить и ради этого начинаем строить отношения. Мы должны соединиться, чтобы репарировать эту самую пару. Это настолько сильно, что мы буквально не можем не желать этого, мы обязательно в это вовлечемся.

Мы в действительности обнаруживаем в партнере и материнские, и отцовские качества, а не чьи-то отдельные. Но чаще всего, люди не видят этого, потому что вроде бы партнер не похож на отца или на мать. Иногда, конечно, наоборот, очень похож – это зависит от конкретного восприятия родительских отношений (порой они еще и абсолютно виртуальные). Но суть в том, что в этих отношениях мы репари-

---

Аналитик тоже воспринимается как пара по внутренним характеристикам и в соединении с чем угодно.

руем пару, а не того или иного внутреннего родителя, поэтому там слеplено все. Это именно то, что заставляет нас влюбляться именно в такого человека, в котором будут как негативные, так и позитивные аспекты пары. Очень хорошо это демонстрируют принципы имаго-терапии Харвилла Хендрикса, где отношения с партнером (и не только) раскладываются на элементы – это папино, то мамино

и т.д. (Hendrix, 1988). Но это основано именно на взаимоотношениях с парой, а не с конкретными образами. Такое понимание позволяет лучше выстраивать работу. Очень многое зависит от восприятия родительской пары, которое есть у клиента, его нужно исследовать. Обычно мы исследуем взаимоотношения то с матерью, то с отцом, а вот с таким комбинированным объектом, который Кляйн уже описала, но не развернула, тоже, видимо, стоит.

Таким образом, парность – это две стороны одного целого. Эдипов объект – это целостный объект. Поэтому он и объект. Далее могут уже быть разделения для понимания и исследования его структуры. Некое искусственное структурирование. Оно как-то сочетается с миром. Поскольку эти стороны целого представлены в разных людях, нам кажется, что они отдельные. Мы пытаемся каждую обособить, хотя на самом деле смысл они обретают только вместе. Бессмысленно рассматривать суть гендерных или половых различий в отдельности друг от друга, вне этой парности. Нет мужчины без женщины и наоборот. Вытаскивание из пары – это профанация. В этом плане наши функции тоже являются неким искусственным разделением. По идее мы выполняем целостную функцию, но структурируем и делим ее условно, чтобы было легче сообразить и чтобы ее было проще освоить, а не потому, что это правда. Ну и, в конце концов, все эти рассуждения о фантазиях – они тоже искусственны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бласс Р. (2016). Введение в психоаналитическую дискуссию «Как и почему бессознательные фантазии и перенос определяют суть психоаналитической практики. Международный психоаналитический ежегодник, 6 вып., 67-75.
2. Фрейд З. (2007). *Два детских невроза*. М.: ООО «Фирма СТД».
3. Abelin, E. (1975). Some further observations and comments on the earliest role of the father. *Int J Psychoanal*, 56: 293-301.
4. Bion W. R. (1959). Attacks on linking. *Int J Psychoanal* 40: 308-315.
5. Bion, W.R. (1961). *Experiences in Groups*, London: Tavistock.
6. Birksted-Breen, D. (1996). Phallus, penis and mental space. *Int J Psychoanal*, 77: 649-657.
7. Blass R.B. (2017). Reflections on Klein's radical notion of phantasy and its implications for analytic practice. *Int J Psychoanal* 98: 841–859.
8. Capier R. A. (1998). *A Mind of One's Own – A Kleinian View of Self and Object*. London, New York: Routledge.
9. Chasseguet-Smirgel J. (1984). *Creativity and Perversion*. New York: W. W. Norton & Company.
10. Fenichel O. (1931). Specific Forms of the Oedipus Complex. *International J Psychoanal* 12: 412-430.
11. Frisch S., Frisch-Desmarez C. (2010). Some thoughts on the concept of the internal parental couple. *Int J Psychoanal* 91: 325–342.
12. Hendrix H. (1988). *Getting the love you want: a guide for couples*. NY: Henry Holt.
13. Herzog, J. (1995) Finding the Mother and the Father in the Analytic Play-Space; Attributes of Neurotic Process and Its Subsequent Analytic Exploration – In Honour of the 100th Birthday of Anna Freud. *Bulletin of the Anna Freud Centre* 18: 261-277.
14. Klein M. (1932). *The Psychoanalysis of Children*. New York: Delacorte Press/ Seymour Lawrence, 1975.
15. Lupinacci M.A. (1998). Reflections on the early stages of the Oedipus complex: the parental couple in relation to psychoanalytic work. *J Child Psychotherapy* 24(3): 409-421.
16. Money-Kyrle R (1971). The aim of psycho-analysis. *Int J Psychoanal* 52: 103–6. Reprinted in: *The collected papers of Roger Money-Kyrle*, 442–9. Strath Tay: Clunie, 1978.
17. Quinodoz D. (1999). The Oedipus complex revisited: Oedipus abandoned, Oedipus adopted. *Int J Psychoanal* 80: 15-30.
18. Quinodoz D. (2015). Theban parents, Corinthian parents: The dichotomisation of Oedipus' parents. *Rom J Psychoanal* 8(2): 2019-235.
19. Weiss H. (2017). Unconscious phantasy as a structural principle and organizer of mental life: The evolution of a concept from Freud to Klein and some of her successors. *Int J Psychoanal* 98: 799–819.

Любовь к матери и материнская любовь¹

Элис Балинт

- венгерский психоаналитик,
- автор книги «Психоанализ детской»

---

¹ Перепечатано из международного журнала «Психоанализ и Образ 24», 1939 г. Частично опубликовано на венгерском языке под названием «Развитие любви и чувства реальности» («Связь между любовью к единству и реальным единством») в «Исследованиях по анализу души», Будапешт, 1933.

Отношения между ребенком и матерью всегда были в центре психоаналитического интереса. Их значение возросло еще больше, когда возникла необходимость в регулярном аналитическом исследовании наших случаев вплоть до доэдипального периода. Эти отношения имеют высшую практическую и теоретическую значимость как самые ранние объектные отношения, истоки которых восходят к тем туманным временам, когда границы между эго и внешним миром еще сливаются. Поэтому вполне очевидно, что почти каждый из нас пытается решить проблемы, связанные с отношениями матери и ребенка. Мой вклад в эту тему, по существу, является попыткой обобщения, и я могу претендовать на некоторую оригинальность только в отношении точки зрения, с которой и проводится это обобщение.

I

Несколько клинических примеров могут служить отправной точкой. Я начну со случая, в котором любовь к матери была выражена особенно своеобразно. Речь идет о пациентке, главная беда которой заключалась в том, что она была рабыней своей матери. Ее безуспешные попытки освободиться вскоре обернулись реакцией разочарования, ибо на самом деле она любила свою мать и шла на огромные жертвы, чтобы удовлетворить ее, чего ей никогда не удавалось.

Особо примечательным было то, что дочь была совершенно беспомощна перед абсолютно необоснованными обвинениями матери и реагировала с чувством вины, которое сама не могла объяснить. Первое объяснение этого чувства вины возникло из-за необычайно сильного комплекса маскулинности пациентки.

С начала анализа было понятно, что она хочет заменить отца (и щедрого любовника) овдовевшей матери. Первые годы анализа были почти полностью заполнены проработкой желания быть мужественной. В конце этой фазы анализа отношения с матерью уже значительно улучшились.

Пациентка получила вполне обычную свободу передвижения, могла приходить и уходить из дома по своему усмотрению и вела личную жизнь, как и подобает взрослому. В сфере сексуальности тоже произошли изменения к лучшему. Способность испытывать оргазм, хотя и очень нестабильный вместо прежней полной фригидности и повторяющиеся, хотя и прерванные, беременности тоже указывали в сторону утверждения женственности.

Но, несмотря на все облегчения, страх, тревога и чувство вины перед матерью оставались такими же сильными, как и прежде. Дальнейший анализ желаний смерти, направленный против матери, в конечном итоге привел к раскрытию более глубоких корней чувства вины пациентки.

На самом деле оказалось, что желание смерти отнюдь не проистекало из ненависти к матери. Скорее, эта ненависть служила вторичной рационализацией гораздо более примитивной установки, согласно которой, пациентка просто хотела, чтобы мать «была рядом» или «отсутствовала» по мере необходимости. Мысль о смерти матери наполняла ее самыми теплыми чувствами по отношению к ней, смысл которых заключался не в раскаянии, а в следующем: «Как хорошо, что ты умерла, как же я люблю тебя за это».

Таким образом, чувство вины пациентки оказалось в конечном итоге реальным именно из-за этой любви, которую она испытывала к матери. Это была любовь, которой, вероятно, можно было бояться, и которая так же в достаточной степени объясняла, почему сама пациентка никогда не хотела иметь детей. Мы обнаружили в ней

Она требовала от матери в высшей степени безусловной самоотверженности. Она любила свою мать как единственного человека, который, по крайней мере бессознательно, допускал возможность такого требования.

В то время, как пациентка позволяла матери использовать себя, она также пыталась черпать силы из ненависти к той беспощадной безжалостности, которой она так завидовала в своей матери.

глубокую убежденность в том, что долг любящей матери – позволить себя убить, если это необходимо, ради блага своих детей. Другими словами, мы обнаружили в этой «дочери плохой матери» то, что она требовала от матери в высшей степени безусловной самоотверженности.

Она любила свою мать как единственного человека, который, по крайней мере бессознательно, допускал возможность такого требования. Как попытки пациентки освободиться, так и ее усилия удовлетворить мать приобрели теперь еще одно значение. Очевидно, они служили контркатексисами, с помощью которых она поддерживала давление своей примитивной формы любви.

Кроме того, важность идентификации с мужем (любовником) матери также стала ясно осознаваться только сейчас. С одной стороны, как уже говорилось ранее, это отождествление служило удовлетворению желания быть мужественной, но с другой стороны, однако, являлось выражением любовных притязаний пациентки в перевернутой форме. Точно так же, как мужчины любили мать, она хотела, чтобы мать любила ее. И так же безжалостно, как та использовала мужчин и бросала их, как только они становились бесполезными (старыми или больными), она также хотела воспользоваться матерью и избавиться от нее, когда ей это было удобно.

Таким образом, в то время как пациентка позволяла матери использовать себя, она также пыталась черпать силы из ненависти к той беспощадной безжалостности, которой она так завидовала в своей матери. Этот глубочайший пласт отношений к матери нельзя понимать как амбивалентность в собственном смысле этого слова. (Точно так же, как мы не можем сказать об охотнике, что он ненавидит дичь, которую стремится убить.)

Когда дети с самым невозмутимым видом в мире говорят о желанной смерти любимого человека, было бы, конечно, неправильно всегда объяснять это ненавистью, особенно если речь идет о матери или материнской фигуре. Маленькая девочка, которая думает, что мать должна умереть спокойно, чтобы она могла выйти замуж за отца, поначалу ни в коем случае не ненавидит свою мать, но находит вполне естественным, что дорогая мама исчезает в нужный момент. У идеальной матери просто нет

Маленькая девочка, которая думает, что мать должна умереть спокойно, чтобы она могла выйти замуж за отца, поначалу ни в коем случае не ненавидит свою мать, но находит вполне естественным, что дорогая мама исчезает в нужный момент.

Во время лечения аналитик для пациента не такой человек, как другие – то есть человек с отсутствием личных интересов.

корыстных интересов. Подлинная ненависть¹, а следовательно, и подлинная амбивалентность², может гораздо чаще развиваться в отношениях с отцом, которого ребенок в большинстве случаев с самого начала узнает, как существо, имеющее собственные интересы, т.е. корысть.

Следующий случай касается 21-летнего пациента-гомосексуалиста, который, в первую очередь, жалуется на неспособность найти кого-то, кто бы любил его. Постепенно выясняется, что он сам не может любить (в социальном смысле).

Мы узнаем, как мало он знает о людях, с которыми вступает в гомосексуальные контакты и к нежности которых, тем не менее, предъявляет чрезвычайно высокие требования.

Его безразличие к другим людям становится очевидным и за этим скрывается стремление предъявлять к любому незнакомцу те же претензии на безвозмездную любовь, которые маленький ребенок предъявляет к матери.

В этом слое нам становится ясно, что он ни в коем случае не хочет быть любимым, в смысле любить и быть любимым, как взрослые. Партнер, который любит его, пугает его своими претензиями. В конце концов, он начинает желать того, кто осыпает его подарками не из любви – потому что влюбленные эгоистичны, – а из чувства долга перед кавалером. Вскоре выясняется, что «долг кавалера» на самом деле представляет собой «родительский долг». Суть родительского долга заключается в том, что родители не должны ничего требовать от ребенка, поскольку они выполняют свой долг, подчиняясь лишь давлению общественного мнения, заботясь о ребенке, независимо от того, плохой он или хороший.

Это удобные «любовники». Нетрудно распознать в этой маскировке примитивный тип любви маленького ребенка, который еще не знает мать как существо со своими личными интересами и которого ничто не принуждает к этому осознанию. Позже, когда мать требует что-то взамен своей любви, ее воспринимают как помеху и отвергают: «Я совсем не хочу, чтобы меня любили», – как бы упрямо говорит ребенок. Но на самом деле это звучит так: «Почему меня больше не любят так (т.е. бескорыстно), как раньше?»

Третий случай, о котором я хочу упомянуть, открывает тот же страх перед любовью или, скорее, перед требованиями партнера по любви. Пациенту снится следующий сон:

Войдя в свою квартиру, он видит в центре комнаты большой тубус. Он ложится на него, как на кровать. И тут тубус становится также кроватью (или диваном), но вскоре превращается в старуху, издающую сладострастные хрюкающие звуки. Это вызывает у пациента отвращение, и он слзлит с нее несмотря на то, что она пытается его удержать.

---

1 Настоящая ненависть – это чистая агрессия; 2 Псевдоненависть – это требование самоотверженности со стороны объекта, которое всегда изначально предъявлялось матери.

Текущим поводом для сновидения является наблюдение за тем, как его мать нянчится с внуком и хочет всего этого для себя. С сильным неодобрением он признает в ее действиях подавленный эротизм и в то же время стыдится собственной ревности. Но за ревностью и рядом с ней стоит жалость к маленькому племяннику, которого ждет та же участь, что и его. Он тоже однажды захочет уйти от бабушки и она будет держать его так, как держала его, сына. Сон, конечно, очень многослойный и, помимо прочего, дает некоторые ключи к разгадке страхов пациента перед кастрацией.

Наиболее важным для нашей темы является возмущение, с которым пациент обнаруживает эротизм в материнской любви. До сих пор, критикуя поведение матери, он думал о непонимании, но не об эгоизме. Теперь она станет для него ворчливой старухой, которой сын нужен только для собственного удовольствия. На самом деле, у него такое же отношение ко всем женщинам. Его смущает и пугает сексуальная потребность женщины. Женщина должна желать, но не требовать. Он предпочитает подходить к ней как к плачущему ребенку, который хочет, чтобы его пожалели и обняли. Брак не одобряется, потому что он приносит женщине выгоду, и в этом случае он больше не может верить в ее любовь.

Суть родительского долга заключается в том, что родители не должны ничего требовать от ребенка, поскольку они выполняют свой долг, подчиняясь лишь давлению общественного мнения, заботясь о ребенке, независимо от того, плохой он или хороший.

Взаимность требований так же непонятна ему, как маленькому ребенку, живущему в качестве эктопаразита матери. Основным симптомом этого пациента является любовь к совсем маленьким девочкам, которая также может быть представлена непристойными детскими изображениями. Дети, с которыми он обращается как с куклами, о чувствах которых ему не нужно заботиться, на самом деле имеют материнское значение. Это настоящие, бескорыстные объекты любви.

Во всех трех случаях описанное отношение к объекту любви в ходе аналитической работы интерпретировалось по-разному: как склонность к оральному поглощению, как нарциссическое поведение, как желание быть любимым, как эгоизм, поскольку именно это влекло за собой соответствующий материал.

Но, в конце концов, точка зрения, высказанная в моих описаниях случаев, показала мне наиболее оправданной. Тенденция к оральному влечению появилась как особая форма выражения этой любви, которая могла быть более или менее выражена.

Термин «нарциссизм», в первую очередь, отражает ее сильную объектную ориентированность, а термин «пассивная объектная любовь» (желание быть любимым) недостаточно соответствует ее активности. Ближе всего здесь подходит понятие эгоизма. Это был архаичный, эгоистичный и изначально присущий только матери способ любви, главной характеристикой которого являлось отсутствие чувства реальности

Термин «нарциссизм», в первую очередь, отражает сильную объектную ориентированность любви, а термин «пассивная объектная любовь» (желание быть любимым) недостаточно соответствует ее активности.

в отношении интересов² объекта любви. Я называю этот эгоизм, являющийся на самом деле лишь следствием отсутствия чувства реальности, наивным эгоизмом³ в противоположность сознательному пренебрежению интересами объекта.

Особенно ясную картину любви к матери мы получаем, на мой взгляд, из определенных, совершенно общих явлений переноса, которые в любом случае, независимо от возраста, пола и формы болезни, можно обнаружить даже у практически здоровых кандидатов-анализандов.

Я описала эти явления переноса в своей лекции об обращении с переносом⁴ как параноидально чувствительное и при этом безжалостно эгоцентричное поведение, поддержание которого возможно с помощью характерной слепоты по отношению к личности аналитика. Во время лечения аналитик для пациента не такой человек, как другие – то есть

Неоспоримый факт психогенного бесплодия говорит о том, что рожденный ребенок всегда является ребенком, которого хотела мать.

человек с отсутствием личных интересов. Это понимание регулярно возникает постепенно только в период сепарации. Я хотела бы добавить еще один пример к этому общему описанию.

Пациент выражает желание проводить еще одну дополнительную встречу еженедельно. Желание оправдано, так как из-за нехватки времени он приходит на лечение только четыре раза в неделю.

Несмотря на это, я пока веду себя пассивно и ограничиваюсь анализом этого желания, что помогает нам получить ценную информацию об эмоциональном мире пациента. Желание провести еще час оказалось признанием в любви со стороны пациента с очень подавленным аффектом. Но в то же время оно означает и защиту от осознания возникающего эмоционального возбуждения. Он хотел встречаться еще один час, чтобы не чувствовать тоски, в которой скрывалась его любовь. Так что на самом деле, он хотел, чтобы в этот час встречи он не испытывал ко мне любви, что он также очень подробно объяснил мне по этому поводу. Больше всего его смущала мысль о том, что, возможно, у меня не будет для него времени, а значит, наши интересы расходятся.

---

2 Под этим я подразумеваю как либидинальные, так и эго-интересы объекта.

3 «Можно быть абсолютно эгоистичным и при этом поддерживать сильный либидинальный катексис объекта...» Фрейд: Лекции по вводному психоанализу, гл. XXVI. Теория либидо и нарциссизм. Том VI, стр. 432.

4 Элис Балинт: Использование переноса на основе экспериментов Ференци. Международное периодическое издание Психоанализа, Том XXII, 1936.

Он хотел быть со мной, но, по возможности, не зная обо мне. Было бы разумно рассматривать это поведение как нарциссическое отстранение либидо в тот момент, когда напряжение желания в определенной степени превышает норму. Но, с другой стороны, его желание, несомненно, было признанием в любви. Однако наиболее правильным казалось предположить, что здесь все дело в любви, в той архаичной любви, основным условием которой является совершенная гармония интересов.⁵ В случае этой любви нет необходимости признавать существующий объект любви, поскольку он или она хочет того же, что и я. Я считаю это незаметное само по себе наблюдение ценным, поскольку, возможно, оно раскрывает нам некоторую природу той субъективной самодостаточности, которую мы предполагаем в удовлетворенном младенце.

Все дело в любви, в той архаичной любви, основным условием которой является совершенная гармония интересов. В случае этой любви нет необходимости признавать существующий объект любви, поскольку он или она хочет того же, что и я.

Еще одна особенность архаичной любви – псевдоамбивалентность.

При таком примитивном объектном отношении возможность различного поведения по отношению к объекту не является результатом различных эмоциональных установок (любви, ненависти), а коренится в наивном эгоизме маленького ребенка.

Еще одна особенность архаичной любви – псевдоамбивалентность. При таком примитивном объектном отношении возможность различного поведения по отношению к объекту не является результатом различных эмоциональных установок (любви, ненависти), а коренится в наивном эгоизме маленького ребенка. В наивном эгоизме совсем не замечается противоречие собственных интересов и интересов объекта. Если, например, маленький ребенок или пациент в соответствующей переносной установке думает, что мать или аналитик не должны болеть, это означает заботу не о благополучии другого, а о собственном благополучии, которое находится под угрозой из-за болезни другого.

То, что это действительно так, видно из того, как недружелюбно реагируют люди на начало пугающей болезни. Но должны ли мы сомневаться поэтому в любящем характере этого поведения? После многомесячной болезни у меня была хорошая возможность изучить этот вопрос. Все пациенты без исключения злились на меня, потому что чувствовали

---

⁵ Другой пациент, также с сильно подавленным аффектом, однажды в конце встречи сказал: «С нами все кончено».

Большинство людей, даже если они в остальном нормальные и вполне принадлежат к так называемому «взрослому» типу, бескорыстно учитывая интересы своего партнера, все же сохраняют в себе описанное наивно-эгоистическое отношение к собственной матери на всю оставшуюся жизнь.

себя ущемленными тем, что я была больна, что полностью соответствовало действительности. Их злость была самым сильным выражением детской любви и привязанности. Здесь также следует отметить, что слово «привязанность», как и соответствующее ему венгерское слово «ragaszkodás» (прилипчивость, настойчивость) для обозначения детской любви, являются прекрасным примером бессознательного знания.

Хотя я не сомневаюсь, что каждый в описанном типе любви признает особую форму любви, относящуюся именно к матери (я лишь повторила общеизвестное), я все же хотела особо подчеркнуть наблюдение, что большинство людей, даже если они в остальном нормальные и вполне принадлежат к так называемому «взрослому» типу, бескорыстно учитывая интересы своего партнера, все же сохраняют в себе описанное наивно-эгоистическое отношение к собственной матери на всю оставшуюся жизнь. Для всех нас остается очевидным, что интересы матери и ребенка идентичны, и общепризнанным показателем хорошеи или плохости матери является то, насколько в действительности она ощущает эту общность интересов.

Прежде чем я оставлю эту тему и перейду к обсуждению материнской любви, я хотела бы вернуться к одному замечанию относительно любви к отцу. Хотя отец семейства в значительной степени унаследовал материнские черты и поэтому во многих отношениях рассматривается ребенком как мать, в отношениях с ним все же отсутствуют те архаичные узы, которые связывают ребенка с матерью. Ребенок знакомится с отцом уже под влиянием чувства реальности. Такие общие наблюдения, как то, что дети обычно более послушны отцу, чем матери, не всегда могут быть объяснены тем, что отец часто бывает более строгим.

Ребенок ведет себя по отношению к отцу более реалистично, потому что первопричины изначальной, естественной общности интересов в отношениях с отцом не существует. Естественно, мать не должна хотеть того, что противоречит желаниям ребенка. Однако то же самое нельзя сказать об отце. (Таким же образом можно объяснить и большую педагогическую эффективность чужих людей.) В народных сказках, по-видимому, это подтверждается и тем, что плохая мать всегда является мачехой, тогда как плохой отец не обязательно должен быть отчимом; и это касается обоих и дочери, и сына. (Кстати, еще одним доказательством архаичности описанной любви является то, что она одинаково проявляется у обоих полов, т. е. безусловно доэдипальна.)

Итак: любовь к матери изначально является любовью, лишенной чувства реальности, с другой стороны, мы любим и ненавидим отца – включая эдиповы установки – в соответствии с реальностью.

II

Перейдем теперь к материнской любви. Начну снова с примера. Одна молодая мама делится со мной своим мнением о лекции по криминальной психологии, которую она прослушала накануне. Лектор рассказал о случае с женщиной, которая, живя в несчастливом браке, в отчаянии убила двух своих дочерей и пыталась покончить с собой. Мать осталась жива и была приговорена к 15 годам тюремного заключения за убийство. Лектор считал приговор несправедливым; женщина, которая рассказала мне об этом, тоже. Но объяснение, которое она дала, показалось мне примечательным. Она заявила, что приговор был необоснованным, поскольку женщина не может считаться «опасной для общества». Она убила только своих собственных детей. По мере продолжения разговора становилось все более очевидным, что мысль о том, что детям тоже есть что сказать, даже не приходила ей в голову. Она считала все происходящее внутренним делом матери, потому что ее собственный ребенок — это все-таки не внешний мир.

Наверное, мне не нужно особо подчеркивать, насколько леди была смущена, высказав вслух эти столь естественные для нее мысли. То, что она сказала, было частью архаичной реальности, которая в нашей культуре обычно проявляется только в завуалированной форме. Первобытные народы, с другой стороны, действительно считают детоубийство чем-то, что не воспринимается как убийство в собственном смысле это-

---

Вынашивание, рождение ребенка, кормление грудью, обласкивание являются выражением влечений женщины, которые она удовлетворяет с помощью ребенка.

го слова. Это внутреннее дело семьи, общество не имеет к этому никакого отношения.

Рохайм рассказывает, что матери из Центральной Австралии, когда их одолевает «жажда мяса», делают аборт собственными руками и съедают плод. При этом он не упоминает о каких-либо угрызениях совести и тому подобном. Для этих женщин плод кажется им их собственностью в полном смысле этого слова, с которой они могут делать все, что им заблагорассудится. Мы можем, пожалуй, истолковать обычное правило для этих племен, согласно которому семья съедает каждого второго ребенка, как ограничение, обеспечивающее таким образом жизнь определенному числу детей. Мы не должны думать, что австралийские женщины обычно являются «плохими» матерями. Наоборот, они в полной мере проявляют материнскую нежность к своим живым детям. Нельзя отрицать и их готовность идти на жертвы, если учесть, что они проводят ночи, опираясь на колени и локти над своими младенцами, чтобы защитить их от холода собственным телом.

Некоторые записи об эскимосах, кажется, указывают на переходную

Материнская любовь — это почти идеальный аналог любви ребенка к матери.

стадию между австралийской матерью, беззаботно поедающей детей, и нашим сознательным отношением. (Я говорю «сознательное отношение», потому что каннибалистические желания по отношению к детям, особенно в сновидениях, вовсе не редкость.) В этих записях рассказывается, например, об эскимосской женщине, которая во время голода съела своего ребенка, но теперь парализована и не может удерживать мочу. Жители деревни предположили, что это произошло потому, что «она съела часть себя».⁶ Чаще всего дети умирают от обморожения во время голода. В таких случаях люди проявляют твердость и решимость, которые поразили репортера до глубины души, поскольку он знал нежность и любовь, с которыми они обычно относились к своим детям. Эскимосы отказываются от своих детей под давлением ужасной нужды и бедствий точно так же, как мы бросаем наше самое драгоценное имущество во время кораблекрушения, чтобы спасти свои жизни.

Важным моментом, который понятен изначально мыслящим людям и кажется чуждым лишь нашим индивидуалистическим чувствам, является тот факт, что детей можно приобретать по желанию, как и другие вещи.

Отношения между матерью
и ребенком строятся
на взаимосвязанности обоюдных
целей влечения.

Как мать является объектом
удовлетворения для ребенка,
так и ребенок является объектом
удовлетворения для матери.

Поедание детей, которое для женщины из Центральной Австралии является инстинктивным удовлетворением, не отягощенным каким-либо чувством вины, а для эскимоски — отчаянным поступком крайней меры, который может иметь ужасные последствия, но о котором скорее сожалеют, чем осуждают, по является в венгерском фольклоре как ад-

ское наказание для тех женщин, которые делают аборт.⁷

Факт «аборта» является особенно важным фактором в отношениях матери и ребенка. Все женщины на Земле знакомы с искусственным прерыванием беременности, поэтому в конечном итоге они решают, «быть или не быть» ребенку. (В этом обстоятельстве, вероятно, кроется один из корней жуткости матери для ребенка, жизнь которого буквально зависит от того, принимает ли его мать.) Также неоспоримый факт психогенного бесплодия говорит о том, что рожденный ребенок всегда является ребенком, которого хотела мать. Моральное осуждение или даже уголовное преследование за аборт, вероятно, является защитной мерой против опасной абсолютной власти женщин. Защитной мерой я также полагаю передачу изначально материнского права на жизнь ребенка «отцу семейства». Тот факт, что это неформальное, личное дело женщины, говорит

---

⁶ Расмуссен: «Тулэфарт», 1926, стр. 358

⁷ «Этнография венгров» (Фольклор венгров), том IV, стр. 156

об изначальности материнских прав. Отцовское право, с другой стороны, является социальным институтом.

Несмотря на культурные ограничения изначального права матери, рождение большинства детей, вероятно, считается реализацией материнских влечений. Вынашивание, рождение ребенка, кормление грудью, обласкивание являются выражением влечений женщины, которые она удовлетворяет с помощью ребенка⁸. Максимально продолжительный физический контакт одинаково доставляет удовольствие обеим сторонам. Я даже полагаю, возвращаясь к этнографии, что те правила, которые разлучают супругов на несколько месяцев после рождения ребенка, берут свое начало в желании женщины, которая хочет спокойно прожить отношения с ребенком.

На почве этой взаимности вырастает безграничное доверие ребенка к материнской любви, которое лишь позже будет сильно поколеблено пониманием или опытом того, что мать может разорвать эту связь сама по себе, заменив одного ребенка другим.

Материнская любовь, соответствующая ее инстинктивным корням, применима только к совсем маленькому ребенку, младенцу, прижавшемуся к телу матери. Вот почему мы так часто видим, что матери, которых культура вынуждает гораздо дольше воспитывать своих детей вплоть до совершеннолетия, считают их, какими бы большими они ни были, своими «малышами», и часто это выражается в словах и жестах. Для матери ребенок никогда не вырастет, потому что, став взрослым, он больше не будет ее ребенком. Не является ли это также примером нереалистичности материнской любви, в точности соответствующей нереалистичности детской любви, в результате чего мать никогда полностью не осознается ребенком как личность с отдельными интересами? Материнская любовь — это почти идеальный аналог любви ребенка к матери.

Как мать является объектом удовлетворения для ребенка, так и ребенок является объектом удовлетворения для матери. И точно так же, как ребенок не воспринимает личные интересы матери, так и мать рассматривает ребенка как часть себя, интересы которого совпадают с ее интересами. Отношения между матерью и ребенком строятся на взаимосвязанности обоюдных целей влечения. К этим отношениям в полной мере применимо то, что сказал Ференци об отношениях мужчины и женщины во время полового акта. Он имел в виду: во время полового акта нельзя говорить ни об эгоизме, ни об альтруизме. Это взаимность – мутуализм – то, что хорошо для одного, хорошо и для другого. В результате естественной взаимосвязанности обоюдных целей влечений нет необходимости беспокоиться о благополучии другого человека.

Такое поведение я называю инстинктивным материнством, в отличие от культурного.⁹

Мутуализм — биологический
фактор, наивный
эгоизм — психологический.

---

8 Смотри концепцию «Родительского эротизма» С. Ференци в его «Попытке создать генитальную теорию». Международное издательство Психоанализа, Вена, 1924

9 О «культурном» материнстве см. Элис Балинт: Основы нашей образовательной системы.

Для ребенка было бы вполне естественно, если бы мать оставалась его сексуальным партнером и после младенческого возраста. Отказ матери может быть воспринят ребенком только как следствие разрушительного вмешательства внешней силы

Лучше всего его можно наблюдать у животных и у очень примитивных людей. Наивный эгоизм играет в нем ту же роль, что и в любви ребенка к матери. Но, рассматривая обоих партнеров (мать и ребенка) одновременно, мы, как и Ференци, можем говорить о мутуализме. Мутуализм — биологический фактор, наивный эгоизм — психологический. Биологически данная взаимозависимость делает наивный эгоизм психологически возможным. Любое нарушение этой взаимосвязи ведет к развитию за пределы наивного эгоизма.

Если бы единство «мать-дитя» в людях, как и в животных, сразу сменялось взрослой сексуальностью, то есть единством «мужчина-женщина», наивного эгоизма было бы достаточно в качестве способа любви на всю жизнь. Однако характерный для человека временной промежуток между периодом младенчества и совершеннолетием — то есть двумя этапами жизни, на которых существует обоюдная взаимосвязанность двух существ — порождает несоответствие, которое необходимо уравновесить. Это несоответствие, растущее с развитием культуры, в значительной степени компенсируется прогрессирующим распространением господства чувства реальности на эмоциональную жизнь.

Такт, пронизательность, внимательность, сострадание, благодарность, нежность (в смысле сдержанной чувственности) — это признаки и последствия господства чувства реальности в сфере чувств.

Таким образом, реальная способность любить в социальном смысле является вторичным образованием, возникшим в результате внешнего вмешательства. Она не имеет прямого отношения к генитальности.

В конце концов, генитальный акт — это именно та ситуация, в которой возрождается взаимосвязанность, испытанная в раннем детстве. Все, что было усвоено в опыте к настоящему моменту, может сыграть важную роль в уходе, но должно быть забыто во время полового акта. Слишком сильное чувство реальности (тактичность), слишком явное отделение одного человека от другого действует разрушительно, считается холодностью, может даже привести к импотенции. Достаточно вспомнить страх некоторых невротиков, проистекающий из их чистоплотности, они боятся обидеть партнера запахом своего тела или произвольными звуками и движениями, вызывающими отвращение или раздражение.

Первое нарушение наивного эгоизма происходит, когда мать отворачивается от растущего ребенка. Это отвержение выражается либо непосредственно в действительном отчуждении, либо косвенно в том, что мать хочет каким-то образом остановить

развитие ребенка. Я думаю, что нет необходимости приводить конкретные примеры по этому поводу. Для ребенка было бы вполне естественно, если бы мать оставалась его сексуальным партнером и после младенческого возраста. Отказ матери может быть воспринят ребенком только как следствие разрушительного вмешательства внешней силы. Это в полной мере относится и к животным, у которых половая зрелость почти сразу следует за младенчеством. Только сила животного-отца является препятствием для сексуального единения матери и ребенка. У людей по-другому. В этом случае сексуальная значимость ребенка для матери прекращается гораздо раньше того момента, когда ребенок становится сексуально половозрелым, то есть может быть партнером матери и во взрослом состоянии. За либидной связью следует либидное отвержение со стороны матери.

Здесь становится ясно в чем, несмотря на многие сходства, кроется принципиальное различие между материнской любовью и любовью к матери. Мать уникальна и незаменима, а ребенка можно заменить другим. Мы наблюдаем повторение этого конфликта в каждом неврозе переноса. Относительная незаменимость аналитика по сравнению с фактической или предполагаемой легкостью, с которой аналитик заполняет свой освободившийся час, в большей или меньшей степени влияет на каждого пациента. Отстранение от матери в смысле прекращения первоначальной взаимосвязанности означает примирение с тем фактом, что мать является особым существом, имеющим собственные интересы. Ненависть к матери не является формой отстранения, а, скорее, означает продолжение связи с отрицательным знаком. Мать ненавидят, потому что она уже не та, что была. (В аналитической практике мы давно знаем, что ненависть к аналитику после завершения анализа является признаком неразрешенного переноса.)

Подведем итог: ребенок, переросший младенчество, уже не так приятен матери (мы всегда имеем в виду инстинктивное материнство), но тем не менее привязан к ней и знает только наивный эгоизм как форму любви. Однако наивный эгоизм становится несостоятельным теперь, когда отсутствует взаимность, которая была его основой. Таким образом, перед ребенком стоит задача приспособиться к желаниям тех, в чьей любви он нуждается.¹⁰ Так начинается господство чувства реальности в любовной жизни человека.¹¹

Реальная способность любить в социальном смысле является вторичным образованием, возникшим в результате внешнего вмешательства.

---

10 Затянувшееся младенчество также может быть адаптивным достижением.

11 Здесь следовало бы еще отметить, что это господство чувства реальности в эмоциональной жизни не тождественно концепции Ференци об эротическом чувстве реальности. Понятие эротического чувства реальности относится исключительно к эротической функции, развитие которой понимается как поиск наиболее полной разрядки эротического напряжения.

III

В заключение я бы хотела в этом контексте кратко остановиться на вопросе аутоэротизма. Мы знаем, что он первичен. Его самый важный признак, с точки зрения приспособления к действительности, – большая независимость от внешнего мира. Ребенку не приходится обучаться аутоэротическим действиям и для их осуществления не требуется помощь окружающих. Однако, их можно нарушить или предотвратить извне, но они зависимы от внутренних процессов. Как известно, отдельные формы аутоэротизма могут сменять друг друга, если тот или иной тип разрядки по каким-либо причинам становится невозможным.

Также распад либидной взаимосвязи матери и ребенка влияет на аутоэротическую функцию. Можно даже сказать, что только здесь начинается ее психологическая эффективность. В последующий период аутоэротизм, насыщенный относительной депривацией любви, приобретает значение замещающего удовлетворения. Таким образом, он становится биологической основой вторичного нарциссизма, психологической предпосылкой которого является идентификация с неверным объектом. Чем раньше прекращается младенческая гармония, тем раньше аутоэротизм приобретает эту роль в душевной жизни человека.

Вопреки мнению большинства аналитиков, я не считаю, что это – регрессия к аутоэротической стадии, а, скорее, предполагаю, что аутоэротизм и архаическая привязанность к матери сосуществуют одновременно и уравнивают друг друга, но с самого начала являются различными факторами, которые влияют на развитие ребенка.

Различие между ними становится очевидным только тогда, когда нарушается изначальная гармония.

Так что, на мой взгляд, нет такой стадии жизни, в которой преобладал бы только аутоэротизм. Если необходимый уровень удовлетворения со стороны объектного мира не достигается, на помощь человеку приходит аутоэротизм как механизм утешения. Если лишения не слишком велики, все проходит без особой суеты. Однако, перегрузка аутоэротической функции сразу же проявляется в виде патологических симптомов: аутоэротическая активность перерождается в зависимость. Но, так же и наоборот, мы можем наблюдать, что слишком успешное подавление аутоэротизма в процессе воспитания приводит к перегрузке объектных отношений, что обычно выражается в ненормальной зависимости и патологической привязанности к матери или другим опекунам. С другой стороны, если аутоэротизм не подавляется чрезмерно, объектные отношения укрепляются до степени, желательной с точки зрения воспитанности. По-видимо-

---

Мать уникальна и незаменима,
а ребенка можно заменить
другим. Мы наблюдаем
повторение этого конфликта
в каждом неврозе переноса.

му, для каждой возрастной группы существует оптимальное соотношение между аутоэротизмом и привязанностью к объектам. Этот баланс достаточно эластичен, так что лишение с одной стороны может компенсироваться удовлетворением с другой, хотя оно не выходит за определенные пределы. Это обстоятельство обеспечивает развитие чувства реальности

в эмоциональной жизни. Ибо человек не может отказаться от объектной любви без серьезного ущерба¹².

IV

Типы любви выделяются в психоаналитической науке с нескольких точек зрения: во-первых, по их отношению к целевому ингибированию, во-вторых, по их принадлежности к частичному влечению и генитальности.

Понятия оральной, анальной и генитальной любви возникли из одной группы, а концепции нежной и грубо-чувственной любви — из другой. Третье различие между способами любви возникло в результате сопоставления нарциссического и объектного либидо как нарциссического и объектно-либидного способов любви, которые каким-то образом также связаны с эгоизмом и альтруизмом.

Наконец, Ференци проводит различие между пассивной и активной объектной любовью, которое он использует в основном вместо распространенных выражений — нарциссической и объектно-либидной любви — не уточняя, является ли пассивно-объектная любовь синонимом нарциссической любви. Я же различаю способы любви по их отношению к чувству реальности.

Истинная объектная любовь стоит на двух столпах:

1. Удовлетворение потребностей со стороны объектного мира;
2. Чувство реальности.

1 пункт. Первое присутствует с самого начала, особенно если принять точку зрения генитальной теории, согласно которой вся сексуальность, включая аутоэротическую функцию, основана на объектно-ориентированной тенденции.

2 пункт. Последнее развивается поэтапно. На основании наблюдения за способом любви, наиболее характерной чертой которого является слабое развитие чувства реальности (признается объект, но не его собственные интересы), я полагаю, что постепенному развитию чувства реальности соответствует постепенное развитие объектной любви. Однако, параллельность этих двух линий развития не является полной. В конце концов, распространению господства чувства реальности на объектные отношения препятствуют два мощных фактора.

Как известно, одним из таких факторов является большая независимость от внешнего мира, которая в либидинозной области обеспечивается аутоэротическим (по Ференци, аутопластическим) способом удовлетворения. Второй фактор, который я выделила, — упомянутая инстинктивная взаимосвязь, которая существует между матерью и ребенком (позже между мужчиной и женщиной во время полового акта). Инстинктивная взаимосвязь двух существ создает ситуацию, в которой признание собственных интересов объекта является излишним. Это становится основой наивного эгоизма в области объектного либидо.

Понятие первичного архаического объектного отношения, лишённого чувства

---

¹² Смотри Наблюдения аналитика и педиатра Э. Пете, опубликованные в статье «Младенец и мать» в периодическом издании Психоанализ. Педагогика, том XI, 1937

Я различаю способы любви по их отношению к чувству реальности.

реальности, я получаю путем экстраполяции. Это последнее звено в ряду различных степеней приспособления к реальности в области объектных отношений. В соответствии с этим возникает архаический вид любви, сущность которого определяется не каким-либо частичным влечением, а отсутствием чувства реальности по отношению к объекту любви. (Во избежание недоразумений я хотела бы подчеркнуть, что мы должны строго различать виды удовлетворения, например, оральное, анальное и т. д., и виды любви, например, наивно-эгоистическую, альтруистическую и т. д.). С другой стороны, возникновение социально более высших способов любви рассматривается как результат адаптации к реальности.

Эта классификация очень близко связана с фрейдовским различием между грубо чувственной и ингибированной любовью, поскольку торможение по отношению к цели является наиболее важным из внешних факторов, которые приводят к развитию эмоциональной жизни; в то время как чистая чувственность знает только «эротическое чувство реальности» и может довольно хорошо сочетаться с наивным эгоизмом по отношению к партнеру.

Момент, в котором мой ход мыслей частично расходится с фрейдовским, заключается в оценке роли либидинозных объектных отношений в этом контексте. Фрейд также связывает возникновение объектной любви с незаменимостью внешнего мира, но в основе этой незаменимости лежат, в первую очередь, не эротические влечения, а инстинкты самосохранения. Вследствие удовлетворения инстинкта самосохранения возникают первые объектные отношения, но вскоре они сменяются аутоэротическим приспособлением либидо. Только после этого обходного пути через аутоэротизм либидо в ходе дальнейшего развития возвращается в объектный мир. Фрейд предполагает, что только некоторые компоненты сексуального влечения изначально имеют внешний объект и сохраняют его, в том числе влечение к власти (садизм) и влечение к наблюдению и познанию.¹³ После дополнения теории либидо теорией первичного нарциссизма «аутоэротизм предстает как сексуальная активность нарциссической стадии размещения либидо», причем эта нарциссическая стадия, как известно, рассматривается как первичная.¹⁴

Опираясь на явления, которые еще можно наблюдать, я попыталась представить эту самую изначальную стадию как архаическое объектное отношение, лишённое чувства реальности, из которого под влиянием реальности непосредственно развивается то, что мы привыкли называть любовью. Мое мнение можно довольно просто выразить с помощью понятий Я и Оно.

---

13 Начиная с более поздних работ И. Германна, количество компонентов сексуального влечения, направленных с самого начала на внешний объект, может быть увеличено за счет влечения к привязанности.

14 Фрейд: Вводные лекции по психоанализу. Изд. Том VII, Глава. XXI, стр. 340 и XXVI, стр. 431

Архаическая любовь без чувства реальности была бы именно способом любви, связанным с Оно, которая сохраняется как таковая на протяжении всей жизни, в то время как социальные и соответствующие реальности формы любви представляют собой способ любви, связанный с Я¹⁵.

ДОПОЛНЕНИЕ

Дуальное единство (двуединство) и первичное (архаическое) объектное отношение. В некоторых дискуссионных комментариях мне предлагалось отказаться от обозначения «первичное объектное отношение» в пользу терминов «двуединство» и «дуальное единство». Однако, я полагаю, что для общего понимания гораздо выгоднее и лучше, если даже небольшие расхождения во взглядах будут выражены в терминологии.

И. Германн, Э. П. Хоффманн и Л. Роттер-Кертеш прямо подчеркивают, что они не рассматривают дуализм как какое-либо объектное отношение. С другой стороны, я действительно думаю о возможности примитивного объектного отношения, которое имеет место до появления способности различать «Я» и «объект», то есть, существует уже в Оно.

Отправной точкой моего хода мыслей является хорошо известная концепция Ференци пассивной объектной любви. В моей книге на ту же тему, посвященной памяти Ференци, я все еще использую это выражение. Позднее, отчасти под влиянием мыслей М. Балинта о «новом начале», в которых он подчеркивал важность активации детского поведения; отчасти под влиянием выводов Германна о влечении к привязанности, я почувствовала, что термин «пассивный» не подходит для обозначения отношений, в которых очень активные тенденции, такие как влечение к привязанности, играют главную роль. С тех пор, как и в настоящей работе, я использую термин «архаические» или первичные объектные отношения (объектная любовь) вместо термина «пассивная объектная любовь».

Я могла бы изменить это последнее обозначение на «двуединство» или «дуальное единство» только в том случае, если бы те, кто употребляют его, изменили бы свое прежнее представление о том, что они склонны рассматривать дуальное единство как примитивное объектное отношение, или если бы я отказалась от мысли, что объектные отношения настолько же стары, насколько и их биологическая основа.

---

15 Недавние работы в том же направлении: Майкл Балинт: о критике учения о прегенитальных организациях либидо. Международное периодическое издание Психопанализа, Том XXI, 1935; Ранние стадии развития Эго. Первичный объект любви. Имаго, т. XXIII, 1937.

- И. Германн: цепляться за себя – идти на поиски. Международное периодическое издание Психопанализа, Том XXII, 1936.

- Е. Р. Хоффманн: Проекция и развитие Эго. Международное периодическое издание Психопанализа, XXI, 1935.

- Л. Роттер-Кертеш: Глубокая психологическая подоплека инцестуозной фиксации. Международное периодическое издание Психопанализа, т. XXII, 1936.

СБОРНИКИ

Проведение научно-практических конференций – сложившаяся традиция в ЕАРПП. По итогам конференций выпускаются сборники докладов. Можно сказать, что до появления журнала такие издания были основным печатным словом ЕАРПП.

Собрать сборник, не растеряв основных идей конференции, сохранить для её участников (и не только) ключевые тексты, помочь докладчикам раскрыться как авторам статей – большой труд редакторов, организаторов. И очень важно, чтобы размышления коллег ещё раз прозвучали уже на страницах журнала.

В настоящем выпуске представляем вам некоторые статьи и эссе, опубликованные в сборнике «Современное родительство и ребёнок: психоаналитический взгляд» по материалам межрегиональных научно-практических конференций по детскому психоанализу, организованных РО-Самара (2017-2019 гг.).

Современный ребенок: «монстр» ... или «жертва»?

Викторов Евгений Андреевич

- Психолог-психоаналитик, детский психоаналитик
- председатель РО-Самара ЕАРПП

Способ современного воспитания напоминает выражение «без руля и без ветрил», иными словами, «как могу, так и воспитываю», но если воспитание терпит крах, то виноват в этом ребенок.

Процессы, происходящие в современном мире, создают условия для развития стресса, что приводит к образованию бессознательной тревоги, которая поглощает и затопляет психику человека. Формируется сильная бессознательная потребность в том, чтобы избавиться от этой тревоги, и эта потребность вносит существенные коррективы в способы выстраивания взаимоотношений между членами семьи. В результате происходит определенный перекося в психике родителей, т.к. никто не отменял понятия доминирующей потребности, при наличии которой все другие потребности работают на ее обслуживание. Вопросы взаимоотношений между партнерами уходят на второй план, становясь «придатком» к бессознательному желанию избавиться от тревожащих проблем и получить гармонию и умиротворение в самоощущении. Подобным же образом уходят на второй план и вопросы воспитания

детей, важнейшими качествами которого являются любовь, внимание и эмоциональное тепло, а также способность родителей выдерживать эмоциональное напряжение, появляющееся во взаимодействии с ребенком. Постепенно формирующиеся изменения в общественном сознании вносят свою лепту в то, что институт семьи претерпевает существенные изменения, которые также отражаются на взаимоотношениях родителей с детьми и способах воспитания. В статье будут затронуты факторы, определяющие развитие ребенка по одному из направлений: «монстр», «жертва» или обычный ребенок со своими достоинствами и недостатками.

Обращает на себя внимание факт, прослеживающийся в родительских консультациях: зачастую родители начинают свой рассказ о проблемах во взаимоотношениях с ребенком с того, что он не слушается, его невозможно заставить что-то делать, он не хочет учиться и ведет себя очень агрессивно. Слушая повествование родителей, невольно думаешь, что их ребенок - какое-то «чудовище» или «монстр». Такой косвенный смысл часто проявляется как на родительских сессиях, так и в терапии взрослых пациентов. Но за подобными рассказами можно отследить беспомощность родителей перед своими детьми. Тема очень актуальна для многих современных родителей в связи с тем, что вызывает у них резонанс собственных бессознательных детских переживаний, которые реактивируются в отношениях со своими детьми. В результате способ современного воспитания напоминает выражение «без руля и без ветрил», иными словами, «как могу, так и воспитываю», но если воспитание терпит крах, то виноват в этом ребенок.

В ежедневной практике специалисты, работающие в глубинной терапии, сталкиваются с проблемами, которые скрыты от осознания родителей, но от этого не становятся менее разрушительными для психического развития детей. Часто родители даже не задумываются о том, что у ребенка существует свой собственный внутренний мир, к которому надо относиться с уважением. Этот мир является важным для ребенка и требует бережного отношения к себе. Он богат и разнообразен, и ребенок показывает это многообразие нам, взрослым, но готовы ли мы увидеть, принять и поддержать его? Он может вызывать интерес, но в тоже время может пугать своей необъятной глубиной. О родительском влиянии на внутренний мир ребенка мне хотелось бы поговорить.

С одной стороны, родители хотят ребенка (в норме для продолжения рода), с другой стороны, он вносит огромное количество ограничений, дополнительных трудностей и проблем в их жизнь. Необходимо отметить, что никто из взрослых не является абсолютно готовым родителем, психически зрелым и способным выдерживать то напряжение, которое появляется с рождением ребенка. Быть родителем учатся и начинают с появлением первого ребенка и только через практику своего родительства. В сознании молодых родителей бытует мнение о том, что все начинается после рождения ребенка, но на самом деле все начинается с момента фантазий о будущем ребенке и его зачатия. Отношения между родителями часто начинают портиться уже с момента наступления беременности женщины. Мало кто из будущих родителей серьезно

Никто из взрослых не является абсолютно готовым родителем, психически зрелым и способным выдерживать то напряжение, которое появляется с рождением ребенка.

относится к тому, что в период беременности необходимо минимизировать факторы негативного влияния на психику будущей матери. Т.А. Флоренская в книге «Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем» пишет: «Матери знают, и это закреплено в народных поверьях и обычаях, что во время беременности следует быть в добром расположении духа, хранить себя от дурных впечатлений и переживаний, чтобы они не повлияли на ребенка. Через мать ребенок общается с миром, усваивает первые впечатления» [6, с. 120].

Многие будущие родители даже задумываются об этом, но столкнувшись в реальности с наступившей беременностью и появившимися проблемами, не могут выдерживать появляющееся внутреннее психическое напряжение. Беременность является новым этапом жизни семьи, который ей еще неизвестен и непонятен. Незнание всегда вызывает бессознательную тревогу. Появляются различные конфликтные ситуации, в которых многие родители регрессируют и требуют к себе повышенного внимания со стороны партнера. Когда такое происходит с беременной женщиной, это можно объяснить тем, что в ее организме происходят серьезные процессы, изменяющие гормональный фон и приводящие к перепаду ее психоэмоционального состояния. Однако

Современные родители не доросли до состояния психической зрелости, способности выдерживать психоэмоциональное напряжение, появляющееся в отношениях и усиливающееся с рождением ребенка.

необходимо отметить то, что современные отцы при фрустрации выглядят не лучшим образом на фоне беременных женщин. Способность справиться с появившимся внутренним напряжением у современных мужчин стала существенно ниже, чем было раньше. Это очень печальный факт, но надо его признать. Как признать и то, что современные родители не доросли до состояния психической зрелости, способности выдерживать психоэмоциональное напряжение,

появляющееся в отношениях и усиливающееся с рождением ребенка.

В семейной терапии этот факт ярко прослеживается: когда появляется вопрос о личной ответственности, родители начинают перекладывать ответственность друг на друга, рассказывая при этом, как много каждый из них делает для воспитания ребенка, обесценивая вклад другого. Это является одним из симптомов проявления их родительского инфантилизма. Инфантильность подразумевает отсутствие психической зрелости личности и, как следствие, использование в отношениях примитивных механизмов защиты. «Когда преобладают примитивные механизмы защиты, тогда различные состояния эго активируются последовательно, одно за другим. Если эти противоречащие состояния эго не пересекаются между собой, то и тревога, связанная с ними, не проявляется или находится под контролем» [3, с. 28]. Иными словами, эго взрослого слабое, не интегрированное и не способное выдерживать тревогу и фрустрацию. В результате мы имеем дело с ситуацией, когда родители с появлением ребенка начинают регрессировать, т.к. актуализируются их собственные травмы, которые заявляют о своем существовании, что мешает родителям учитывать весь спектр психической жизни своего чада. Современные родители считают, что эмоциональная жизнь ребенка не имеет существенного значения для его воспитания и нормального психического развития. Большинство родителей даже не догадываются о том, что с ребенком важно говорить о его чувствах и переживаниях, разрешать ему их чувствовать. В результате этого он оказывается в ситуациях, когда, сталкиваясь с собственной тревогой и переживаниями, вместо поддержки, любви, эмоционального тепла и помощи со стороны родителей, получает игнорирование своих эмоциональных потребностей, а зачастую даже родительскую агрессию за свои эмоции и переживания. И, соответственно, получает подобную картину мира человеческих отношений, где нет места эмоциям, чувствам и переживаниям. «Мир представляется ребенку сообразно его опыту общения с людьми, близкими ему. Чем

Родители с появлением ребенка начинают регрессировать, т.к. актуализируются их собственные травмы, которые заявляют о своем существовании, что мешает родителям учитывать весь спектр психической жизни своего чада.

труднее и болезненнее этот опыт, тем сильнее печать душевных травм на его впечатлениях. Мир воспринимается тогда, как опасный, угрожающий, враждебный» [6, с. 135].

Тревога, переполняющая современное общество, «заражает» родителей, не дает им возможности обрести эмоциональный покой и гармонию в душе, и что делать – неизвестно, т.к. собственные родители не научили их справляться с тревогой и переживаниями. Партнер становится тем объектом, на кого направляется неосознаваемая потребность разрешения проблемы данной тревоги, но это – тупиковый вариант, т.к. партнер не является психотерапевтом. В подобных случаях можно говорить о том, что родители пытаются решить внутренние проблемы за счет внешнего объекта, а собственного психического ресурса не имеют. В результате в семье постепенно начинаются конфликты, а ребенок вынужден быть не только наблюдателем, но косвенным или реальным участником в них. «Вполне очевидно, что ребенок, постоянно находящийся в зоне конфликта, вырастет нервным и склонным к психическим расстройствам. Не видя любви между родителями и по отношению к себе (а любви в большинстве случаев действительно не существует), он, в принципе, не может понять, что значит любить» [2, с. 411].

Родители пытаются решить внутренние проблемы за счет внешнего объекта, а собственного психического ресурса не имеют. В результате в семье постепенно начинаются конфликты, а ребенок вынужден быть не только наблюдателем, но косвенным или реальным участником в них.

Конфликты разрушают взаимные чувства и первоначальная влюбленность уходит в небытие. Каждый из родителей требует любви и заботы в отношении себя, а сам не способен давать соответствующие ответные чувства, внимание и эмоциональную теплую заботу своему партнеру. Эта неспособность является серьезной трагедией каждого партнера, но это – их психическое наследство. Потребность в получении эмоциональной заботы, любви со стороны партнера остается нереализованной и смещается на ребенка. Ребенок принимает на себя бессознательную «обязанность» давать любовь и эмоцио-

нальную заботу своим родителям, но, в первую очередь, – своей матери. В терапии эта бессознательная «обязанность» проявляется в детских фантазиях о том, что они должны «осчастливить» свою маму, потому что только счастливая мама может дать им свою любовь. Но трагедия такой ситуации в том, что этот ребенок остается без жизненно необходимой родительской любви, которая важна для его полноценного психического развития, т.к. только любящий родитель способен в полной мере и качественно удовлетворить насущные потребности своего ребенка. «Любые отношения между матерью и ребенком можно рассматривать с точки зрения двойной иерархии, конъюнктурной и структурной. Конъюнктурная иерархия взаимозависимости со дня рождения младенца основывается на его потребности в матери (или в ее заместительнице), без которой он просто не выживет, тогда как выживание матери не зависит от ребенка, ее привязанность ограничивается эмоциональными и этическими аспектами, то есть ее жизнь не стоит на кону. Эта иерархия взаимозависимостей изменяется в течение от одного возраста к другому» [5, с. 177].

Мы можем говорить
о бессознательном
использовании родителями своих
детей для решения собственных
психических проблем, которые
должны решаться в личной
психотерапии.

Однако, существующая в бессознательном матери потребность в получении любви, эмоционального тепла, заботы, внимания и поддержки требует удовлетворения, нарушает эту иерархию и смещается на ребенка. Мать, сама того не подозревая, начинает вести себя так, чтобы ребенок удовлетворял ее эмоциональные потребности в моменты, когда ей это необходимо. В дополнение к этому свою негативную лепту вносит обида

на мужа, которая приводит к максимально возможному исключению супруга из отношений с ребенком. Это позволяет матери создать условия для платонически инцестуозных отношений с малышом, способствующих удовлетворению ее бессознательных потребностей. «Исключение отца в случае платонического инцеста представляет сегодня один из самых опасных рисков и настоящих злоупотреблений со стороны матери». [5, с. 422]

Платонически инцестуозные отношения в младенческом возрасте могут проявляться чрезмерными объятиями и тисканьем, приводящими к излишнему перевозбуждению младенца. Младенец не способен сопротивляться подобным действиям со стороны матери, но с возрастом ребенок начинает противостоять такому поведению матери. Он чувствует несоответствие того, что необходимо ему, с тем, что дает ему мать, и начинает протестовать доступными ему способами. В ответ мать начинает обижаться, оправдывая свои действия мнимой любовью и заботой, заставляя ребенка чувствовать себя виноватым. Перед ребенком ставится выбор: либо ты удовлетворяешь мою потребность в любви и эмоциональном тепле, либо ты будешь чувствовать невыносимую вину. С этих моментов в ребенке начинает зарождаться либо «монстр», либо «жертва». Другого пути психического развития у ребенка практически не остается.

Кем постепенно станет ребенок, развивающийся в подобной ситуации, предсказать однозначно трудно, но оба направления его развития приведут к печальному финалу. Он станет одним из двух возможных вариантов: «монстром» или «жертвой», - и это будет во власти его матери. Только мать сможет четко задать и определить путь психического развития своего ребенка, бессознательно формируя определенные способы взаимодействия с ним. Бессознательная тревога, поглощающая психику матери, имеет

Потребность в получении эмоциональной заботы, любви со стороны партнера остается нереализованной и смещается на ребенка. Ребенок принимает на себя бессознательную «обязанность» давать любовь и эмоциональную заботу своим родителям, но, в первую очередь, – своей матери.

Исключение отца в случае платонического инцеста представляет сегодня один из самых опасных рисков и настоящих злоупотреблений со стороны матери.

беспомощности, безысходности от происходящего и отчаяние. Результатом активации подобных чувств в большинстве случаев является материнская агрессия, которая направляется на ребенка, т.к. он беззащитен, а мать имеет над ним власть. Конечно же, эта агрессия, которая «сидит» в матери, - не прямая агрессия на ребенка. Она зародилась в ее психике и осталась в ней «жить», когда мать сама была ребенком, а ее родители не смогли помочь справиться с агрессией, запретив ее выражать. Они не поговорили с дочерью о том, что она злится, о причинах злости, не признали право ребенка на различные эмоции и чувства по отношению к родителям, в том числе и злость.

Описывая материнскую агрессию, необходимо отметить сопутствующий фактор, который ее усиливает. Таким фактором является инфантильность современных мужчин в семейных отношениях, которые в силу множества причин зачастую самоустраиваются от эмоциональной поддержки своих жен в период беременности и после родов. Подобное самоустранение бывает связано с тем, что до беременности муж занимал главенствующее положение в получении любви, заботы и внимания со стороны своей жены. «Неожиданно» появляется тот, кто «отобрал» все это и одержал «победу». В результате такого развития событий в дебрях своего бессознательного мужчина фрустрируется, чувствует себя «брошенным», ощущает свою беспомощность и отчаяние. Это его дезорганизует, приводит к регрессу, а появившийся ребенок становится серьезным конкурентом, который «выигрывает» борьбу за любовь, заботу и внимание его супруги. Реактивирующиеся бессознательные аффекты из детства отца «выходят» наружу, возрождая былую агрессию, направляемую на супругу, которая «предала» своего мужа. Женщина-мать вместо эмоциональной заботы, тепла, внимания и помощи получает агрессию и переполняется ею. В дальнейшем наступает момент, когда у эмоционально истощенной матери, которая «разрывается» между ребенком и мужем, не остается сил справляться с фрустрацией, ярость прорывается наружу, направляясь на того, кто является самым беззащитным – на ребенка. Все это вносит существенную лепту в процесс психического развития ребенка и формирования из него «монстра». Важно отметить, что мать определяет этот путь бессознательно, у нее нет

мощное влияние на ее психоэмоциональное состояние, создает огромное напряжение. Если же в дополнение на арену психики выходят бессознательные потребности, требующие своего удовлетворения, то выдержать добавляющиеся к этому «требования» ребенка становится еще сложнее, а иногда невозможно. Это еще больше усиливает напряжение в психике матери, тревогу, ощущение своей

Только мать сможет четко задать и определить путь психического развития своего ребенка, бессознательно формируя определенные способы взаимодействия с ним.

У эмоционально истощенной матери, которая «разрывается» между ребенком и мужем, не остается сил справляться с фрустрацией, ярость прорывается наружу, направляясь на того, кто является самым беззащитным – на ребенка. Все это вносит существенную лепту в процесс психического развития ребенка и формирования из него «монстра».

злого умысла навредить ребенку, процессу психического развития своего чада, в определенных случаях она просто не может вести себя иначе.

Вспоминается случай из семейной терапии, когда на сессии женщина с ужасом говорит о том, что вчера ее трехлетний сын подошел и ударил ее. Прошу рассказать, что произошло дальше, и слышу, что она его отругала и запретила бить себя. Отец поддержал свою жену, объяснив свои действия тем, что в противном случае ребенок вырастет и может стать уголовником. Этим двум, вроде бы, взрослым людям сложно выносить агрессию ребенка, направленную на них, т.к. каждый из них в своем детстве столкнулся с агрессией против себя со стороны своих родителей и ощущал от нее ужас и беспомощность. При этом каждому из них родители запрещали проявлять ответную агрессию к близким людям и не вели с ними разговоры о чувствах, которые переживали дети. Необходимо отметить, что, по рассказам, ребенок гиперактивен, непослушен, невнимателен, часто болеет, периодически получает травмы. Но восприятие своего ребенка у каждого из них разное: отец видит в нем «жертву» материнской агрессии, а мать – «монстра», с которым трудно справиться. Отец видит только агрессию своей жены на ребенка, а по отношению к своей агрессии, направленной на жену и сына, остается «глухим», оправдывает ее проявление, бессознательно «помогая» своей жене «создавать из него монстра».

Запреты на проявление ребенком агрессии по отношению к родителям приводят к тому, что психика ребенка затапливается агрессией, которую запрещено выражать.

Подобные запреты на проявление ребенком агрессии по отношению к родителям приводят к тому, что психика ребенка затапливается агрессией, которую запрещено выражать. Ребенок не знает, что с ней делать, и агрессия заполняет его психику с каждым разом больше и больше, а возможность получить разрядку отсутствует. Создается очень неоднозначная ситуация: вроде бы, родители любят ребенка, по крайней мере, говорят об этом, но когда ему необходима помощь в избавлении от накопившейся агрессии, то эту помощь не только не оказывают, но еще и наказывают ребенка за то, что сами в него «вселили». Это вызывает мощное внутреннее напряжение и дезорганизует структуру психики. До определенного периода ребенку удается как-то сдерживать

Ярость ребенка связана с его необходимостью защитить свой внутренний мир от переполняющих его аффектов.

это напряжение. Подобное сдерживание часто становится возможным, если ребенок перенаправляет свою агрессию на сиблингов, сверстников, себя или небольшими порциями на родителей. Но наступает момент, когда подобные перенаправления накопившейся агрессии уже не дают возможности получить разрядку

от фрустрации, а инстинкт самосохранения требует избавления от того, что «сидит» внутри психики и постепенно «сводит с ума». В такие моменты ребенок выплескивает всю свою ярость на мать, которая не способна выдержать агрессию, тем более такую мощную, длительно копившуюся. В бессознательном матери актуализируется неимоверный ужас от этой агрессии, а ребенок для нее в такие моменты становится настоящим «монстром». Но прежде, чем он стал «монстром», был определенный период, в котором он был «жертвой» бессознательных родительских конфликтов, неудовлетворенных потребностей и агрессии, а «монстр» появился от пренебрежения его чувствами и психического насилия над ним со стороны родителей. Подобные действия родителей формируют ощущение беспомощности, безвыходности, страха и невыносимого эмоционального одиночества. В такие моменты ярость ребенка связана с его необходимостью защитить свой внутренний мир от переполняющих его аффектов. Завершая это краткое описание процесса развития из ребенка «монстра», необходимо отметить, что влияние неосознаваемых потребностей и конфликтов родителей мешает им чутко и бережно относиться к внутреннему миру своего ребенка, процессу его психического развития и воспитания. Бессознательная родительская агрессия проецируются в бессознательное ребенка, приводя к тому, что родители, как в зеркале, видят в нем своего «монстра». Иными словами, родители вначале внедряют своего «монстра» в ребенка, а затем начинают свою грандиозную битву с этим «монстром». В результате этой борьбы и взаимного противостояния ребенок действительно становится «монстром».

Другой вариант психического развития, когда ребенок становится «жертвой» и остается ею постоянно, происходит в том случае, если ребенок изначально получал самый сильный запрет на проявление своей агрессии, которая регулярно пресекалась, но без явного проявления агрессии родителями, а выражалась в длительных нотациях и морализаторстве, вызывавших у ребенка сильнейшее чувство вины, сталкиваясь с которым ему было невыносимо. В подобных ситуациях единственным вариантом снижения внутреннего напряжения для ребенка было направление агрессии на себя. В таком случае агрессия имела объект приложения, и сила внутреннего напряжения снижалась. Ребенок

Бессознательная родительская агрессия проецируются в бессознательное ребенка, приводя к тому, что родители, как в зеркале, видят в нем своего «монстра».

начинал считать себя виноватым во всем и наказывал только себя, воплощая в жизнь бессознательное послание родителей – быть «жертвой». В случае такого развития событий родители с помощью своих проекций избавляются от своего ощущения «жертвы», вынуждая своего ребенка взвалить на хрупкие плечи бремя «жертвы».

Подводя итог всему вышеизложенному, можно говорить о том, что бессознательная доминирующая потребность создает условия, когда на арену родительской психики выходят примитивные механизмы защиты, которые вносят свой негативный вклад в процесс взаимоотношений родителей со своими детьми. «Эти механизмы защиты защищают пограничного пациента от интрапсихического конфликта, но за счет ослабления функционирования Эго, тем самым снижая эффективность адаптации и гибкость,

---

Любящая мама не является идеальной, ей присущи все эмоции, чувства и переживания, но любовь дает ей возможность интуитивно чувствовать и понимать потребности своего чада, учитывать их в процессе воспитания, проявлять эмоциональное тепло, выдерживать появляющуюся фрустрацию и не использовать ребенка для разрядки своего напряжения.

как во время интервью, так и в жизни. Те же самые примитивные защитные механизмы при психотической организации личности предохраняют от полного разрушения границ между Я и объектом. Тот факт, что и у пограничных пациентов, и у психотиков работают одни и те же защитные механизмы, выполняя при этом различные функции, подтвержден клинически» [3, с. 29]. Таким образом, мы можем говорить о бессознательном использовании родителями своих детей для решения собственных психических проблем, которые должны решаться в личной психотерапии. Родители, находясь под влиянием бессознательных агрессивных аффектов, проецируют их в ребенка, «принуждая» его развиваться либо как «монстр», либо как «жертва».

В начале статьи говорилось о том, что есть третий вариант развития событий, когда ребенок становится обычным ребенком со своими достоинствами и недостатками. Он возможен в тех случаях, когда родители являются «достаточно хорошими», но не идеальными, способны выдерживать свое внутреннее напряжение, способны принимать агрессию ребенка и обсудить с ним причины, которые «разожгли» в нем агрессию и помочь ему найти конструктивные способы

С момента рождения (а точнее, с момента зачатия) любовь является одним из главных условий полноценного развития ребенка, причем не только психического и интеллектуального, но и физического».

Родители с помощью своих проекций избавляются от своего ощущения «жертвы», вынуждая ребенка взвалить на хрупкие плечи бремя «жертвы».

избавления от накопившейся агрессии. Иными словами, родители могут разговаривать со своим ребенком о его чувствах и переживаниях. Такой вариант подхода к воспитанию и процессу психического развития возможен тогда, когда родители любят друг друга, проявляют эмоциональное тепло и заботу в отношении друг друга. «С момента рождения (а точнее, с момента зачатия) любовь является одним из главных условий полноценного развития ребенка, причем не только психического и интеллектуального, но и физического» [4, с. 90]. Любовь творит «чудеса» и приводит к гармоничным отношениям в паре, создает благоприятные условия для психического развития ребенка. Любящая мама не является идеальной, ей присущи все эмоции, чувства и переживания, но любовь дает ей возможность интуитивно чувствовать и понимать потребности своего чада, учитывать их в процессе воспитания, проявлять эмоциональное тепло, вы-

---

Осознание того, что главная причина родительских ошибок лежит в их чувстве, питаемом к своим детям, которое искажено бессознательными конфликтами, проистекающими из собственного детства родителей, вероятно, еще не впиталось в современное мышление.

держивать появляющуюся фрустрацию и не использовать ребенка для разрядки своего напряжения. Однако для того, чтобы любовь развивалась в душе родителей, необходимо помочь им осознать и найти бессознательные конфликты, которые мешают этой любви развиваться.

Завершить статью хочется цитатой из книги Джона Боулби «Создание и разрушение эмоциональных связей», являющейся руководством практического психолога: «Осознание того, что главная причина родительских ошибок лежит в их чувстве, питаемом к своим детям, которое искажено бессознательными кон-

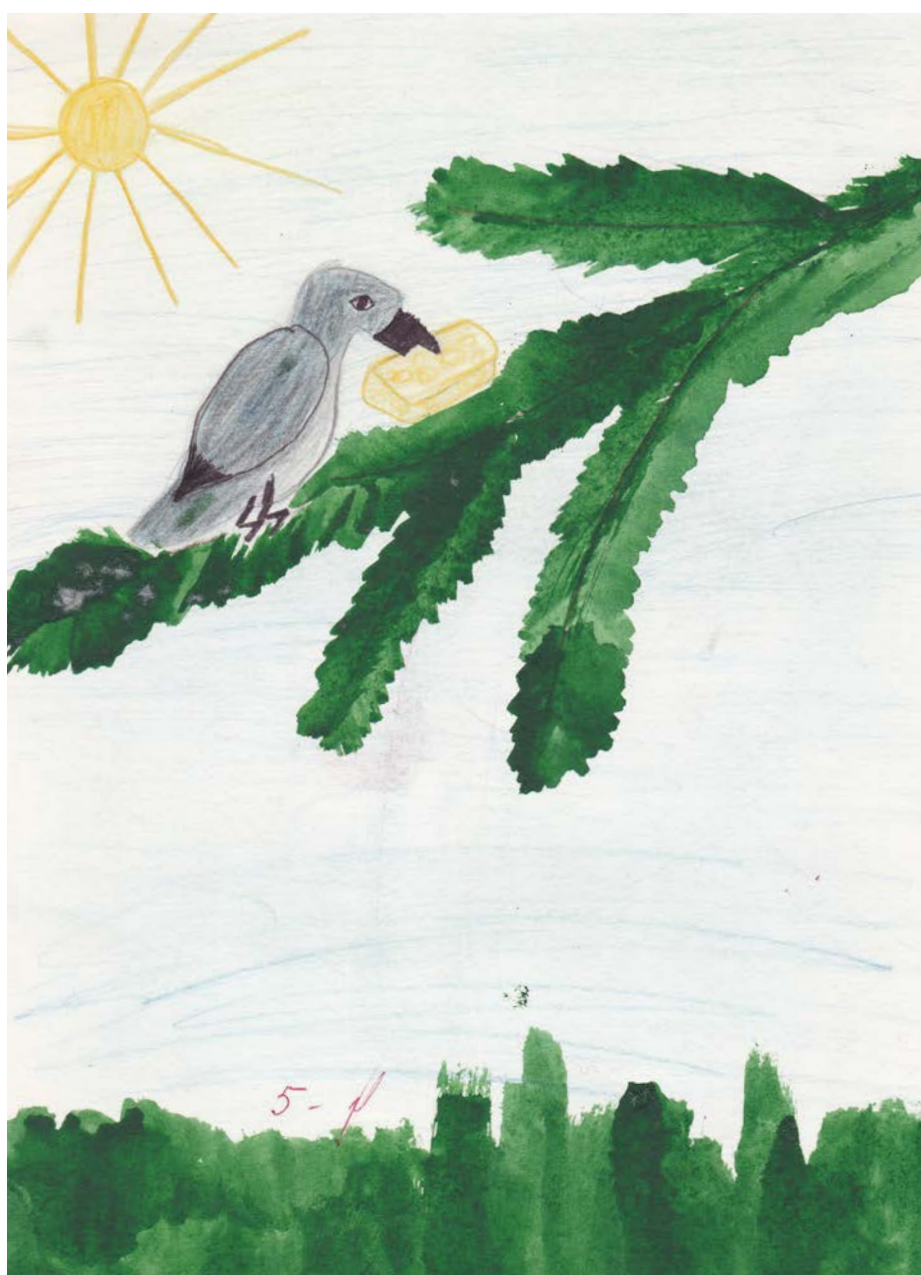
фликтами, проистекающими из собственного детства родителей, вероятно еще не впиталось в современное мышление <...> Тем не менее, ясно, что это так, и что для оказания родителям той глубинной помощи, которая сможет позволить им стать хорошими родителями, чего они сами ищут, профессиональный персонал должен достичь намного большего понимания бессознательного конфликта и его роли в порождении нарушений в управлении родителями своими детьми». Важно помнить о том, что бессознательные конфликты и аффекты в родительской психике являются серьезной проблемой. Именно поэтому жизненно важно помогать родителям осознавать всю силу и мощь этих конфликтов и аффектов, а также их катастрофическое влияние на процессы взаимоотношений в семье, воспитания и психического развития ребенка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боулби, Д. Создание и разрушение эмоциональных связей: Руководство практического психолога / Джон Боулби. – М.: «Конон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 271 с.
2. Калинина, Г. Что играет мной? Страсти и борьба с ними в современном мире / Галина Калинина. – М.: «Лепта Книга», 2007. – 528 с.
3. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / Отто Ф. Кернберг. – М.: Независимая фирма «Класс», 2014. – 464 с.
4. Лоргус, А., Красникова, О. Влюбленность, любовь, зависимость. Как построить семейное счастье / Андрей Лоргус, Ольга Красникова. – М.: «Никея», 2016. – 256 с.
5. Эльячефф, К., Эйниш, Н. Дочки-матери. Третий лишний? / Эльячефф Каролин, Эйниш Натали. – М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2011. – 448 с.
6. Флоренская, Т. А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем / Тамара Александровна Флоренская. – М.: Русский Хронограф, 2006. – 480 с.

Уровни атаки на родительскую пару: социальный, семейный и интрапсихический

В статье рассматриваются три уровня «атаки» на родительскую пару: интрапсихический (в психике отдельного человека), микросоциальный (семейный), макросоциальный. Приводится современное психоаналитическое понимание инцеста и его основные характеристики. Рассмотрены психические функции табу на инцест. Приводится клинический пример процесса атаки на родительскую пару. Обсуждается идея всемогущества и ее представленность в разных сферах современной общественной жизни. Показаны взаимосвязь и взаимовлияние социальных изменений, трансформации интрапсихических структур, патоморфоз психопатологии с точки зрения клинического психоанализа.

Гридаева Галина Витальевна

- Врач-психотерапевт, психоаналитик
- Специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления ЕАРПП
- Заместитель председателя РО-Самара (ЕАРПП)
- Руководитель Центра Современного Психоанализа (Самара)
- Заместитель председателя Самарского Психоаналитического Общества

Рассмотрим феномен атаки на родительскую пару как процесс, происходящий на трёх уровнях: социальном, семейном и интрапсихическом. Выделение уровней позволяет наблюдать и описывать этот процесс с различных точек зрения.

Начнем с макросоциального уровня – процессов и изменений, происходящих в современном обществе.

Практически в любой сфере жизни современного социума представлена и ярко звучит идея всемогущества, omnipotency. Технический и научный прогресс сегодня делает невозможное возможным: мы имеем то, о чем наши предки могли только мечтать. Мы летаем на «коврах-самолетах», у нас есть «сапоги-скороходы» мощностью в сотни лошадиных сил, нам доступна «скатерть-самобранка» (доставка еды на дом) и «волшебная» кредитная карта, с помощью которой можно «наколдовать» почти все, что нам угодно.

Практически в любой сфере жизни современного социума представлена и ярко звучит идея всемогущества, omnipotенции.

Это здорово и очень облегчает жизнь, но все эти замечательные достижения очень плавно и незаметно встраиваются в наше внутреннее пространство. Мы привыкаем повелевать вещами, пространством и временем, забывая об ограниченности наших возможностей, и попадаем в соблазнительную иллюзию всемогущества. Происходит стирание границ – временных, пространственных, границ между нами и нашими вещами. Вещи становятся нашим нарциссическим расширением, и мы без машины, как без рук. Лучшее всего символизирует всемогущество мобильный телефон, который магическим образом отменяет пространство и время. С его помощью можно решать огромный спектр психических задач (оральных, анальных и фаллических), удовлетворять разные потребности прямо здесь и сейчас. Мобильник каждый день посылает нам послание – границ не существует. Но, как и в волшебных сказках, есть цена, которую нужно заплатить за владение этим волшебным предметом. Она огромна: мы перестаем думать, и делаем гораздо быстрее, чем успеваем осмыслить – что мы делаем и зачем. Пространства и времени для осмысления становится все меньше и меньше. Таким образом, мы из Человека Разумного Homo Sapiens очень незаметно становимся Человеком Всемогущим Homo Omnipotent. Парадоксальным образом всемогущество прогресса воспринимается нами не как чудо, а как нечто само собой разумеющееся, а естественные ограничения, наоборот, становятся чем-то невероятным и сверхъестественным. И когда мы вдруг наталкиваемся на какую-то границу, лимит, мы испытываем невероятную фрустрацию – «закончились деньги на телефоне», «выключился интернет».

Современная медицина – еще одна область, где ярко звучат идеи всемогущества и бессмертия. Болезнь и старение воспринимаются не как естественная часть жизни, а как то, чего быть не должно. Здоровье сегодня воспринимается как право или даже требование никогда не болеть и никогда не умирать. В гляцевых журналах можно прочитать статьи о том, что современная женщина может отменить менструацию с помощью гормональных препаратов. Сегодня можно по ОМС поменять тазобедренный сустав на титановый, поставить кардиостимулятор и регулировать биение сердца и т.д. Мы изобретаем технологии ЭКО и тем самым берем на себя функции Создателя. Создается иллюзия вечной прекрасной жизни, не омраченной менструацией, болезнями, старением и возможностью смерти. Я не хочу сказать, что не нужно лечить болезни, бороться за жизнь, что нужно запретить реанимацию и т.д. Я хочу сказать, что современные медицинские достижения, при их безусловной важности, вмешиваются в такие тонкие

Мы привыкаем повелевать вещами, пространством и временем, забывая об ограниченности наших возможностей, и попадаем в соблазнительную иллюзию всемогущества.

вопросы жизни и смерти, что создают иллюзию, что этими процессами можно управлять. Темп прогресса в области медицины намного опережает нашу способность осмысливать значение и психологические последствия сделанных открытий, которые реально меняют нашу жизнь.

Общество потребления – это общество дефицита, а не конфликта. Это мир, где расщепление и отрицание являются нормой. Мы смотрим телевизор, и видим рекламу – «будущее зависит от тебя», «управляй мечтой». И следом за этим рекламным роликом мы видим новостной сюжет о катастрофе или теракте, который несет прямо противоположное послание – никаким будущим мы вообще нисколько не управляем. Может ли психический аппарат воспринять два прямо противоположных послания, не опираясь на расщепление? Расщепление, как основной механизм защиты в современном мире, становится просто необходимым, на мой взгляд.

Ментальность всемогущества и отсутствия границ не позволяет нам построить идентичность, разобраться, что мое, что не мое. В результате, нарциссические механизмы каждого человека испытывают постоянную стимуляцию и давление со стороны общества, что у многих людей ведет к нарушению адекватного нарциссического баланса и запускает нарциссическую регрессию. При определенной предрасположенности

Лучше всего символизирует всемогущество мобильный телефон, который магическим образом отменяет пространство и время. С его помощью можно решать огромный спектр психических задач.

и слабости механизмов нарциссической регуляции у конкретного человека это может привести к декомпенсации и усугублению имеющейся нарциссической патологии.

Еще одна особенность современного общества – атака на коммуникацию. В прямом смысле слова – атака на живую коммуникацию, мы все меньше общаемся друг с другом непосредственно, лично. В более широком смысле – как атака на ментализацию, осмысление и символизацию опыта и полученной информации. Любовь не передается через гаджеты и смайлы, для этого нужны живые люди. Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действие, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше. Как пример – рекламный лозунг: «Не думай, купи».

Мы можем наблюдать в современном обществе запрет на горевание и траур. Заметно изменилось отношение людей к смерти и, на мой взгляд, это также выглядит как расщепление. С одной стороны, есть смерть, которую мы постоянно видим на экране телевизора – в фильмах и новостях – и на которую мы учимся не реагировать, это «невзাপравдошная» смерть. И она вовсе не страшная. С другой стороны, есть реальная смерть, которая отрицается до самого последнего момента. Процесс умирания происходит в изоляции, за закрытыми дверями, и нам практически негде приобрести опыт восприятия смерти как естественного процесса. Мы не носим траур, у нас не принято говорить о том, что мы горюем о близких, сразу после похорон мы выходим

Мы из Человека Разумного
Homo Sapiens очень незаметно
становимся Человеком
Всемогущим Homo Omnipotent.

рой на примитивные защитные механизмы, где отношения с объектами строятся по нарциссическому типу, где вместо символизации – символическое уравнивание, где проективная идентификация постоянно используется для эвакуации непереваренных бета-элементов, а горевание невозможно – это мир параноидно-шизоидной позиции. И это мир, в котором родительская пара атакована и разрушена. В нем нет структурирующей, объединяющей и символизирующей функции пениса. Д. Брикстед-Брин в статье «Фаллос, пенис и психическое пространство» говорит о концепции «пенис-как-связь», которая репрезентирует психическую функцию связывания и структурирования. Пенис-как-связь – причастен к тройственному миру самости, находящейся в отношении с родителями как с разными, но связанными друг с другом существами. Здесь содержится знание о различии, и в то же время – признание незавершенности и потребности в объекте (пенису нужна вагина, вагине нужен пенис). В этом смысле «пенис-как-связь» – это инструмент Эроса, тогда как фаллос – инструмент Танатоса, поскольку он нацелен на разрушение этой связи. Фаллический мир бинарен, он различает лишь присутствие и отсутствие, в то время как структурирующая и связывающая функция пениса представляет собой более сложный мир. Это трехсторонний мир, где мать связана с отцом, но она от него отличается, где маскулинное и феминное охватываются, а не взаимно исключают друг друга. Это мир психической бисексуальности и мир, где есть место для родительской пары. Фаллос указывает на досимволический режим мышления, когда, например, женщина считает свое тело фаллосом (символическое уравнивание). В то время как пенис-как-связь принадлежит области истинной символизации и интернализуется как функция. Эта структурирующая функция создает необходимое пространство, где можно быть отдельным, и можно иметь связь (иначе мы имеем дилемму – поглощение/ покинутость). Нехватка интернализации пениса-как-связи и его структурирующей функции приводит к компульсивному поиску фаллоса в ошибочном убеждении, что он обеспечит внутреннюю структуру. Отсутствие этой структурирующей функции особенно очевидно у пациентов с пограничной патологией и перверсиями, где часто предпринимаются компульсивные попытки выстроить психическую организацию в фаллическом ключе [2, с. 375]. Признание ребенком взаимоотношений родителей объединяет его психический мир и создает треугольное пространство. Интернализация пениса-как-связи поддерживает внутреннюю триадную структуру и её символическую функцию. Папе нужна мама, а маме нужен папа. Я – ребенок, и я наблюдаю их отношения. Я нахожусь в позиции третьего. Я могу грустить и горевать о своей исключенности, и это означает, что мне доступна депрессивная позиция. Но если чувства слишком сильны и депрессивная позиция невыносима,

на работу – т.е. мы видим отказ от ритуала траура, горящий человек не принимается социумом. Как и где психике делать работу горя? Разве только в кабинете у психоаналитика...

Вы спросите – какое это имеет отношение к атаке на родительскую пару? Самое прямое. Мир всемогущества, с опорой

то я буду постоянно атаковать родительскую пару, превращать триаду в диаду, и выход из параноидно-шизоидной позиции весьма затруднен. Психика такого человека содержит внутренний объект, противостоящий всем связям и их разрушающий, о чем писал Блон в работе «Нападения на связь»: «Эти нападения на связующую функцию эмоции приводят к выходу на передний план в психотической части личности связей, которые кажутся логическими, почти математическими, но напроць лишены эмоционального обоснования. В результате уцелевшими оказываются перверсивные, жестокие и бесплодные связи» [1, с. 166].

Темп прогресса в области
медицины намного опережает
нашу способность осмыслять
значение и психологические
последствия сделанных открытий,
которые реально меняют нашу
жизнь.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное общество является токсичным: мы все испытываем постоянное давление – атаку на нашу внутреннюю родительскую пару, на нашу способность мыслить, символизировать, объединять и иметь внутреннее триангулярное пространство. Но мы – взрослые, наша психика сформирована и хочется надеяться, что все эти замечательные опции установлены и имеются в нашей базовой комплектации, либо приобретаются в процессе личного анализа. А дети? Большой

социум сегодня не предоставляет детям возможность интроецировать, усвоить объединяющую функцию «пенис-как-связь».

Обратимся к уровню микросоциума, подумаем о том, какие возможности предоставляет ребенку семья? Современная семья эволюционирует от традиционной патриархальной семьи к нуклеарной семье, которую характеризует малочисленность, малодетность, нестабильность и отсутствие четкого гендерного разделения ролей. Каждый член нуклеарной семьи становится фактически незаменимым, т.к. его замена равноценна уничтожению семьи. В результате существенно повышается степень зависимости членов семьи друг от друга и степень взаимного нарциссического использования. Отсутствие четкого полового разграничения ролей в современной семье, с одной стороны, позволяет ей выжить, с другой стороны, приводит к стиранию полоролевых различий. В результате ребенку, растущему в нуклеарной семье, все труднее сформировать четкую полоролевую идентичность. В связи с этим в своих психотерапевтических кабинетах мы можем наблюдать тенденцию (и в обществе в целом) возрастания числа людей с нарушениями полоролевой идентичности.

Зачастую современные семьи состоят из матери, ребенка и отца, который все время на работе. Ребенку (до выхода в большой социум – в школу) приходится

Расщепление, как основной механизм защиты в современном мире,
становится просто необходимым.

Нарциссические механизмы каждого человека испытывают постоянную стимуляцию и давление со стороны общества, что у многих людей ведет к нарушению адекватного нарциссического баланса и запускает нарциссическую регрессию.

идентифицироваться только с матерью, так как больше не с кем. Объектный мир ребенка не обогащен игрой идентификаций, крайне ограничен и зачастую дефицитарен, так как нет третьего объекта (отца), на который ребенок смог бы опереться, чтобы отделиться от матери. В результате ребенку в современной семье гораздо сложнее сформировать триадные объектные отношения, и мы все чаще встречаем в своих кабинетах пациентов с диадными объектными отношениями, с большей степенью зависимости, с пограничной и психотической организацией психики.

Дефицит отцовской фигуры в современной семье потенциально влечет за собой риск формирования инцестуозных отношений матери с ребенком. Тогда имеет место ситуация «инцестуозной мешанины», спутанности границ, что неизбежно приводит к развитию у ребенка психопатологии. В современном психоанализе под инцестом понимают уже не собственно сексуальные отношения между родственниками (как таковых их может не быть, но при этом психологическая атмосфера семьи будет насквозь инцестуозной). Основным признаком инцеста – это исключение позиции третьего, что неизбежно вызывает сведение тройственности к двойственности, т.е. отношения, в которых должно быть трое, сокращаются до отношений двоих. Проблема возникает только в семье, т.е. там, где есть родство: дуальные отношения вполне правомочны и естественны между влюбленными, друзьями. Но любая связь, возникшая в лоне семьи, т.е. между различными поколениями, должна проявиться в форме троицы: по типу отец – мать – ребенок, чтобы избежать провокации инцестуозной ситуации со всеми ее ужасными последствиями – невыносимым соперничеством и невозможностью самоидентификации [4]. Пара «муж – жена» крайне важна для развития ребенка как отдельного субъекта. Если мать поддерживает и развивает отношения с мужем, которые ее удовлетворяют – табу на инцест у ребенка будет постепенно сформировано «само собой».

Психические функции табу на инцест:

- 1) табу на инцест как торжество принципа реальности;
- 2) табу на инцест как условие для формирования границ между поколениями, полами, ролями и между людьми;
- 3) табу на инцест как разграничение фантазии и реальности;
- 4) табу на инцест как условие формирования ощущения себя как отдельного человека.

Если же у матери нет удовлетворяющих отношений с отцом ребенка

Особенность современного общества – атака на коммуникацию.

или они чрезмерно конфликтны, то мать рискует бессознательно использовать ребенка как сексуальный и нарциссический объект для самой себя. Он становится «ребенком ночи» (Брауншвейг, Фэн). Чтобы ребенок развивался, мать должна следовать за его потребностями, а не ребёнок должен удовлетворять ее сексуальные и нарциссические потребности. Для этого она должна любить и быть любима отцом ребенка. Присутствие Третьего как раз дает возможность ей быть матерью для своего ребенка, а не кем-то иным – любовницей, соблазняющим или использующим объектом. Такая мать инвестирует малыша как «ребенка дня». Фэн рассматривает чередование ритма дня и ночи как ритм присутствия и отсутствия матери для ребенка. Днем – с ним, ночью – с отцом ребенка. Повторение этого ритма приводит к образованию эдиповой структуры. «Цензура любовницы» – дезинвестирование матерью своего ребенка – она укладывает его спать и снова становится сексуальной женщиной для своего мужа, тем самым поддерживая развитие у ребенка воображаемой реконструкции родительской эротической пары (фантазм первосцены должен оставаться фантазмом, т.е. действия происходят в отсутствие субъекта). «Цензура любовницы» позволяет открыть аутоэротизм и фантазматическую жизнь. Для матери, инвестирующей либидо в «ребенка ночи», сын или дочь становятся бессознательной заменой мужчины-отца как объекта сексуального желания, мать относится к ребенку как к сексуальному дополнению или как к нарциссическому продолжению собственного Я. При этом отношения муж-жена занимают второе место для женщины после отношений мать-ребенок. Это становится возможным при слишком уступчивом или отсутствующем отце, собственные конфликты которого провоцируют развитие подобной инцестуозной ситуации и подталкивают его к самоисключению из потенциально трехсторонних отношений. Взрослеющий «ребенок ночи» рискует сохранить неосознанное убеждение, что он, действительно, сексуальное или нарциссическое продолжение матери, и, в конечном счете, не существует как отдельный человек [3]. Таким образом, в современной нуклеарной семье очень высок риск исключения третьего, формирование инцестуозных отношений и как следствие – тяжелой психопатологии у ребенка. К сожалению, родительской паре в современной семье очень сложно оставаться стабильной.

Если мы посмотрим на феномен атаки на родительскую пару с интрапсихического локуса, то мы увидим, что любой ребенок будет неизбежно атаковать родительскую пару и пытаться ее разрушить. Очень важно, чтобы пара выжила, причем в двух измерениях: как пара мужчина-женщина, и как родительская пара в отношении ребенка.

Приведу клинический пример:

Пациент – мужчина, старший из нескольких сиблингов, вырос как дядя Федор из Простоквашино – «сам по себе мальчик, свой собственный». Родители были озабочены друг другом, а также тем, чтобы прокормить свою семью, делами своих детей не особенно интересовались. Мальчику было обидно, что его не ругают за двойки, как его школьных

Вместо осмысления все чаще мы наблюдаем отреагирование в действие, пространство между стимулом и реакцией становится все меньше.

Мы все испытываем постоянное давление – атаку на нашу внутреннюю родительскую пару, на нашу способность мыслить, символизировать, объединять и иметь внутреннее триангулярное пространство.

друзей, не записывают в музыкальную школу, несмотря на его просьбы и незаурядные музыкальные способности. В 10 лет он решил начать свой первый бизнес, родители выступили в роли инвесторов. Бизнес оказался очень успешным и мальчик в течение нескольких лет в буквальном смысле кормил всю семью. Этот опыт убедил его в том, что он намного умнее своих родителей, по его словам, «в 10 лет я их уже перерос», и не он нуждается в них, а они в нем. Когда он вырос, то стал бизнесменом, и его жизненная история – это история успеха. Он инициировал развод своих родителей, потому что, по его словам, «так, как они, жить нельзя». В терапию его привело следующее – он был страстно влюблен в женщину, у которой был другой мужчина. Признать этот факт ему было совершенно невыносимо; два года он прожил в убеждении, что сошел с ума и у него бред ревности. «Доктор, – говорил он, – у меня паранойя и галлюцинации. Я вижу то, чего на самом деле нет». Однако его проблема заключалась в обратном – он не видел того, что было очевидным. Будучи ребенком, он «уничтожил» родителей и как значимые для себя объекты, и как пару со своей историей любви, а позже в прямом смысле разрушил их брак. Реальность много лет подтверждала его грандиозные фантазии. Затем произошло обрушение. Терапевтическая задача – это реконструкция родительской пары и реанимация внутреннего ребенка, с постепенным отказом от всемогущества и принятием реальности.

Итак, мы рассмотрели феномен атаки на родительскую пару на макросоциальном уровне, на уровне семейной системы и на уровне интрапсихических процессов.

ВЫВОДЫ:

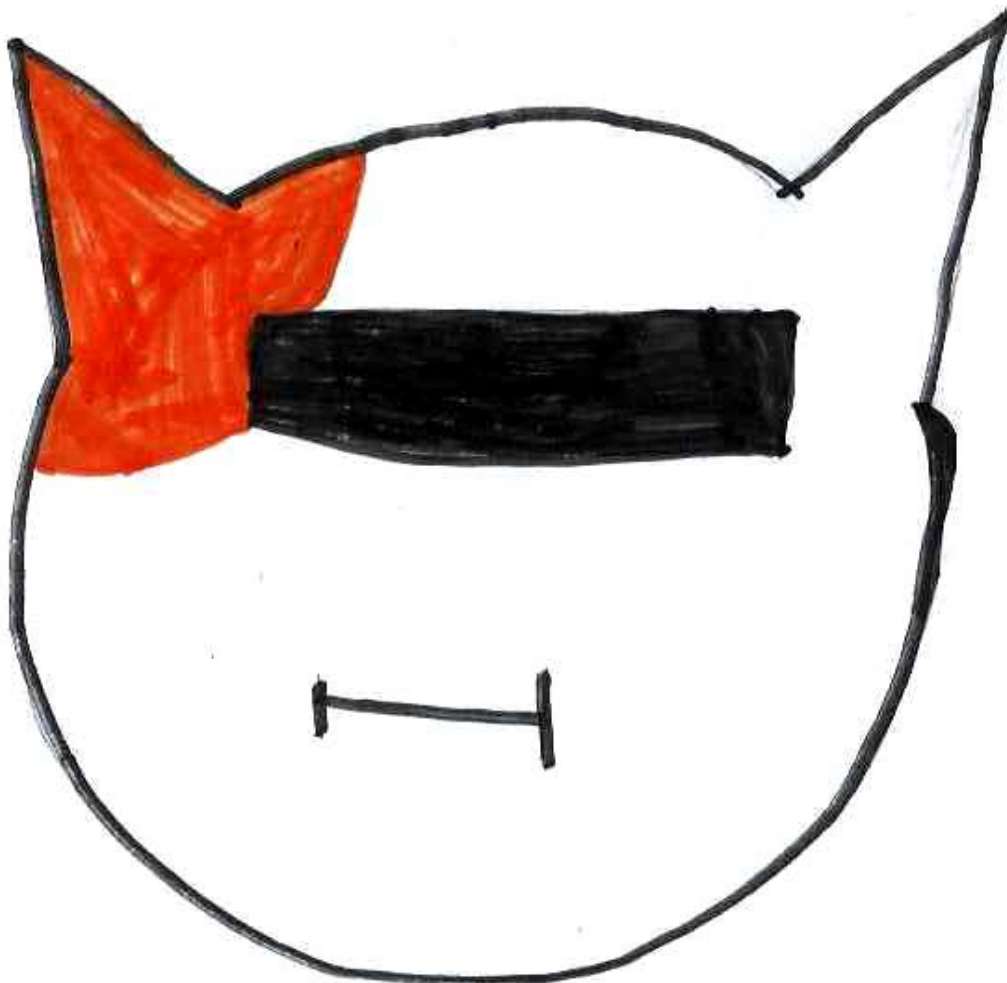
1. В определенном возрасте ребенок будет атаковать родительскую пару и пытаться ее разрушить, одновременно нуждаясь в том, чтобы эта пара пережила атаку и сохранилась. Изменения в современном обществе и трансформация института семьи потенцируют нестабильность родительской пары, т.к. она атакуется со всех сторон одновременно – и изнутри, и снаружи.
2. Люди с разрушенной родительской парой в своей голове и с преобладанием параноидно-шизоидной позиции формируют общество потребления, а общество потребления, в свою очередь, формирует таких людей. Таким образом, замыкается порочный круг.
3. С позиции структурной теории наблюдается трансформация психической структуры: исчезновение зрелого Эго-идеала, сложности формирования идентичности, опора на примитивные защиты, пограничный и психотический уровень функционирования; это мы сейчас наблюдаем у большего количества наших пациентов. Возможно, такая трансформация психической структуры не является случайной, это – закономерное следствие приспособления к окружающей реальности.

4. Увеличение числа людей с тяжелой личностной патологией в обществе неизбежно приводит к увеличению числа людей, обращающихся за психотерапевтической помощью. В кабинете у психоаналитика можно восстановить разрушенную родительскую пару и оплакать случившуюся когда-то катастрофу.
5. Важна психогигиена и психопрофилактика. Я считаю, что мы, как специалисты, можем вносить свой вклад в осмысление происходящих в обществе процессов. Это то, о чем нужно разговаривать с людьми.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бион У.Р. Нападения на связь // Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. Материалы Международной психоаналитической конференции. 13-14 декабря 2008 г. Москва / Под ред. А.В. Литвинова, А.Н. Харитонова. – М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2008. – С. 149-168.
2. Брикстед-Брин Д. Фаллос, пенис и психическое пространство // Психоаналитические концепции психосексуальности / Под ред. А.В. Литвинова, А.Н. Харитонова. – М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2010. – 528 с.
3. Жибо А., Россохин А.В. Психоанализ во Франции, или как научиться жить с неопределенностью // Французская психоаналитическая школа. – СПб: Питер, 2005. Стр. 13-42.
4. Эльячефф, К., Эйниш, Н. Дочки-матери. Третий лишний? / Эльячефф Каролин, Эйниш Натали. – М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2011. – 448 с.

Влияние социокультурной матрицы на женское здоровье

Исангулова Ирина Маратовна

- Психолог
- Член ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria), РО Самара
- Преподаватель Центра Корпоративного Развития Самарского государственного экономического университета

Сегодня социальные сети полностью способны обойти иммунитет психологических защит, формируя аспекты эго-идеала, обусловленного модными трендами.

Понятие «матрица» восходит к латинскому понятию о первопричине [7]. Таким образом, под матрицей понимается образец, модель, штамп, шаблон, первоначальная форма для отливки. Под социокультурной матрицей мы будем понимать обусловленный социальными и культурными причинами набор установок (шаблонов, стереотипов), определяющих, например, поведение или идентичность, или женское здоровье. Почему уместнее использовать понятие матрица, а не общество или отдельные его институты – семья, школа, образование, мода и т.д.? Значения на пересечении строк и столбцов никак не связаны между собой. И сама матрица – просто набор значений одновременно действующих значений.

Теперь об аспекте «социокультурная» – это матрица, в которой собраны социальные и культурные аспекты, определяющие характеристики идентичности. В частности, в рамках этой статьи нас будут интересовать аспекты социокультурной матрицы в рамках формирования женской идентичности, характеристики которой будут определять женское здоровье.

Само понятие идентичности в психологии и психоанализе, на мой взгляд, весьма расплывчато [4]. Это психологический конструкт или свойство психики. Чаще всего в определениях этого понятия идет акцент на чувстве принадлежности (тождественности) к «личностной позиции в рамках социальных ролей и эго-состояний». Функция идентичности состоит в интеграции личного и социального, поддержания целостности личности в изменчивом мире. В свою очередь целостность обусловлена

Идентичность предполагает ощущение собственной уникальности и отдельного собственного существования.

возможностью интегрировать различные аспекты социальной роли с другим субъективным опытом. Согласно Э. Эриксону эта интеграция идет посредством психосоциальных кризисов, исход которых не всегда позитивен. Негативный исход обуславливает внутреннюю конфликтность, «диффузность идентичности», ко-

торые, в свою очередь влияют на эго-силу личности, ее функциональность в социальном мире и ощущения качества жизни. Говоря об идентичности в широком смысле, выделяют три ипостаси ее воплощения: в чувстве идентичности, как переживании своей принадлежности к общности, а также идентичности, как процессе и результате. Кроме того, разные аспекты социальных ролей в структуре идентичности должны быть согласованы между собой, как ситуативно, так и исторически во временной перспективе, тождественны в ядерных переживаниях, давать ощущение уникальности, отдельности своего существования, целостности и в то же время связности, принятия со значимыми социальными группами.

Идентичность имеет субъективную сторону. Это переживание принадлежности общности. Гендерная идентичность может быть рассмотрена как переживание принадлежности к женскому полу. Что переживает женщина, ощущая себя таковой? Будет ли это: «Я Богиня», «Я принцесса», «Я ж мать», «Домозяйки – тупые курицы», «девушка-винишко», «тетка с авоськами», «простая русская баба».

Вторая ипостась идентичности – это временная связность и динамика переживаний принадлежности. Здесь также может быть спутанность, высокая противоречивость смысловых конструкторов. В частности, восприятие возраста, старения как «так долго не живут», «после 30 жизни нет». Культ молодости в линзе массовых коммуникаций обуславливает острые реакции на свой возраст, который воспринимается как что-то неприличное, неуместное, то, что нужно скрывать, так как после определенного возраста «все потеряно», «никому не нужна», «уже поздно» и т.д. То есть временная линия, образ будущего негативен или отсутствует, чтобы вообще не сталкиваться с негативными переживаниями, связанными со старением. И поэтому разные периоды жизни ощущаются разрозненными, расщепленными. Репрезентации прошлого и будущего конфликтны и без дополнительных вмешательств не согласуются, образуя диффузность, напряженность в структуре идентичности.

Еще один аспект идентичности – её формирование и открытость новому опыту. По моим наблюдениям идентичность в настоящее время более подвержена внешнему влиянию, в частности психосоциальным установкам, трендам, моде, нежели в прошлые годы, когда влияние масс-медиа было более опосредовано. Сегодня социальные сети полностью способны обойти иммунитет психологических защит, формируя аспекты Эго-Идеала, обусловленного модными трендами. Мои наблюдения созвучны представлениям социальных психоаналитиков – А. Харрис, В. Голднер рассматривали гендер «скорее, как текучий, противоречивый и непрямолинейный, нежели как стабильный и фиксированный». А. Харрис отмечала, что степень связности противоречивых

аспектов гендера может «ощущаться как <...> созвучные эго», либо как «опасные и пугающие <...> и воспринимаются как трещины в образе Я, разобщенный частичный объект» [5].

Идентичность может быть рассмотрена и как результат – само-презентация, представление о себе. В идеале хороший результат дает ощущение внутренней гармонии, «интеграцию образов себя и детских идентификаций в осмысленное целое».

Идентичность предполагает ощущение собственной уникальности и отдельного собственного существования. Одно из самых мощных движений в социальных сетях сегодня – это поиск этой уникальности, бренда. «Я не как все» - на обратном полюсе переживание «я такая же как все», за которым кроется огромный страх быть отличной от других. Ведь долгое время массовая культура отливает образ «счастливой женщины», «счастливой семьи (майонезная семья)», «культуры тела» и т.д., не допускающая отклонений от этих идеалов. Недавно клиентка, представляя образ себя в будущем увидела «будущего мужа и детей, но у них нет лиц, и сами фигуры как бы картонные». Это отражает ее долженствование относительно того, что ей нужно «замуж и детей», «об этом все уже давно говорят», а сама «я, может быть, и не хочу, точно не знаю».

Индивидуальность, отдельность своего существования пугает.

Конфликтность и быстрая изменчивость само-репрезентаций не способствует зрелости идентичности. Кроме того, чувство страха, возникающее от конфликтности аспектов социальных ролей, непринятия тех или иных аспектов рождает негативную идентичность. В то же самое время, рядом авторов отмечается, что гендерная идентичность (ГИ), наряду с этнической, является наиболее стабильной среди всех форм социальной идентичности человека [1, с. 5]. В последнее время исследования в области ГИ в структуру гендерной идентичности включают возрастной аспект. Гендерная идентичность способствует «принятию в качестве собственных норм, целей, социальных ролей, установок, идеалов, характерных для данного возраста». ГИ – «соотнесение своего поведения с нормами, принятыми» группой сверстников. Можно даже сказать, что возрастная идентичность является первичной по отношению к гендерной, потому как «переход индивида из детской возрастной группы во взрослую, а затем и в группу пожилых людей существенно изменяет его маскулинно-феминные черты». Зрелая ГИ предполагает какой следует быть женщине или мужчине среди сверстников.

Для демонстрации влияния социокультурной матрицы на женскую идентичность мы возьмем три уровня рассмотрения: социальный, психологический и биологический.

Биологический уровень может быть представлен данными о современном распространении заболеваний и дисфункций, связанных с женскими репродуктивными органами. Феноменами современного мира являются стабильный рост гинекологических заболеваний (в особенности с исходом хирургического, частичного или полного удаления молочных желез, матки, яичников); бездетных женщин, женщин с нарушениями менструального цикла, с ранним климаксом. По данным Вихляевой Е.М. на 2005 год от 40% до 60% женщин репродуктивного возраста имеют патологии женской половой

системы (ЖПС), при этом часть из них не посещает докторов [6]. За последние годы статистика показывает стабильный рост таких заболеваний ЖПС, как

- женское бесплодие увеличилось в 1,4 раза за последние пять лет (с 2013 по 2018 гг.) [8].
- нарушения менструального цикла в 1,6 раз,
- эндометриоз +26 %,
- воспалительные процессы органов малого таза +10 %,
- злокачественные образования в молочной железе в 1,4 раза (с 2005 по 2016 гг) [3, с. 54-55],
- злокачественные образования шейки матки, тела матки в 1,4 раза.

Во всех цивилизованных странах среди женщин после 30 лет широко распространен гормональный дисбаланс с преобладанием эстрогена над прогестероном. Можно сказать, что цивилизованная женщина – это человек, постоянно находящийся в состоянии гормонального дисбаланса. В неиндустриальных обществах прогестероновая недостаточность встречается редко. У женщин не только здоровые яичники с полноценными фолликулами, но в период менопаузы сохраняется либидо, нет остеопороза, менопауза протекает бессимптомно. Некоторые авторы связывают это с более полноценной пищей и состоянием экологии. И для этого, конечно, есть основание. Но мы можем отметить, что, возможно, структура идентичности цивилизованной женщины обладает большей диффузностью, напряженностью и конфликтностью, что и является основой для формирования такого типа гормонального дисбаланса и проявлений в климактерическом периоде.

Биологические аспекты функционирования женской половой системы (ЖПС) представлена на рисунке 1. На биологическом уровне мы можем увидеть возможности функционирования, обусловленные структурными и функциональными способностями организма.

Рисунок 1. Общая иерархия систем гормональной и нервной регуляции

Многие авторы сходятся во мнении, что причиной заболеваний ЖПС являются системные нарушения работы всех уровней. Так, например, мастопатия, уровень распространенности которой 40–60%, т.е. встречается почти у каждой второй женщины, это «дисгормональный гиперпластический процесс в молочной железе. Является следствием нарушения баланса женских половых гормонов, расстройства нервной регуляции функций гипоталамуса, гипофиза, регулирующих работу яичников, надпочечников и щитовидной железы. Спусковым фактором является нарушение работы нервной системы, неврозы» [6].

Исследования показывают, что, например, при быстрорастущей миоме матки стрессовый фактор встречается в три раза чаще, чем у женщин с миомой стабильно малых размеров. Кроме того, у женщин с быстрым темпом роста миомы отмечается высокий уровень тревожности, депрессия и обсессивно-фобический тип отношения к болезни. «Эмоциональная лабильность, тревожность, склонность к депрессивным состояниям определяют неадекватные реакции на стресс, что проявляется спазмом сосудов с гипоксией тканей с последующим отеком узла» [2, с. 31].

Приведу пример из практики работы с клиенткой Анной.

На момент обращения клиентка готовилась к операции по удалению миомы. Причиной обращения было сильно подавленное, негативное состояние, которое Анна связывала с предстоящей операцией и страхом ее исхода. В ходе беседы и анализа, когда началось это состояние, были выявлены сильные чувства обиды и беспомощности в связи с ссорой с мужем, которая произошла пять месяцев назад. В этой ссоре выяснилось, что он подозревал все 23 года, что он не является отцом их сыну. Тогда Анна поняла, откуда эти придирки и общее негативное его отношение к их первенцу, тогда как к их дочери, которая была большое похожа на отца, у него было совсем другие отношения и чувства. Это очень сильно ее обидело и в их отношениях произошло сильное охлаждение.

Однако, поделиться с кем-либо подробностями ссоры и тем, что там выяснилось, она не могла. Опасалась осуждения своего поведения со стороны мамы, которая чаще всего была на стороне мужа. Подруг со временем практически не осталось, целиком была погружена в домашние дела и семью. Были еще клиентки, но с ними «опасно чем-то делиться, начнут обсуждать». Чтобы не думать и постоянно «не пережевывать» эти события и уйти от неприятных эмоций, Анна целиком погрузилась в работу. Характер работы сидячий, загрузка высокая, редко удавалось высипаться, не хватало времени, чтобы регулярно есть, но доход «оставлял желать лучшего». Кроме того, очень часто клиентки были капризными и выражали недовольство качеством работы Анны. Такой выматывающий режим позволял все-таки не думать о своем состоянии. Так прошло пять месяцев, когда при обследовании УЗИ была обнаружена миома. Врач решил понаблюдать. В сентябре повторное УЗИ показало быстрорастущий рост миомы и было принято решение о ее удалении. В таблице 1 обобщено влияние стрессовых факторов и эмоций на формирование симптома.

Конфликтность
и быстрая изменчивость саморепрезентаций не способствует зрелости идентичности.

Таблица 1. Влияние стрессовых факторов на формирование симптомов болезни. Случай Анны.

Ссора с мужем		Охлаждение отношений Уход в работу (сидячая) Нет удовлетворенности от работы		Обнаружение миомы при УЗИ	
Сильная обида на мужа					
Страх осуждения, замкнутость					
Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	

Обобщая подобные истории клиенток, у которых были обнаружены симптомы гормонального сбоя, мастопатии, миомы, можно выписать основные стрессогенные факторы: обида на отца, предательство мужа, любимого человека, измена мужа, развод по инициативе мужа, смерть супруга или любимого человека, жизнь с нелюбимым мужчиной, желание быть с мужчиной-мечтой, который недоступен. Кроме того, повышенные нагрузки на работе, неудачи и напряжение в связи с работой. Также в качестве внутреннего конфликта может быть чувство вины в отношениях с матерью, которое либо вообще не позволяет строить свою личную жизнь, либо останавливаться на неподходящих отношениях, «терпеть». По структуре внутреннего конфликта, как правило, с одной стороны сильная материальная и эмоциональная зависимость от мужчины, с другой стороны обида, недоверие мужчине, стойкое желание уйти от такого мужчины. Конфликт порождает сильное эмоциональное напряжение, которое «бьет» в первую очередь по женской гормональной системе. Напряжение длительное (более 4-6 циклов).

Нужно отметить, что в случае с Анной, до ссоры с мужем их сексуальная жизнь хоть и была регулярной, но не приносила ей особого удовольствия. После ссоры она практически прекратилась и если и случалась, то для нее это «было пыткой». Попробуем проследить связь гендерной идентичности и телесности на примере случая с Анной.

Французский психоаналитик Х.-Д. Назио рассматривает три уровня связи тела и гендерной идентичности: уровень реальности, символический уровень и уровень воображаемого [5].

На реальном уровне, можно сказать, биологическом, тело является синонимом наслаждения. В случае с Анной тело полностью перестало получать удовольствие от интимной жизни. Скорее на уровне организма наблюдаются реакции отвращения.

На символическом уровне тело представляет собой некоторые значения «тело как означающее». Назио отмечает, что в этом случае «мое тело» что-то значит для другого и определяет его отношение ко мне и поступки. Тело может быть для другого привлекательным, отвратительным, порочным и т.д. Для Анны собственное тело становится ненужным, обесцененным подозрениями мужа в измене, готовностью полностью отказаться от его потребностей. Это проявляется и в отказе от сексуальной близости, и в недосыпе, в нерегулярном питании. Все его функции как будто кажутся лишними и не поддерживаются на должном уровне.

Уровень воображаемого, на котором тело «пробуждает в субъекте смысл», когда тело может быть использовано не только как поле для фантазий, но и как вместилище для сброса диссоциированных чувств, невербализированных мыслей. И в случае с Анной мы видим, что подавление эмоций обиды, гнева, разочарования, неудовлетворенности действительно «скидывается» в тело. Ощущение себя плохой женщиной, мысли, обесценивающие всю историю ее семейной жизни (выбрала не того, ответственность за страдания сына от несправедливости отца, ощущения виноватой в этом). Конечно, тело, у которого есть потребности в принятии, пище, сне, отдыхе воспринимаются ею как помеха, позор.

А.Ш. Тхостов отмечал, что «несовпадение натурального и “культурного” тела человека образует зазор, в пространстве которого развиваются специфические расстройства, относимые обычно к группе функциональных или конверсионных симптомов» [9, с. 87].

Зрелая положительная гендерная идентичность связана с ценностным отношением человека к себе как представителю пола, различным аспектам принадлежности. Для женщин – это привлекательность, красота. Масштабные исследования восприятия себя Кэрри Хаммер [10] показывают, что только 4% девушек удовлетворены своей внешностью и считают себя привлекательными. Остальные 96% сомневаются или уверены, что они не красивы. В современной культуре тело как модный аксессуар, ему приписываются идеалы, складывается мифология, что тело может и должно быть модифицировано. Эта мифология активно поддерживается бюджетами косметических компаний (по их расчетам в среднем за свою жизнь современная девушка тратит около 1 млн. рублей на косметику).

Женская идентичность предполагает не только осознание себя как женщины, но и «воспроизведение гендерно обусловленных ролей». Поколение женщин, родившихся в 1961-1990 года на пространстве Советского союза, идентифицируют себя как женщин, однако, с воспроизведением своих ролей есть конфликты. Что это за роли? Роль девушки-невесты, выбирающей жениха, роль жены, хозяйки, хранительницы домашнего очага, обустривающей домашний уют, роль матери, воспитательницы. Эти роли обесцениваются на фоне таких ролей, как отличница, комсомолка, спортсменка, передовик производства, самодостаточная женщина, успешная женщина, лидер, миллионер. В то время как социализация девочек в СССР была процессом жестко нормированным. Вопросы замужества, ведения домашнего хозяйства и рождения детей, а также сохранения и построения внутренней атмосферы в семье были вне этого процесса. В этом отношении интересна мысль А.Ш. Тхостова, о том, что существенное отличие сексуальности от высших психических функций в том, что внутренний этап ее формирования начинается в нашем обществе с ее запрещения. То есть сначала усваивается не сама модель реализации, сколько стереотип торможения. Мы еще не знаем, что это, но это плохо и стыдно. Ребенком в отношении сексуальности интроецируется в первую очередь система ограничений, правил и нормативов в совместной деятельности ребенка и ее воспитателей [9, с. 94]. Кроме того, есть еще одна особенность, влияющая на диффузную гендерную идентичность – это противоречивость, двойственность предъявляемых к сексуальности социальных требований. Так, например, «в СССР секса нет, но в здоровой семье должны быть дети». Или тема «мужской активности»,

инициативности, нарушения табуированный запретов, т.е. канон одновременно и существует, его надлежит «выполняя, нарушать». Именно этот факт и создает в дальнейшем плодотворную почву для формирования различных сексуальных дисфункций и заболеваний.

Теперь мы попробуем заполнить значения социокультурной матрицы, которая влияет на гендерную идентичность. С точки зрения первичности возрастной идентификации, получаем отдельные матрицы для Девочки, Девушки, Женщины (молодая женщина, среднего возраста, пожилая, старая). Теперь значения в каждой строке матрицы – образ (внешний вид), поведение, основные качества характера, отношения с мамой, папой, типичные взаимодействия (игры). Тело (образ (внешний вид), протекание и отношение к возрастной физиологии, к половым органам, груди, беременность, роды). Сексуальность (привлекательность, соблазнительность, флирт, интерес к противоположному полу, способность получать удовольствие). Ключевые отношения (родители, мужчины (мальчики), подруги, брак и семья, дети).

Кроме того, мы можем построить значения социокультурной матрицы – где в значениях, то, что должно, императивы, предписания, нормы, принятые в данном обществе относительно гендерно-возрастной группы. Они неизменны и обязательны для всех. А также составить индивидуализированную матрицу – поле значений всех аспектов возрастной гендерной идентичности для конкретной женщины.

В таблице 2 обобщены наиболее встречающиеся социальные установки женщин, относительно своего пола, возраста, физической привлекательности, мужчин, детей. Данные взяты из опыта семилетней практики работы с женщинами, имеющими гинекологические заболевания, такие как доброкачественные опухоли матки, кисты яичников, мастопатии.

Таблица 2. Связь установок женщин и их влияние на процессы в организме

Установки, поведение, чувства	Следствие	Что в организме
Женщины глупы, мужчины важнее	Самоотрицание Неуважение к себе Непринятие себя как женщины	Рост эстрогенов
Секс – это грязно, неприлично, в СССР секса нет	Отрицание чувственной части, нет опыта близости и чувственного удовольствия Избегания близости	Нет сигналов о благополучии, неудовлетворенность жизнью, подавленное настроение
Я непривлекательная	Заниженная или амбивалентная самооценка, самобичевание, самообвинения	Рост эстрогенов
Я все сама	Рост тестостерона, рост влечения, повышенные нагрузки, невозможность отдыхать и чувствовать	Перегрузки, недосып, нерегулярное питание, подавление тестостерона у партнера

Установки, поведение, чувства	Следствие	Что в организме
Мужчины-козлы. Мужчины все одинаковые. Мужчинам нельзя доверять	Отверждение мужчин, неприятие близости	Снижение тестостерона (влечение), снижение прогестерона
Дети – опасно	Страх родов Страх стать непривлекательной Страх больших трат Ребенок не даст реализоваться	Снижение прогестерона
Не высыпаюсь	Некогда, не важно	Снижение иммунитета
Не регулярно и неполноценно питаюсь	Нет времени, не важно, важнее другие люди, работа и прочее	Дефицит гормонов для баланса, дефицит питательных веществ и витаминов

Выявляя подобные установки, можно предположить ту или иную степень гормонального дисбаланса. В то же время, работая с этими установками, исцеляя травмы (предательство, измены), меняя режим сна и отдыха, отношения к себе, своему телу мы можем создавать условия для гормонального баланса. И как следствие высокий уровень здоровья современной женщины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социокультурная матрица – обусловленный социальными и культурными причинами набор установок (шаблонов, стереотипов), определяющих характеристики идентичности, поведения и здоровья.

Идентичность как целостное образование может характеризоваться силой, цельностью, высоким уровнем внутренней связности, зрелостью либо конфликтностью, незрелостью, диффузностью.

Зрелость идентичности указывает на потенциал адаптации к значимым группам, возможности личности проявляться в общности, успешно выполняя социальные роли. С другой стороны, зрелая идентичность субъективно имеет положительные переживания себя как ценности, значимости, влияния, уникальности, гордости за принадлежность к той или иной общности.

Для современной женской идентичности характерна очень высокая противоречивость всех компонентов ее составляющих. Быть матерью и домохозяйкой не престижно, более значительными являются материальные достижения, социальный успех, карьера. Более базовый слой гендерной идентичности женщины – возрастной, также имеет высокую конфликтность, так как в социальном пространстве воинствующий идеал молодости, обратной стороной которого является убеждение, что «после 30 жизни нет». Жизнь женщины с возрастом ощущается несогласованной, репрезентации прошлого и будущего конфликты и без дополнительных вмешательств не согласуются, образуя диффузность, напряженность в структуре идентичности.

Цивилизованная женщина – это человек, постоянно находящийся в состоянии гормонального дисбаланса.

И если раньше влияние социальных установок не имело такого массивного влияния на личность, то сегодня социальные сети полностью способны обойти иммунитет психологических защит, формируя аспекты Эго-Идеала, обусловленного модными трендами практически 24 часа в сутки.

Таким образом, современная идентичность женщины чаще всего незрелая, диффузная, в ней наблюдаются негативные аспекты переживаний принадлежности к собственному полу, к традиционно женским социальным ролям: жена, мать, домохозяйка.

На биологическом уровне указанные аспекты идентичности оборачиваются заболеваниями и дисфункциями женских репродуктивных органов. В статье приведены статистические данные по подобным заболеваниям, которые указывают на стабильных их рост и значительное распространение.

Тело в структуре гендерной идентичности женщины «вырезается», его функции вытесняются как излишние, «глупые», пугающие (старение). Оно не используется как источник наслаждения, скорее как способ «сбросить излишнее напряжение» и за неиспользованием ряда функций (репродуктивных) приводит сначала к дисфункциям, а потом и к заболеваниям, которые все чаще приводят к хирургическому вмешательству, что, по сути, символически означает «избавление» от ненужного, того, что не входит в структуру позитивной идентичности.

На психологическом уровне рассмотрения мы отметили в структуре гендерной идентичности современной женщины структуру внутреннего конфликта и его динамику, приводящую к дисфункциям и заболеваниям женской половой сферы. А также перечень причин, рождающий внутренний конфликт. На первом месте по распространенности – это взаимодействия с партнером (муж, любимый человек). Далее идут одиночество и существенное длительное повышение нагрузок на работе. На последнем месте – конфликтные отношения с отцом или матерью.

В работе описаны социальные установки женщин, имеющих дисфункции и заболевания женской репродуктивной системы, ведущие к формированию медицинской симптоматики.

В статье предложена система рассмотрения конфликтов женской идентичности посредством заполнения матрицы социальных представлений относительно сложившихся личных представлений по значимым аспектам женской сексуальности и женских социальных ролей. Это может стать опорой в понимании психотерапевтической и психокоррекционной, образовательной и просветительской работы с женщинами, обращающимися за психологической и психотерапевтической помощью. А также наметить профилактические мероприятия по работе с формированием более зрелых и позитивных форм женской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булычев И.И. Гендерная структура как теоретическая проблема // Журнальный клуб Интелпрос «Credo New». – № 1. – 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inteltos/readroom/credo_new/credo_01_2008/1867-i.i.-bulychjov.-gendernj-struktura.html (Дата обращения 15.04.2019 г.).
2. Добрынина М.Л., Смирнова С.В., Новикова Л.С. и др. Темпы роста миомы матки и психологические особенности женщин // Вестник Ивановской медицинской академии. – № 4. – Т. 18. – 2013 г. – С. 31.
3. Здравоохранение в России. 2017: Стат.сб. / Росстат. - М., 3-46 2017. – 170 с.
4. Идентичность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения 15.05.2019 г.).
5. Мелков С.В., Кудрина А.В. Представление о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-gendere-i-gendernoy-identichnosti-v-sovremennom-psihoanalize> (Дата обращения 15.04.2019 г.).
6. Руководство по эндокринной гинекологии / Под ред. Е. М. Вихляевой. – 3-е изд., доп. – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2006. – 784 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
8. Статистика гинекологических заболеваний, данные 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vawilon.ru/statistika-zabolevanij/#statistika-ginekologicheskikh-zabolevanij> (Дата обращения 15.05.2019 г.).
9. Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
10. The Business of Beauty is Very Ugly [телеканал TEDx Talks] // YouTube. (<https://www.youtube.com/watch?v=j9vE4i017q4&feature=youtu.be>). Просмотров: 15.04.2019.

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

В первом номере нашего журнала была опубликована статья Алены Князевой, Веры Левиной и Анастасии Черниковой о проекте клуба психоаналитиков «Свободная Ассоциация» – «Фильм-анализ», в которой подробно описывались задачи и принципы работы этого проекта. Совместное проживание углубляет не только понимание символического языка фильма через внутренний резонанс, но, прежде всего, позволяет безопасно встретиться с собственными чувствами. О том, как происходит такая групповая работа, читайте в статье Андрея Вороха «Убийство священного оленя». В своей рецензии автор размышляет о том, как трансформация восприятия проявляется в процессе группового обсуждения, происходящего сразу после просмотра.

Этот фильм Йоргоса Лантимоса «захватил» психоаналитиков. Основной сюжета является миф об убийстве Агамемноном священной лани (или оленя), который разворачивается в современных реалиях. Один из важнейших аспектов происходящего в фильме: чувство вины главного героя рассматривал через оптику психоанализа Максим Францев в пятом номере журнала.

Убийство священного оленя

ФИЛЬМ-АНАЛИЗ

Ворох Андрей Станиславович

- психоаналитик,
- член ЕАРПП (Россия, РО-Екатеринбург),
- кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета

Фильм Йоргоса Лантимоса вызывает неоднозначную реакцию. Неожиданным оказалось то, что амбивалентность такого «предваряющего переноса» проявится ещё до просмотра.

Жанр прикладного психоанализа предполагает перевод индивидуального субъективного восприятия явления культуры в публичный текст. Такими явлениями культуры могут быть и театр, и изобразительное искусство, и музыка, и кинофильмы. Читатель такого текста может свериться со своим восприятием, оценить близок ли ему взгляд автора. Но это верно для жанра рецензий в целом. В чём же может заключаться психоаналитический аспект текста? Смею предположить, что восприятие анализируемого в тексте фильма внезапно трансформируется непредсказуемым для читателя образом: «Ах, вот оно что! А я и не заметил!». Это подозрение – «мол, как же так, я тоже смотрел, а не заметил» – означает, что восприятие уже предполагало ту переменную, которая почему-то не свершилась сразу непосредственно при просмотре. Получается, что трансформация уже включена в восприятие *a priori*?

По историческим меркам, возможности индивидуального чтения книги или прослушивания музыки появились совсем недавно. Соответственно, новым для нашего культурного опыта является и временной зазор между просмотром фильма и соотнесением своих впечатлений с впечатлениями других. Совместный просмотр кинофильма позволяет

Возможно, сама аура соседства слов в названии фильма «убийство» и «священный» провоцирует одновременно страх и интерес.

проявиться особому восприятию кинокартины, которое есть больше, чем сумма индивидуальных впечатлений.

В этой статье предлагается анализ фильма греческого режиссёра Йоргоса Лантимоса «Убийство священного оленя». В этой психоаналитически-ориентированной рецензии мы надеемся ответить на поставленный вопрос, наблюдая, как трансформация восприятия проявляется в процессе группового обсуждения, происходящего сразу после просмотра.

Пару слов о самом мероприятии, которое проходило в рамках проекта «Фильм-анализ», организованного группой «Свободная ассоциация» в г. Екатеринбурге. Фильм-анализ – проект, нацеленный не столько на анализ киноленты или киногороев, сколько на исследование переживаний зрителей в процессе совместного просмотра. Детально с процедурой фильм-анализа можно ознакомиться в №1 журнала.

Для того, чтобы ощущение группового процесса присутствовало в тексте, эта статья скомпонована следующим образом. Вначале я кратко опишу, что происходило в процессе фильм-анализа. После чего представлю два отзыва участниц, написанных уже после просмотра, и, напоследок, резюмирую.

Перед предъявлением фильма я прочёл множество рецензий и знал, что фильм Йоргоса Лантимоса вызывает неоднозначную реакцию. Неожиданным оказалось то, что амбивалентность такого «предваряющего переноса» проявится ещё до просмотра. Тут, пожалуй, важно отметить, что многие зрители были вдохновлены анонсами, в которых я размещал красочный постер фильма (поверьте, художники не зря едят свой хлеб), предлагал прослушать саундтрек к фильму (а это и творчество авангардистских композиторов, и средневековые хоралы), а также указывал на важные для понимания фильма культурные отсылки.

Судя по прежним мероприятиям, обычно ожидания зрителей от просмотра сводятся к приятному возбуждению и любопытству. В этот раз уже перед началом просмотра участники говорили о двух несводимых друг к другу чувствах. Одна часть группы испытывала тревогу, вплоть до некоторого опасения, будет ли комфортен просмотр. Другая часть зрителей сгорала от нетерпения начать. Причем, не все эти реакции были вызваны прочтением анонсов, не все участники следили за ними. Возможно, сама аура соседства слов в названии фильма «убийство» и «священный» провоцирует одновременно страх и интерес.

Поляризация последовательно нарастала, вплоть до того, что, как оказалось, это различие восприятия фильма возникло с самого начала.

По завершении просмотра разделение группы на два непересекающихся лагеря только усугубилось. У одних участников фильм оставил ощущение завершенности и внятности, выраженное фразой «иначе и быть не могло, справедливость восторжествовала». Другие участники, напротив, пребывали в полном недоумении, обвиняя

сюжет в недосказанности, а в крайней позиции, и сам финал, все герои вызывали глубокую неприязнь.

Переживания тех, кто испытывал восторг, не вызывали сочувствия у тех, кому ближе было отвращение. Эта поляризация последовательно нарастала, вплоть до того, что, как оказалось, это различие восприятия фильма возникло с самого начала. Так, до ключевого поворота сюжета (беседы Стивена и Марти в кафе) одни зрители с трудом выдерживали скуку, другие же, напротив, с любопытством следили за развитием отношений. Причем, эти категории зрителей не пересекались однозначным образом. То есть, не все, кто испытывал тревогу перед просмотром, скучали в начале и остались недоумевать в конце. В какой-то момент обсуждение стало жарким – мнение одного участника могло вызывать резкое непонимание и возмущение у другого (при том, что все исходно признают субъективность восприятия).

Расщепление переживаний стало уменьшаться, когда возникла тема: какие чувства вызывают главные герои. Замечу, что герои фильма «Убийство священного оленя» хороши тем, что все они могут вызывать неприятные чувства. И в процессе обсуждения возникло понимание, что ни один герой не вызывает однозначной симпатии.

Катарсис, ради которого древние греки ходили столетиями смотреть одни и те же пьесы, вероятно, возникает при идентификации зрителя с этими плоскими героями и внезапном узнавании себя в их нелепой, преисполненной рока, жизни.

При этом герои не многослойны, как персонажи русского романа, скорее, напротив, плоские в своих проявлениях. Однако, это не уплощение комикса, а, скорее, плоскостность греческой маски. Собственно, сюжет фильма построен на парафразе пьесы античного театра, о чём мы еще порассуждаем. Сейчас лишь отмечу, что катарсис, ради которого древние греки ходили столетиями смотреть одни и те же пьесы, вероятно, возникает при идентификации зрителя с этими плоскими героями и внезапном узнавании себя в их нелепой, преисполненной рока, жизни.

Так, восприятие Стивена (героя Колина Фаррелла) практически всей группой из резко негативного стало наполняться позитивными коннотациями, вплоть до сочувствия. С этого момента в группе начался процесс, который я для себя обозначил как интеграция восприятия. Конечно, до самого конца максимально противоречивые чувства вызывал Марти – персонаж Барри Кеогана. Даже осмысление его действий продвигалось у разных участников в противофазе: одни видели в нём расчетливого психопата, другие – обиженного жизнью подростка, стремящегося хоть как-то исправить ситуацию. Впрочем, разве одно другому мешает? Гнев, с лихвой излитый на Марти, постепенно перетекал на всех участников семейства, включая самого маленького, и, поначалу кажущегося невинным, Боба.

Эту интеграцию восприятия можно сравнить с готовкой некоей прежде неизведанной снеди. Вы смешиваете разные ингредиенты, толчёте их, процеживаете, пробуете, но что это за вкус... хм... это чем-то похоже на прогорклые фисташки. А теперь

Расщепление переживаний стало уменьшаться, когда возникла тема: какие чувства вызывают главные герои

представьте, что вы никогда не пробовали фисташек и, тем более, прогорклых – насколько трудно ухватить это ощущение. Думаю, это и был эффект группового процесса, когда нельзя предугадать, что же окажется в бурлящей алхимической реторте. Могу предположить, что впечатление от своего произ-

ведения, на которое рассчитывает творец, в данном случае режиссёр, примерно одно и то же для всех. Только каждый, как слепец из притчи, получает свой элемент слона. Если этот слон не окончательно припечатал зрителя к стене, то есть шанс нащупать его другой элемент и ощутить соприкосновение с целостностью восприятия.

Ближе к концу обсуждения одни участники стали говорить о глубокой печали, которая пришла на смену отвращению. Воодушевление других сменилось растерянностью. Эта смена переживания произошла фактически за полтора часа обычной беседы. Как видно, обсуждение в группе – мощный способ переработки переживания и погружения в непривычные чувства. Кино и искусство – наиболее безопасный способ соприкосновения с теми эмоциями, с которыми в обычной жизни мы не желаем сталкиваться.

Так, по завершении мероприятия я столкнулся с чувством, которое оказалось ближе всего к соприкосновению с Невыразимым – это и был синтез ощущений Завершённой Ясности и Незавершённой Недосказанности, о которых говорили участники сразу после просмотра. Эти два компонента по отдельности отражены и в представленных рецензиях.

Анастасия Черникова

В качестве эпиграфа к фильму можно было бы поставить высказывание Карла Густава Юнга: «Когда вы не осознаете происходящее внутри вас, внешне это кажется судьбой». Согласно Юнгу, самый тяжчайший грех – нежелание достигнуть осознания, когда такая возможность есть. Именно поэтому он говорит, что с точки зрения психологии одной из самых злых и губительных сил являются нереализованные творческие способности. По этому поводу Мария-Луиза фон Франц отмечала: «Если кто-то обладает творческим даром и вследствие своей лени или по какой-либо другой причине его не использует, эта психическая энергия превращается в настоящий яд».

Кардиохирург Стивен не живет. Жить он страшится. На работе он играет в хорошего врача, с женой – в доминирование и подчинение со сменой ролей в жизни и в сексе, и лишь некоторые его фантазии и поступки выдают в нем желание нарушить табу. У Рональда Лэйнга есть такое выражение: «испугаться до жизни». Без анестезии «ложная» жизнь довольно тягостна. И будто бы для этого Стивен притупляет своё сознание алкоголем ещё сильнее, чтобы переход границы всё-таки произошёл.

Это и был эффект группового процесса, когда нельзя предугадать, что же окажется в бурлящей алхимической реторте.

Так, царь Агамемнон, охотящийся в рощах Артемиды, случайно подстрелил её священную лань, чем вызвал гнев богини – покровительницы охоты и хранительницы семейного счастья. Убийство священного животного и нарушение табу – плохой знак. Стивен оперировал немного пьяным. Он нарушил табу и перешёл границы дозволенного. Спустя некоторое время после операции на сердце без видимых причин умирает человек, который должен был выздороветь.

Обсуждение в группе – мощный способ переработки переживания и погружения в непривычные чувства.

Под давлением бессознательной вины Стивен начинает общение с Мартином – сыном погибшего пациента. Он как будто пытается откупиться от Мартина, но тот становится все более навязчивым и преследующим, как навязчивая идея и как повторяющийся кошмар все глубже проникают в сознание, переполняющееся тревогой и ужасом. Символично, что Стивен дарит Мартину часы – «время пришло» и позднее получает ответный подарок – швейцарский нож.

Мартин выглядит как безумный, но его речь точна и правдива, она похожа на скальпель, изнутри вскрывающий давно зашитый надрез на неудачно прооперированном мертвце. Но кто этот мертвец? Возможно, этот экзистенциальный мертвец и есть сам Стивен, который без всякой анестезии вторгается в собственное сознание, совершая оплошность. Нарушение табу – угроза настоящему состоянию «Я», угроза человеку, живущему бессознательно, и бессознательно переходящему границы. Агамемнон не смотрел в кого стреляет, Стивен оперировал пьяным. Как и Агамемнон, он задел «богов», и колесо его судьбы пришло в движение, бессознательное желание превратилось в рок. Что же дальше? «Боги» требуют жертву.

Возможно, неслучайно, что фамилия Мартина – Лэйнг. Известный шотландский психиатр Рональд Лэйнг описывал безумие как попытку вырваться из душных и лживых, по сути шизофренических, социальных систем, держащихся на многочисленных переплетениях лжи, образующих «узлы». Мартин Лэйнг разрушает гордые узлы семейной системы Стивена. Как жрец от имени «богов», Мартин озвучивает необходимую жертву: «Мы оба знали, что этот момент настанет – время пришло. Вы убили члена моей семьи и теперь вам надо убить своего». Также Артемиде попросила у Агамемнона его дочь Ифигению взамен убитой лани.

У Стивена вроде бы есть выбор, но, по сути, ему приходится пожертвовать всем. Дочь тянется к Мартину подобно Ифигении, ставшей по милости Артемиды, жрицей «богов». Погибает сын, обещавший продолжить дело отца, что иллюстрирует нежизнеспособность и бесперспективность настоящего состояния сознания Стивена. Ведь что такое дети? Это – жизнь, устремлённая в будущее. А у Стивена также нет будущего, как и настоящего – оно ложное и пустое. Однако теперь он столкнулся с этой пустотой лицом к лицу.

Когда вы не осознаете происходящее внутри вас, внешне это кажется судьбой.

Сможет ли Стивен жить после операции, проведённой изнутри, с рассыпавшимся мнимым благополучием и потерей сына и какая это будет жизнь и отношения, – мы можем только предполагать. Но такая плата за нарушение табу. За то, чтобы связь с «богами» была установлена.

Ольга Давыдова

В своей книге «Притихшие дети» Джин Маганья описывает ситуации, когда вполне здоровые дети или подростки внезапно перестают ходить, говорить и есть (возможны разные сочетания). Они ничего не объясняют, ничего не просят, но окружающие их люди догадываются, что им плохо и больно. Такой отказ от жизни указывает на тупик, на который наткнулась психика ребенка. Это может быть негласный протест против ситуации в семье или школе, против поведения родителей, их установок, норм, правил общества. Это может быть и отказ взрослеть, проявление всемогущего желания остаться ребенком. Именно это происходит с Ким и Бобом – детьми кардиохирурга Стивена. Против чего протестуют дети Стивена?

Ответ на поверхности. Их протест направлен против идеальности. Жизнь этой семьи красива и безупречна, они богаты, профессиональны, они – элита. Это семья великодушных нарциссов (актеры подобраны отлично – Колин Фаррелл и Николь Кидман), но это – мертвая семья, в ней нет живости. Специализация Стивена как кардиохирурга – коронарная ангиопластика или стентирование. В сосуды сердца, заросшие холестериновыми бляшками, вставляется стент, суженные сосуды расширяются и снова пропускают кровь, как в молодости. Такая техническая попытка противостоять омертвлению сердца. Но фактически Стивен врёт себе, что живёт. Он врёт, что всё в его жизни идеально и, что еще хуже, верит в свое вранье.

Из-за бесконечного вранья Стивена и идеальности его семьи первую часть фильма меня не отпускало чувство пустоты и досады. Ну как же так, ну неужели он так и не встретится с жизнью. Мне захотелось, чтобы Стивена «дожали».

Тут в его жизнь приходит Мартин, подросток 16 лет. Подростки часто неприятны – гадкие утята, непропорциональные, нескладные. Но Мартин неприятен особо, даже отвратителен. Внешность актера (Барри Кеоган) иллюстрирует примитивность, бугристость, недоразвитость, жутковатость. Актер – ирландец, а холеные британцы не любят примитивных и грубых ирландцев. Можно сказать – это их тень. Силы в этой фигуре много, но она не гармонична, не притягательна, вызывает ассоциацию с извивающимся червем, змеей. Подросток нарушает границы Стивена, ломает его привычный график, пытается захватить его время и внимание все больше и больше.

Когда Стивен наконец-то выставляет «законный» барьер Мартину, тот «срывается» и запускает по полной процесс слома «дома, который построил Стивен». Теперь Стивен должен убить одного из членов своей семьи взамен убитого им по преступной врачебной халатности отца Мартина. Когда Мартин выложил свое «око за око», я ощутила облегчение.

В чем же дожали Стивена? В том, что ему пришлось пойти на поводу иррационального. Ему, такому разумному, логичному, всемогущему пришлось

Одной из самых злых
и губительных сил являются
нереализованные творческие
способности.

Нарушение табу – угроза
настоящему состоянию «Я»,
угроза человеку, живущему
бессознательно, и бессознательно
переходящему границы.

оказаться абсолютно беспомощным перед лицом иррационального в образе некрасивого, примитивного Мартина и принять его условия, сыграть по его правилам.

Мартин – это симптом, болезнь, смерть близкого, это внезапная авария, непослушный, бесячий сын-подросток, дочка-анорексичка, с которыми ты ничего не можешь сделать, это – неожиданное ограбление, паническая атака, нападение бродячей собаки, это упадок сил и депрессия, это, наконец, те самые «притихшие дети», твои внутренние дети, которые вдруг отказываются больше так жить, и непонятно, что с ними не так, непонятно как помочь, что дальше делать. Все, на что ты опирался раньше – бесполезно!

Какое-то время Стивен побарахтался, поборолся за свой прекрасно-стерильный мир. Ответом ему были неудачи, бессилие и разочарование. Встреча с иррациональной стороной жизни проявила абсолютную беспомощность и страх Стивена перед настоящей жизнью. Текущая эго установка получила жесточайший удар.

Изменило ли это Стивена по-настоящему? Этот вопрос Йоргос Лантимос оставляет открытым. После убийства «священного оленя» героями не было произнесено ни слова, концовка многовариантна. Остается поразмышлять о том, как может трансформироваться Стивен. И от таких размышлений интересно, приятно и объемно внутри – это и есть тот самый свет в конце тоннеля, утешение фильма.

Андрей Ворох

Хорошо, когда всё хорошо, – уважаемая профессия, уютный дом, где к ужину ждут двое деток и жена с внешностью и грацией Николь Кидман, да и сам ты – Колин Фарелл с невероятной окладистой бородой. Всё просто замечательно – главное, чтобы были законопачены все трещинки, куда могут просочиться ненужные чувства, пока внезапный удар рока не сокрушит фундамент устойчивого быта и не подвергнет сомнению иллюзию безопасности. Режиссёр Йоргос Лантимос, снявший до этого фантастическо-исторического «Лобстера», вновь подталкивает зрителя к теме семейных ценностей и неожиданно вечному вопросу греческой трагедии – как человек встречает фатум-судьбу и что с ним происходит во время этой встречи.

Предлагая к анализу творчество Йоргоса Лантимоса, я исходил из того, что для этого фильма аллюзии, метафоры, интерпретации заведомо избыточны, а поэтому всё, что остается, это только переживать, не анализируя. Ведь само название фильма делает его сюжет голой конструкцией. Отсылка к мифу об Ифигении словно говорит: «сейчас

Встреча с иррациональной
стороной жизни проявила
абсолютную беспомощность
и страх Стивена перед настоящей
жизнью.

Музыка становилась первым провозвестником ухода ригористического
средневекового канона и смены строгости академического классицизма
на свободу чувств, на проявления человека во всей эмоциональной
полноте.

вы услышите историю, как из-за случайной ошибки человек жертвует кем-то из близких». По сути, заголовок – это спойлер. Если зритель не поверил названию, эту же фразу скороговоркой вываливает Мартин, до этого извиняясь, что спалил интригу при подарке, сперва вручив Стивену нож, а после сказав: «у меня сюрприз». Точно такой же сюрприз вручает нам режиссёр. Он будто бы говорит: схема проста и даже тривиальна – сейчас мы посмотрим, как боги вторгаются в мир людей.

В качестве намёка на киношную конструкцию Бога нам показывают, что любимый фильм Мартина – «День сурка». И мы видим фрагмент из фильма, где Билл Мюррей подтрунивает в кафе над собеседницей, изображая из себя Бога. Таким богом, немного издевающимся над зрителем, является сам режиссёр и произведенное им кино. Однако, саму идею такого издевательства придумали древние греки, создав жанр трагедии.

Из-за открытости сюжета, предложенной Лантимосом, возникает совершенно потрясающий эффект – каждый начинает вчитывать в этот сюжет желаемое (звучит немного безжалостно по отношению к участникам фильм-анализа, но что поделать – таков рок). Кто-то (как я при первом просмотре) видит психопатию Мартина и алекситимию Стивена и остается с возмущением и шоком от увиденного. Кто-то (как я при втором

«Убийство священного оленя» из тех фильмов, которые
не столько требуют осмыслять сюжет, сколько заставляют возвращаться
эмоциональные шестерёнки, которые мы не очень любим трогать
в повседневной жизни.

просмотре) видит сложную, почти религиозную атмосферу дохристианского мира, где царит безжалостный рок и капризы богов. В таком мире роль героя – принять судьбу достойно, без лишних сантиментов. В этом мире неуместны христианские понятия – вина, стыд и боль утрат. Они есть, но служат не для покаяния героя, а играют роль сырой нефти, из которой удобно производить достижения духа. Это окаймление христианской патетикой отражено в, пожалуй, единственных, тайных знаках – музыкальных композициях начала и конца фильма.

Так, с первой секунды мы слышим секвенцию «Stabat Mater», что означает «Стояла Мать скорбящая», в которой повествуется о страданиях Богородицы у Креста. Режиссер использует версию Франца Шуберта, написавшего её в 19 лет. В нежных и притом мрачных интонациях композиции была слышна тихая, но уверенная поступь новой эпохи – романтизма. Музыка становилась первым провозвестником ухода ригористического средневекового канона и смены строгости академического классицизма на свободу чувств, на проявления человека во всей эмоциональной полноте. Для этого молодой Шуберт вливает в старые мехи религиозных песнопений новый дух безраздельной захваченности бытием. Мы видим в фильме как скальпель режет окровавленное сердце, а в это время звучат слова (правда, на немецком): «Иисус Христос распят на Кресте! Его окровавленная глава свисает в кровавость смертной ночи». Что хочет сказать режиссёр, размещая эту композицию в начале фильма? Имеет ли значение революционность шубертовского жеста, сместившего молитвенное стояние в чувственное переживание? А может, напротив, режиссёр тем самым намекает о закате эпохи романтического

пафоса и рождении нового мира грядущей эмоциональной стерильности? Завершается фильм сценой в кафе быстрого питания, где встречаются герои фильма и смотрят друг на друга в полном молчании под торжественный хорал: «Herr, unser Herrscher» из «Страстей по Иоанну» Иоганна Себастьяна Баха. Что означает это славословие Богу в конце такого греческого сюжета?

При желании в этих музыкальных решениях можно увидеть и метафору евангельского сюжета, победившего эллинизм, и парафраз падения античного мира с его героическим пафосом принятия рока и судьбы. Также можно увлечься сопоставлением текущего положения вещей в мире и исторического перелома в судьбе Европы. В любом случае, при такой интерпретации символов я непроизвольно навешиваю свою версию восприятия на изначальный скелет.

Так, входя в кабинет, вы вешаете пальто в углу и после вас спрашивают: «А что в углу?», вы отвечаете: «Пальто», вас спрашивают: «И всё?», вы замечаете: «Ещё шарфик и шапка». Но что Вы не заметили? Конечно! – Вешалку! Сюжет трагедии и оказывается той самой вешалкой, благодаря которой мы можем залипать на одни и те же истории, словно дети, ожидая заранее известный конец колобка.

«Убийство священного оленя» из тех фильмов, которые не столько требуют осмыслить сюжет, сколько заставляют вращаться эмоциональные шестерёнки, которые мы не очень любим трогать в повседневной жизни. Поэтому важна возможность поделиться своим переживанием от просмотра, услышать, как видит другой и, тем самым, соприкоснуться с тем греческим мифом, что живёт внутри каждого из нас. Такой непустой фильм чем-то похож на коан – расширяющий сознание вопрос, попытки ответить на который приводят не к нахождению ответа, а к изменению самого отвечающего на вопрос в результате мучительных поисков.

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

ISBN 978-5-6048201-8-6

9 785604 820186